

# ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1897.

№ 16.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

## СОДЕРЖАНІЕ:

### I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій. *Ив. Корсунскаго* . . . . . 205—224  
Ложные Пророки въ Вѣдомъ Завѣтъ (окопчаніе). *Свящ. В. Шингарева*. . . . . 225—236  
Св. Левъ Великій, его жизнь и творенія (продолженіе). *И. Дроздова* . . . . . 237—264

### II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Православная догматика и религіозно-философское умозрѣніе. *П. Тихомирова* . . . . . 107—129  
„Золотые стихи Пифагорейцевъ“ съ комментариемъ Геронла философа. *Проф. Г. В. Малеванскаго* . . . . . 130—158

### III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 1896/96 учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія замѣтки.—Объявленія.



ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

# „ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. **Отдѣлъ церковный.** Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. **Отдѣлъ философскій.** Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, боже и менше пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, вмѣстѣ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ **Харьковѣ:** въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, контора В. Гиляровскаго, Столѣнниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенныя годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

*Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:*

1. „**Живое Слово**“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „**Древніе и современные софисты**“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. **Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство“** Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστει νοοῦμεν.

*Върою разумѣваемъ.*

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Августа 1897 года.  
Временно-исправл. должность цензора  
Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

## Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій.<sup>1)</sup>

*„Преосвященный Иннокентій по своему духу и подвигамъ есть мужъ апостольскій“. Филаретъ, митрополитъ Московскій.*

„Благодаримъ Господа за Его милости и благопромышленіе, явленныя въ твоей жизни,—чего ты и желалъ, конечно, завѣщавая намъ возвѣстить во всеуслышаніе, какъ обрѣлъ тебя Господь въ глубинѣ безвѣстности и бѣдности, какими одарилъ тебя дарованіями, какими трудами укрѣплялъ и возвышалъ твою душу, какія великія дѣла благословилъ совершить тебѣ и какими несповѣдимыми путями привелъ тебя изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ отечества на престолъ Московскихъ святителей“. Такъ говорилъ въ надгробномъ словѣ въ Бозѣ почившему Иннокентію, митрополиту Московскому, бывшій ближайшимъ сотрудникомъ его по званію викарія Московской митрополіи, нынѣ высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Харьковскій Амвросій<sup>2)</sup>. И подлинно, одинъ только Господь, въ своемъ премудромъ благопромышленіи о мірѣ и родѣ человѣческомъ, въ извѣстное время воздвигаетъ мужа благопотребнаго (Сир. 10, 4) на томъ

<sup>1)</sup> Въ настоящемъ нашемъ очеркѣ главнымъ источникомъ для насъ служила большая книга *Ив. Пл. Барсукова* подъ заглавіемъ: „Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ“. Москва, 1883 4<sup>о</sup>. Стран. VIII+769+14+XIV. Но внимательный читатель легко замѣтитъ, что какъ въ постановкѣ дѣла изслѣдованіи (взамѣнъ исключительно хронологической въ книгѣ Барсукова), такъ и въ раскрытіи многихъ подробностей нашъ очеркъ даетъ и не мало новаго, которое должно быть дорого для искреннихъ почитателей памяти въ Бозѣ почившаго архіепископа.

<sup>2)</sup> *Проповѣди Амвросія епископа Дмитровскаго*. Стран. 167. Москва, 1883.

или другомъ поприщѣ служенія и дѣятельности ко благу общему. Онъ и во глубинѣ безвѣстности обрѣтаетъ такого мужа и, одаривъ его со дня рожденія необходимыми для будущаго его служенія дарованіями, отъ дней младенчества, не смотря на всѣ препятствія, какъ бы они сильны ни были съ точки зрѣнія человѣческаго разума, ведетъ его путемъ самымъ вѣрнымъ и близкимъ къ достиженію предположенной цѣли; соотвѣтствующими трудами укрѣпляетъ и возвышаетъ душу Своего избранника; дѣлаетъ его орудіемъ совершенія великихъ дѣлъ, свойственныхъ безконечному величію Божию и наконецъ, въ какой бы отдаленности отъ свѣта ни находился этотъ избранникъ, ставитъ его на *свѣтнникъ*, какъ свѣтильникъ, да *свѣтитъ* *всѣмъ*, *уже суть въ храмнѣ*, т. е. въ церкви Божіей (сравн. Матѣ. 5, 15). Такимъ именно путемъ Господь вывелъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ Сибири и Америки, привелъ и поставилъ на свѣщникѣ святительскаго престола церкви Московской митрополита Иннокентія, столѣтіе со дня рожденія котораго нынѣ исполнилось.

Сынъ бѣднаго пономаря села Ангинскаго Верхоленскаго уѣзда Иркутской епархіи, родившійся 26 августа 1797 года, высокопреосвященный Иннокентій, въ мірѣ Иванъ Евсевіевичъ (или по просту: Евсеичъ) Поповъ, а послѣ Веніаминовъ <sup>1)</sup>, уже въ 1803 году, будучи шести лѣтъ отъ роду, лишился отца, успѣвшаго однако же обучить его грамотѣ. Осиротѣвшая мать его, съ четырьма дѣтьми, осталась въ безпомощномъ состояніи. Но вотъ Господь, Отецъ сирыхъ и Промыслитель о безпомощныхъ, подвигъ сердце дяди его по отцу, діакона Дмитрія Попова, къ тому, чтобы принять участіе въ сиротствующемъ семействѣ. Дядя беретъ младенца Іоанна къ себѣ и продолжаетъ его обученіе по часослову и псалтири; учитъ его и письму. Когда мальчикъ подросъ и началъ хорошо читать въ церкви Апостолъ и Псалтирь, на утѣшеніе благоговѣйнаго ду-

<sup>1)</sup> Фамилію Веніаминова ему дали уже впоследствии, когда онъ учился въ духовной семинаріи, въ память Веніамина (Багринскаго), епископа Иркутскаго, скончавшагося въ 1814 году. Прозывался онъ также, по родинѣ, и Ангинскимъ. См. *И. П. Барсукова*, „Иннокентій митр. Моск. и Колом. по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ“, стр. 6. Москва, 1883.

ха всѣхъ богомольцевъ церкви, то мать хотѣла этимъ воспользоваться, чтобы опредѣлить его на отцовское пономарское мѣсто и тѣмъ доставить себѣ и сиротствующему семейству своему опору въ немъ <sup>1)</sup>. Но Господь бодрствовалъ надъ Своимъ избранникомъ и чрезъ того же дядю его, бывшаго въ то время уже въ Иркутскѣ, въ санѣ крестоваго іеромонаха, ввелъ его во святилище науки—въ Иркутскую духовную семинарію, въ которой онъ и обучался наукамъ съ 1806 года по 1818 годъ. Обученіе его шло съ наилучшимъ успѣхомъ, и если бы не то обстоятельство, что Иванъ Евсѣичъ Веніаминовъ, за годъ до окончанія семинарскаго курса, по обычаямъ того времени, вступилъ въ бракъ и рукоположенъ былъ во діакона къ Иркутской Благовѣщенской церкви, онъ непременно посланъ былъ бы и въ духовную академію для высшаго богословскаго образованія <sup>2)</sup>. Но безъ сомнѣнія, этимъ обстоятельствомъ, и устроившимся также по исключительной причинѣ <sup>3)</sup>, Господь хотѣлъ въ Своемъ избранникѣ показать, какъ и въ некнижныхъ <sup>4)</sup> (ἀγράμματοι) апостолахъ (Дѣян. 4, 13) показалъ, большую славу свою, сдѣлавъ его орудіемъ несравненно болѣе достохвалныхъ дѣяній, нежели какія совершаемы были многими людьми, получившими высшее богословское образованіе, и съ такимъ образованіемъ стоявшими на свѣщникахъ престоловъ святительскихъ.

Прослуживъ до окончанія и по окончаніи семинарскаго курса въ санѣ діакона четыре года, Іоаннъ Веніаминовъ былъ за тѣмъ рукоположенъ и во священника къ той же Иркутской Благовѣщенской церкви, 18 мая 1821 года. Повидимому, здѣсь долженъ былъ бы стоять и предѣлъ земнаго устроенія судьбы человѣка въ томъ положеніи, какое выпало на долю Веніаминова по его рожденію и воспитанію. Дальнѣйшаго повышенія по службѣ, какое только могло быть въ такомъ положеніи, нужно было бы ожидать въ предѣлахъ самой же Ир-

1) Эту попытку мать возобновляла и послѣ неоднократно.

2) См. *И. Барсукова*, тамъ-же, стр. 8—9.

3) См. изъясненіе этой причинны тамъ-же стр. 8.

4) И самъ владыка Пиннокентій, при вступленіи на кафедру Московской митрополита, по смиренію, называетъ себя „безкнижнымъ“. (*Барсукова*, 594).

кутской епархіи <sup>1)</sup>. Но Промыслъ Божій готовилъ Своему избраннику совершенно неожиданное назначеніе и служеніе, выведши его далеко за эти предѣлы.

Не даромъ уже на семинарской скамьѣ у Веніаминава обнаружались, кромѣ блестящихъ уственныхъ дарованій по усвоенію курса наукъ семинарскихъ, и особыя дарованія духа: предприимчивость, соединенная съ непреклонною рѣшимостью воли, не останавливавшаяся ни предъ какими препятствіями; необыкновенная практическая смѣтливость, изобрѣтательность и другія. Онъ былъ уже тогда и искуснымъ механикомъ и хорошимъ техвикомъ: устроилъ часы, музыкальные инструменты и т. д. Господь какъ бы и этимъ приуготовлялъ его къ великому служенію, которое его ожидало въ недалекомъ будущемъ.

Въ началѣ 1823 года преосвященный Иркутскій Михаилъ II (Бурдуковъ), сперва епископъ, а потомъ архіепископъ Иркутскій, получилъ Синодальный указъ, чтобы въ Колонію Россійско-Американской Компаніи, на островъ Уналашку, послать священника. Ни воззванія преосвященнаго къ добровольному отправленію туда потребныхъ лицъ изъ духовенства, ни даже назначеніе по жребію избранныхъ имъ діаконѡвъ не приводили къ желанной цѣли. Никто не хотѣлъ отправляться въ отдаленную, невѣдомую страну. Лучше въ солдаты хотѣли идти, нежели туда отправляться <sup>2)</sup>. Преосвященный былъ въ большомъ затрудненіи относительно исполненія Синодальнаго указа. Но въ это-то время и осѣняетъ Господь призывающею благодатію умъ іерея Іоана Веніаминава, воспламеняетъ сердце его горячимъ желаніемъ послужить спасенію дальнихъ по мѣсту жительства, но ближнихъ по духу во Христѣ алеутовъ, жившихъ на островѣ Уналашкѣ и сосѣднихъ островахъ. Никѣмъ

<sup>1)</sup> Живой примѣръ этого представлялъ даже такой изъ товарищей преосвященнаго Иннокентія по семинаріи, какъ протоіерей Ц. В. Громовъ, который получалъ и высшее богословское образованіе (окончилъ курсъ со степенью кандидата въ Московской духовной академіи въ 1822 году) и по окончаніи курса академическаго, въ 1823 году, поступилъ во священники на мѣсто І. Веніаминава въ Иркутской Благовѣщенской церкви. О протоіерей Громовѣ см. у о. С. К. Смирнова въ „Исторіи Московской духовной академіи“, стр. 472—473. М. 1879.

<sup>2)</sup> Опасались между прочимъ деспотизма свѣтскихъ представителей власти въ Америкѣ и Камчаткѣ. См. Барсукова, стр. 10.

изъ людей не принуждаемый, и по началу самъ также какъ и другіе не расположенный итти въ безвѣстную даль <sup>1)</sup>, о. Іоаннъ за тѣмъ, не предваривъ никого изъ домашнихъ, является къ преосвященному и заявляетъ свое желаніе отправиться на Уналашку. Какимъ же образомъ благодать Божія коснулась сердца молодого іерея? Онъ самъ впоследствии (въ 1845 г.) писалъ объ этомъ въ письмѣ къ оберъ-прокурору Св. Синода, графу Н. А. Протасову: „Считаю себя обязаннымъ всегда, вездѣ и предъ всѣми исповѣдывать, что желаніе ѣхать въ Америку, было совершенно не мое; но Господь, по великой милости Своей ко мнѣ, далъ мнѣ его. Да позволено будетъ мнѣ рассказать кратко объ этомъ. Когда, по просьбѣ Американской Компаніи, было предписано отъ Св. Синода Иркутскому преосвященному избрать священника на Уналашку, и который бы самъ изъявилъ свое желаніе; тогда сдѣлана была повсемѣстная повѣстка, а потому спрашивали и меня; но я, такъ какъ и всѣ, отрекся. Послѣ того, нѣкто изъ соотечественниковъ нашихъ—Крюковъ, прожившій въ Уналашкѣ 40 лѣтъ, прибылъ въ Иркутскъ и, остановясь въ моемъ приходѣ, познакомился со мною очень коротко. Онъ много разъ рассказывалъ мнѣ хорошаго о тамошнемъ краѣ и убѣждалъ меня ѣхать туда, но ничто и никакія выгоды не прельщали меня, и даже (не помню навѣрное), можетъ быть, онъ мнѣ рассказывалъ и объ усердіи Алеутовъ къ Христіанской вѣрѣ. Но я былъ глухъ. Наконецъ этотъ же самый Крюковъ, будучи у преосвященнаго Михаила, гдѣ случилось и мнѣ быть, между прочимъ, сказалъ слѣдующія слова: „Ахъ, Ваше Преосвященство! Вы не повѣрите, какъ Алеуты усердны къ вѣрѣ. Несмотря ни на что,—ни на морозъ, ни на снѣгъ, они съ охотою и усердіемъ идутъ къ заутренѣ въ часовню, которая построена изъ досокъ и не имѣетъ печки; и стоятъ иногда даже и босые, не переступая съ ноги на ногу и до тѣхъ поръ, пока читаютъ заутреню“. Эти самыя слова какъ стрѣлою уязвили мое сердце, и я загорѣлъ желаніемъ ѣхать въ Америку. И благодарю Господа

---

<sup>1)</sup> Срав. *Барсукова*, 127. (Рѣчь Иннокентія по нареченіи во епископа. Рѣчь эта напечатана также въ сборникѣ: „Пастврство в архипастырство“. Изд. П. *Постьлова*. Кіевъ, 1875). Срав. такъ-же «Творенія Иннокентія, митр. Московскаго», собр. *И. Барсуковымъ*, кн. I, стр. 142. Москва, 1886.

и молю Его, дабы Онъ сподобилъ еще ѣхать туда и дальнѣе силы послужити Ему въ преподобіи и правдѣ во вся дни живота моего!“<sup>1)</sup> Преосвященный и изумленъ былъ этимъ заявленіемъ, какъ неожиданнымъ, и огорченъ, ибо лишился выдающагося по дарованіямъ и неутомимой, достойной всякаго одобренія, дѣятельности священника,<sup>2)</sup> и вмѣстѣ обрадованъ, такъ какъ находилъ лицо вполне способное къ исполненію предназначенія, указываемаго высшимъ священновачаліемъ. Когда онъ спросилъ о. Іоанна о побужденіяхъ къ его добровольному вызову отправиться на Уналашку—то доброволецъ-миссіонеръ отвѣчалъ, что слышалъ о глубокой преданности алеутовъ православной вѣрѣ и церкви, о ихъ простосердечіи, беззлобіи и прямодушіи, и потому возгорѣлось у него желаніе „послужить среди такихъ чадъ царствія Божія; а съ тѣмъ вмѣстѣ и посмотрѣть новую часть свѣта“<sup>3)</sup>. Объясненіе—и просто и вполне соотвѣтственно какъ избранію Божію, такъ и характеру избираемаго. Преосвященный благословилъ его благое желаніе. Семейные же отца Іоанна Веніамінова, среди которыхъ была еще жива старушка-мать іерея-добровольца, и слышать не хотѣли объ отправленіи въ далекіе, неизвѣстные края; со слезами и громкими воплями умоляли они его объ отмѣнѣ своего рѣшенія. Но онъ остался непреклоннымъ; ибо влекомъ былъ не своею прихотью, а всемогущею волею Божіею.

Такъ началось миссіонерское служеніе іерея Іоанна Веніамінова, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширявшееся, все болѣе и болѣе сладкіе и благіе плоды приносившее ко спасенію простыхъ, но не просвѣщенныхъ свѣтомъ Христова ученія людей и во славу святой матери нашей православной церкви и дорогого всѣмъ намъ отечества. Въ 1824 году прибылъ отецъ Іоаннъ къ мѣсту своего служенія на островъ Уналашку и съ самаго же начала обна-

1) *Барсукова*, 224 стран., примѣч. См. стран. 525 и дал.

2) О. Іоаннъ уже въ Иркутскѣ, въ своемъ приходѣ завелъ воскресныя внѣ-богослужебныя собесѣдованія и вообще былъ примѣрнымъ пастыремъ. См. у *Барсукова*, тамъ же, стран. 10 и 223.

3) См. у *Барсукова*, стран. 11. А на стран. 12—13 болѣе подробный рассказъ о томъ самаго высокопреосвященнаго Иннокентіа. Сравни также вышеуказанныя мѣста въ книгѣ *Барсукова*.

ружилъ на себѣ всѣ признаки истиннаго избранія и призванія Божія на дѣло миссіонерства,—дѣло великое, прямо апостольское, но далеко не всякому доступное. Онъ скоро и хорошо ознакомился съ алеутами, ихъ нравами, бытомъ, ихъ духовными и тѣлесными нуждами, основательно изучилъ ихъ языкъ, самъ своими, можно сказать, руками построилъ для нихъ церковь Божію, которой дотолѣ не существовало на Уналашкѣ (была тамъ лишь деревянная часовня), не смотря на то, что христіанство между алеутами распространено было задолго до него; входилъ въ ихъ нужды и помогаль имъ чѣмъ могъ. При этомъ онъ обнаружилъ свою, вышеупомянутую, практическую смѣтливость и изобрѣтательность, научая алеутовъ разнаго рода ремесламъ, рукодѣліямъ и искусствамъ, культивируя ихъ, если говорить языкомъ нынѣшняго времени. Но главное вниманіе обратилъ онъ, разумѣется, на духовное ихъ просвѣщеніе, на озареніе ихъ свѣтомъ ученія христіанскаго. Въ его духовномъ вѣдѣніи находились алеуты не только острова Уналашки, но и сосѣднихъ Лисьихъ острововъ. Почти всѣ они были крещены раньше его прибытія туда, но ученіе Христово, и особенно духъ сего ученія, не глубоко были вкоренены въ нихъ, ибо первые проповѣдники ученія Христова лишь поверхностно знакомы были съ обрацаемыми въ христіанство, не знали основательно даже самаго языка ихъ, въ мѣльчайшихъ изгибахъ котораго, имъ недовѣдомыхъ, равно какъ и въ нравахъ и обычаяхъ алеутовъ, таилось еще много языческаго. Поэтому для отца Іоанна и послѣ тѣхъ вѣропроповѣдниковъ была здѣсь обильная духовная жатва. Но чтобы получить добрые плоды отъ такой жатвы, пужно было еще напередъ разрыхлить почву и исправить поствѣ; а для сего лучшіе узнать то и другое. И священникъ Іоаннъ Веніаминовъ сдѣлалъ это наилучшимъ образомъ, такъ что собственно насажденіе христіанства между алеутами по справедливости должно быть приписано не чьей либо иной, а именно его заслугѣ. Не иной кто какъ онъ именно первый далъ, можно сказать, научную организацію и языку алеутовъ, составивъ букварь и грамматику этого языка, и переведши на языкъ алеутско-лисьевскій Евангеліе отъ Маттея, краткій Катехизисъ православной церкви и другія духовныя

книги, а свое извѣстное общедоступное и вмѣстѣ глубоко-поучительное сочиненіе: „Указанія пути въ царствіе небесное“, переведенное на разные языки и выдержавшее доселѣ нѣскольکو десятковъ изданій, прямо и написалъ на алеутскомъ языкѣ.

Десять лѣтъ пробылъ о. Іоаннъ на Уналашкѣ и въ теченіе этого времени прочно утвердилъ въ сердцахъ алеутовъ святое насажденіе христіанской вѣры, всюду являясь между ними не только какъ пастырь между послушными гласу его овцами, но и какъ отецъ между дѣтьми, взаимно его любившими и чтившими, и осѣняемый благодатною помощію свыше.

„Проживши на островѣ Уналашкѣ почти 4 года,—разсказывалъ послѣ самъ онъ о себѣ,—я, въ Великій постъ, отправился въ первый разъ на островъ Акунъ къ Алеутамъ, чтобы приготовить ихъ къ говѣнію. Подъѣзжая къ острову, я увидѣлъ, что они всѣ стояли на берегу наряженными, какъ бы въ торжественный праздникъ, и когда я вышелъ на берегъ, то они всѣ радостно бросились ко мнѣ и были чрезвычайно со мною ласковы и предупредительны. Я спросилъ ихъ: почему они такіе наряженные?—Они отвѣчали: „Потому что мы знали, что ты выѣхалъ и сегодня долженъ быть у насъ; то мы на радостяхъ и вышли на берегъ, чтобы встрѣтить тебя“.—Кто же вамъ сказалъ, что я буду у васъ сегодня и почему вы узнали, что я именно отецъ Іоаннъ?—„Нашъ шаманъ, старикъ Иванъ Смирениковъ, сказалъ намъ: ждите, къ вамъ сегодня пріѣдетъ священникъ; онъ уже выѣхалъ и будетъ учить васъ молиться Богу; и описалъ намъ твою наружность такъ, какъ теперь видимъ тебя“.—Могу ли я этого вашего старика—шамана видѣть?—„Отчего же, можешь; но теперь его здѣсь нѣтъ, и когда онъ пріѣдетъ, мы скажемъ ему; да онъ и самъ безъ насъ придетъ къ тебѣ“.

Это обстоятельство хотя чрезвычайно меня и удивило, но я все это оставилъ безъ вниманія и сталъ готовить ихъ къ говѣнію, предварительно объяснивъ имъ значеніе поста и проч., какъ явился ко мнѣ этотъ старикъ—шаманъ и изъявилъ желаніе говѣть и ходилъ очень аккуратно, и я все таки не обращалъ на него особеннаго вниманія и, во время исповѣди, упустилъ даже спросить его: почему Алеуты называютъ его шаманомъ?—и сдѣлать ему по этому поводу нѣкоторое настав-

леніе. Приобщивши его Св. Тайнъ, я отпустилъ его...—И что же? къ моему удивленію, онъ, послѣ причастія, отправился къ своему тоёну и высказалъ ему свое неудовольствіе на меня, а именно за то, что я не спросилъ его на исповѣди, почему его Алеуты называютъ шаманомъ, такъ какъ ему крайне непріятно носить такое названіе отъ своихъ собратій, что онъ вовсе не шаманъ. Тоёнъ, конечно, передалъ мнѣ неудовольствіе старика Смиреникова, и я тотчасъ же послалъ за нимъ, для объясненія, и когда посланные отправились, то Смирениковъ попался имъ на встрѣчу съ слѣдующими словами: „я знаю, что меня зоветъ священникъ отецъ Іоаннъ, и я иду къ нему“. Я сталъ подробно расспрашивать о его неудовольствіи ко мнѣ, о его жизни,—и на вопросъ мой, грамотенъ ли онъ? онъ отвѣтилъ, что хотя и неграмотенъ, но Евангеліе и молитвы знаетъ. Тогда я спросилъ его объясненія, почему онъ знаетъ меня, что даже описалъ своимъ собратьямъ мою наружность, и откуда узналъ, что я въ извѣстный день долженъ явиться къ вамъ и что буду учить васъ молиться? Старикъ отвѣчалъ, что ему все это сказали двое его товарищей? Кто же эти двое твои товарищи? спросилъ я его. „Бѣлые люди“, отвѣтилъ старикъ;—они, кромѣ того, сказали мнѣ, что ты, въ недалекомъ будущемъ, отправишь свою семью берегомъ, а самъ поѣдешь водою къ великому человѣку и будешь говорить съ нимъ“.—Гдѣ же эти твои товарищи, бѣлые люди, и что это за люди и какой же они наружности? спросилъ я его. „Они живутъ недалеко здѣсь въ горахъ и приходятъ ко мнѣ каждый день“;—и старикъ представилъ ихъ мнѣ такъ, какъ изображаютъ св. Архангела Гавріила, т. е. въ бѣлыхъ одеждахъ и перепоясанныхъ розовою лентою чрезъ плечо. Когда же явились къ тебѣ эти бѣлые люди въ первый разъ?—„Они явились вскорѣ, какъ окрестилъ насъ іеромонахъ Макарій“. Послѣ сего разговора, я спросилъ Смиреникова: а могу ли я ихъ видѣть? „Я спрошу ихъ“, отвѣтилъ старикъ и ушелъ отъ меня. Я же отправился на нѣкоторое время на ближайшіе острова, для проповѣдыванія слова Божія, и, по возвращеніи своемъ, увидавъ Смиреникова, спросилъ его: что же ты спрашивалъ этихъ бѣлыхъ людей, могу ли я ихъ видѣть, и желаютъ ли принять меня?—„Спрашивалъ,

отвѣчалъ старикъ; они хотя и изъявили желаніе видѣть и принять тебя, но при этомъ они сказали: зачѣмъ ему видѣть насъ, когда онъ самъ учитъ васъ тому, чему мы учимъ? Такъ пойдемъ, я тебя приведу къ нимъ“.

„Тогда что-то необъяснимое произошло во мнѣ“,—говорилъ отецъ Іоаннъ Веніаминовъ:—„какой-то страхъ напалъ на меня и полное смиреніе. Что ежели въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, увижу ихъ, этихъ ангеловъ, и они подтвердятъ сказанное старикомъ? и какъ же я пойду къ нимъ? вѣдь я же человѣкъ грѣшный, слѣдовательно и недостойный говорить съ ними, и это было бы съ моей стороны гордостью и самонадѣянностью, если бы я рѣшился идти къ нимъ; и наконецъ свиданіемъ моимъ съ ангелами, я, можетъ быть, превознесся бы своею вѣрою или возмечталъ бы много о себѣ... И я, какъ недостойный, рѣшился не ходить къ нимъ,—сдѣлавъ предварительно, по этому случаю, приличное наставленіе какъ старику Смиреникову, такъ и его собратамъ Алеутамъ, и чтобы они болѣе не называли Смиреникова шаманомъ“<sup>1)</sup>. Какъ это живо напоминаетъ слѣдующій рассказъ, связанный съ именемъ святителя Филарета митрополита Московскаго, глубоко сознававшаго важность дѣла миссіонерскаго и всѣми способами ему содѣйствовавшаго.

„Читая и слыша многое о прозорливости и святости въ Божѣ почившаго Митрополита Московскаго, не хочу и я умолчать объ одномъ знаменательномъ сновидѣніи, имѣвшемъ рѣшительное вліяніе на мою жизнь,—писалъ одинъ алтійскій миссіонеръ редактору „Душеполезнаго Чтенія“ въ 1870 году.

Въ 1854 году поступилъ я на службу въ Алтійскую Духовную Миссію и опредѣленъ былъ въ Чемальскій станъ въ сослуженіе миссіонеру іеромонаху Іоанну. Не успѣлъ я еще осмотрѣться и ознакомиться съ инородцами и съ дѣломъ миссіонерскимъ, какъ миссіонеръ іеромонахъ Іоаннъ, по болѣзни, отказался завѣдывать станомъ миссіи. По распоряженію начальства миссіи, я принялъ отъ него подъ свой надзоръ Чемальскій станъ.

Привыкшему больше къ единообразной монастырской жизни, человѣку въ миссіонерскомъ служеніи неопытному, одному, безъ

<sup>1)</sup> Барсукова, стран. 33—35.

руководства кого либо старшаго меня въ станѣ миссіонера, жизнь разнообразная миссіонерская казалось мнѣ бесполезною и невыносимою. Послѣ долгаго раздумья и колебаній, я рѣшился оставить миссію и возвратиться въ монастырь. За дозволеніемъ ѣхать въ Россію отправился съ Чемала къ начальнику миссіи. По пріѣздѣ моемъ въ Улалу, я послѣ обѣда легъ отдохнуть и вижу во снѣ: изъ Улалинской церкви идетъ Высокопреосвященный Филаретъ Митрополитъ Московскій въ черной рясѣ, въ туфляхъ и скуфьѣ съ шитымъ бѣлымъ крестикомъ, то-есть, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ благословлялъ меня ѣхать изъ Москвы на Алтай въ служеніе миссіи; въ рукѣ у него священническая трость, впереди его несутъ два подсвѣчника. Я будто бы смотрю изъ комнаты въ окно. Высокопреосвященный шествіе свое направилъ прямо въ домъ начальника миссіи и въ ту самую комнату, гдѣ я находился; сперва въ комнату внесли два подсвѣчника, потомъ вошелъ самъ Высопреосвященный. Съ крестнымъ знаменіемъ поклонился онъ предъ святыми иконами, потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „пой за мной“ —и самъ запѣлъ: „Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ“. Я тѣ-же слова пѣлъ за нимъ. Пропѣвши ихъ три раза, Высокопреосвященный снова съ крестнымъ знаменіемъ поклонился предъ святыми иконами и, благословивъ меня, опять обратно тѣмъ же путемъ отправился въ Улалинскую церковь. Это сновидѣніе утвердило во мнѣ мысль опять остаться въ Алтай и служить миссіи, и я изъ Улалы отправился обратно въ Чемаль. При станѣ Чемальскомъ оставался больной, недавно крещенный инородецъ, которому я предъ своимъ отъѣздомъ въ Улалу прислуживалъ въ его болѣзни. Нужно замѣтить, что именно уходъ то за этимъ больнымъ, по особеннымъ свойствамъ его болѣзни, для моей неопытности послужилъ было однимъ изъ камней преткновенія на избранномъ мною пути служенія миссіонерскаго; уходъ за этимъ больнымъ казался мнѣ тяжкимъ—и отъ того все служеніе миссіонерское казалось невыносимымъ для меня бременемъ. И вотъ больной этотъ едва увидѣлъ меня по возвращеніи изъ Улалы, спрашиваетъ: „что же ты сегодня у меня не былъ?“—Я только сейчасъ пріѣхалъ, сказалъ ему я.—„Какъ сейчасъ только пріѣхалъ, возразилъ

мнѣ больной, зачѣмъ меня обманываешь? Вѣдь ты же вчера со старичкомъ священникомъ училъ меня молитвамъ, и старецъ увѣщевалъ меня быть терпѣливымъ въ болѣзни“.

Я спросилъ: какимъ же мы тебя молитвамъ учили? Нужно замѣтить, что больной до отъѣзда моего на Улалу не успѣлъ еще твердо заучить краткихъ молитвъ. Въ отвѣтъ на мой вопросъ больной на алтайскомъ языкѣ проговорилъ мнѣ всѣ краткія молитвы твердо и внятно. Это явленіе меня заинтересовало; я сталъ придумывать, не былъ ли безъ меня какой миссіонеръ и не научилъ ли моего больного молитвамъ? Спрашиваю о семъ чемальцевъ: тѣ отвѣчаютъ, что въ мое отсутствіе въ Чемалѣ не было никакого миссіонера. Я опять обратился къ больному съ вопросомъ: какъ же мы тебя учили молитвамъ? Священникъ старецъ да и я алтайскаго языка не знаемъ. „Ты не знаешь, отвѣчалъ больной по алтайски, а старецъ священникъ все знаетъ; я за нимъ читалъ молитвы на своемъ родномъ языкѣ“.

Выслушавши это, я спросилъ Тимоея (такъ звали больного): какого вида старецъ священникъ былъ у тебя вчера со мной и училъ тебя молитвамъ? Онъ обрисовалъ мнѣ старца точно въ такомъ же видѣ, въ той же одеждѣ и скуфѣѣ, съ крестикомъ и тростью въ рукѣ, какъ самъ я видѣлъ во снѣ на Улалѣ Высокопреосвященнаго Филарета. Вотъ тутъ-то мнѣ и стали ясны пѣтыя мною во снѣ, по приказанію Высокопреосвященнаго Филарета, слова: „Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ“. Богу угодно было, чтобы благословеніе, мнѣ недостойному преподаванное Московскимъ святителемъ на служеніе миссіонерское, не осталось втунѣ: за многія тысячи верстъ отстоявшій отъ Алтая покровитель миссіи и миссіонеровъ Алтайскихъ сугубымъ явленіемъ своимъ мнѣ во снѣ, и болящему новокрещенному наяву, научилъ меня той необходимой въ служеніи миссіонерскомъ истинѣ, что въ какой бы глуши ни находился миссіонеръ, какъ бы слабымъ ни чувствовалъ себя, онъ не остается одинокимъ дѣятелемъ, при однихъ своихъ немощныхъ силахъ; нѣтъ, онъ не одинъ: съ нимъ небесныя силы невидимо служатъ“<sup>1)</sup>. Не даромъ святитель Филаретъ, сопровождая въ 1840 году іерея (въ то время уже про-

<sup>1)</sup> *Троицкій цѣттокъ*, № 13, стран. 24—28. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1896 г.

тоіерея) Іоанна при поѣздкѣ послѣдняго въ Троице-Сергіеву Лавру съ рекомендабельнымъ письмомъ къ намѣстнику Лавры, архимандриту Антонію, писалъ сему послѣднему: „Пріѣдетъ къ вамъ протоіерей Іоаннъ Веніаминовъ, нашъ миссіонеръ въ Россійской Америкѣ. Примите его братски. Онъ добрый служитель Божій. Если захочетъ, пусть помѣстится въ Лаврѣ и посѣщаетъ братскую трапезу, ибо онъ хочетъ пробыть тамъ нѣсколько дней. Заставьте его рассказать вамъ, что онъ знаетъ объ алеутѣ Смирениковѣ и объ одномъ изъ миссіонеровъ, помнится, іеромонахѣ Ювеналіи“<sup>1)</sup>. Алеуты дѣйствительно оказались такимъ племенемъ, какимъ ихъ представлялъ еще въ 1823 году Крюковъ, и быть можетъ по этой то ихъ простотѣ и беззлобію Господь даже и безъ священника (котораго у нихъ не было со времени іеромонаха Макарія и Ювеналія) охранялъ ихъ особымъ покровомъ, посылая на служеніе имъ ангеловъ Своихъ.

Но вотъ Господь призываетъ испытаннаго десятилѣтнимъ служеніемъ на миссіонерскомъ поприщѣ вѣрнаго раба своего іерея Іоанна на болѣе широкое, а вмѣстѣ и болѣе трудное поприще служенія. Въ видахъ повышенія по службѣ, кромѣ награжденія наперснымъ крестомъ,—рѣдкимъ по тому времени знакомъ отличія для священника,—отецъ Іоаннъ былъ въ 1834 году перемѣщенъ на островъ Ситху, въ Новоархангельскій портъ, главное мѣстопробываніе завѣдывавшей тогда нашими сѣверо-американскими владѣніями Россійско-Американской Компаніи. Не говоря о томъ, что и жившіе на этомъ островѣ Алеуты были гораздо менѣе Уналашкинскихъ просвѣщены христіанствомъ и проникнуты духомъ христіанства, въ сосѣдствѣ съ Ситхою жили Колоши и Кадьяки,—племена пребывавшія прямо въ язычествѣ и дикомъ состояніи, притомъ гораздо болѣе алеутовъ упорные въ своемъ язычествѣ, гораздо менѣе ихъ склонны къ принятію христіанства и гораздо бо-

<sup>1)</sup> Письма митрополита Филарета къ Архимандриту Антонію, ч. I, стран. 351. Москва, 1877. Ювеналій былъ однимъ изъ предшественниковъ о. Іоанна Веніамінова по миссіонерству въ Россійской Америкѣ, убитый двумя инородцами. См. о немъ у Барсукова, стран. 23 и дал. Трудился онъ одновременно съ іеромонахомъ Макаріемъ, о которомъ упоминалъ Смирениковъ. Это было въ концѣ прошедшаго столѣтія. См. Барсукова, тамъ же.

лѣе ихъ жестокіе правомъ и ненавидѣвшіе всѣхъ русскихъ, въ томъ числѣ и миссіонеровъ православной вѣры <sup>1)</sup>. Среди нихъ гораздо труднѣе было и сѣять сѣмена этой вѣры. Но Господь и здѣсь помогъ Своему избраннику. Страшная оспа, истребившая въ началѣ 1836 года множество Колошъ, а между тѣмъ не коснувшаяся русскихъ близъ нихъ жившихъ, убѣдила ихъ какъ въ превосходствѣ русскихъ вообще, такъ и въ частности въ пользѣ оспопрививанія, котораго они не знали и которос совѣтовали имъ русскіе, а тѣмъ самымъ умягчила сердце ихъ и къ принятію наставленій въ евангельскомъ ученіи. Колоши невольно представляли себѣ, что стало быть Богъ русскихъ лучше ихъ фетишей, отъ которыхъ они, сколько ни молились имъ чрезъ своихъ шамановъ, не получили ни какой помощи во время оспы. Въ непродолжительное время и ихъ, равно и Кадьяковъ, іерей Іоаннъ обратилъ въ христіанство и, также какъ для алеутовъ, перевелъ для нихъ наиболѣе потребныя духовныя книги на Колошскій и Кадьякскій языкъ, составилъ грамматику, устроилъ храмы Божіи и т. д.

Наконецъ, настало время къ тому, чтобы свѣтъ Христовъ, ярко сіявшій въ умѣ и сердцѣ самаго миссіонера и свѣтившій на отдаленной окраинѣ отечества совершенно темнымъ людямъ, приближенъ былъ и къ срединѣ храмы, т. е. церкви Божіей, дабы видимъ былъ носитель этого свѣта и великимъ, просвѣщеннымъ людямъ. Предсказаніе алеута Смиреникова исполнилось. Частію потребность въ наиболѣе прочномъ и цѣлесообразномъ церковно-административномъ устройствѣ приходоу російскихъ сѣвероамериканскихъ владѣній, частію же нужда въ личномъ воздѣйствіи на успѣхъ своего немаловажнаго предпріятія—напечатанія переводныхъ, грамматическихъ и другихъ трудовъ побудили о. Іоанна ѣхать въ Петербургъ въ 1838 году.

Испросивъ благословеніе своего архипастыря, преосвященнаго Иркутскаго Нила (Исаковича), въ послѣдствіи архіепископа Ярославскаго († 1874) и получивъ отъ него рекомендательныя письма къ членамъ Св. Синода, о. Іоаннъ 8 ноября 1838 года отправился изъ Ситхи, съ малолѣтнею дочерью своею Теклою

<sup>1)</sup> Опи-то и ублн вышеупомянутаго іеромонаха Ювеналія.

(супругу и остальныхъ дѣтей онъ отправилъ, на время своего путешествія, въ Иркутскъ на родину), на корабль „Николай“, въ кругосвѣтное путешествіе и 25 іюня слѣдующаго 1839 года прибылъ, послѣ свыше—семимѣсячнаго плаванія по морямъ и океанамъ, въ Петербургъ. Здѣсь онъ прежде всего представился первенствующему члену Св. Синода митрополиту Серафиму и Синодальному оберъ-прокурору графу Протасову, а затѣмъ и остальнымъ членамъ Синода. Особенно близкое и живое участіе въ немъ принялъ митрополитъ Московскій Филаретъ, впервые увидавшій его въ Москвѣ, куда вскорѣ отправился изъ Петербурга о. Іоаннъ Веніаміновъ. Прозорливый святитель Московскій, усмотрѣвъ въ смиренномъ, хотя и величавомъ на видъ, труженникѣ „неподдѣльную простоту, правдивость и ясность въ разказахъ его о миссіонерскихъ дѣлахъ и уже ранѣе слышавшій о его подвижничествѣ въ странѣ дебрей и тундръ, между дикими, полюбилъ его всею душою и далъ ему помѣщеніе у себя въ подворьѣ. Когда же приходилось говорить ему о немъ, то онъ всегда говаривалъ: *въ этомъ человекѣ что то апостольское*“<sup>1)</sup>. Съ того времени между ними установилась оживленная и глубоко-поучительная переписка, не прерывавшаяся до самой кончины святителя Филарета<sup>2)</sup>. Эта переписка, раскрывшая предъ нами всю картину миссіонерской и церковно-государственной дѣятельности высокопреосвященнаго Иннокентія, вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе подтверждаетъ сказанное сейчасъ объ установившихся между Филаретомъ и тѣмъ, которому суждено было явиться преемникомъ ему на святительской кафедрѣ Московской, добрыхъ отношеній. То же самое подтверждается и живымъ, искреннимъ содѣйствіемъ святителя Филарета удовлетворенію разнообразныхъ нуждъ миссіонерскаго служенія, которому посвятилъ себя его новый знакомецъ и которое было весьма дорого святительскому сердцу митрополита Филарета, о чемъ еще сказано будетъ нами далѣе.

1) См. у Барсукова, стр. 108.

2) Переписка эта напечатана въ *Прибавленіяхъ къ тоор. со. оти.* за 1843—1856 годы; въ *Русскомъ Архивѣ* за 1881 г. ч. II, стран. 24—31 и др. Сравн. также у Барсукова въ его извѣстной памъ книгѣ, стран. 368. 41<sup>1</sup> и дал. 418 и дал. 421. 490—491. 534—535 и 543—4.

Когда, послѣ каникулярнаго времени, въ которое пріѣхалъ въ Петербургъ іерей Іоаннъ Веніаминовъ и которое имъ не проведено было безъ пользы <sup>1)</sup>, начались обычныя засѣданія Св. Синода въ Петербургѣ (куда для сего вызванъ былъ и митрополитъ Московскій Филаретъ), то отецъ Іоаннъ призванъ былъ въ одно изъ засѣданій, дабы и предъ цѣлымъ соборомъ высшаго священноначалія Россійской церкви повѣдать тайну обращенія многихъ племенъ ко Христу, содѣянную чрезъ его посредство. Святѣйшій Синодъ, также какъ и отдѣльные члены его и другія лица, которымъ рассказывалъ смиренный іерей о томъ же, глубоко тронуты были его дивною повѣстію и изъявили полную готовность содѣйствовать удовлетворенію его миссіонерскихъ нуждъ. Послѣдствіемъ этого знаменитаго событія было, съ одной стороны, принятіе дѣятельныхъ мѣръ къ церковно-административному благоустройству нашихъ сѣвероамериканскихъ владѣній и къ полному обезпеченію успѣха тамошней нашей миссіи, а съ другой—возведеніе іерея Іоанна Веніаминова въ санъ протоіерея, совершенное въ самый праздникъ Рождества Христова 1839 года митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ въ церкви его Троицкаго подворья въ С.-Петербургѣ <sup>2)</sup> и пожалованіе его орденомъ св. Анны 2 степени <sup>3)</sup>.

1) Онъ въ это время, кромѣ намогилнаго путешествія въ Москву в Сергіеву Лавру, обработывалъ для печати различныя статьи свои: „Записки объ Уналашкинскомъ отдѣлѣ Алеутскихъ острововъ“, вышедшія вскорѣ въ трехъ частяхъ; „Мнѣологическія преданія Колошей, обитающихъ на сѣверо-западномъ берегу Америки“ (напечатана въ *Сынъ Отечества* за 1839 г. кн. XI) и друг. См. перечень всѣхъ трудовъ о. Веніаминова напечатанныхъ за время бытности его въ Европейской Россіи въ 1839—41 годахъ у *Барсукова*, стран. 109. 114—116 и друг. Его труды собраны *И. П. Барсуковымъ* въ изданіи, подъ заглавіемъ: „Творенія Иннокентія, митрополита Московскаго“. Кн. 1 2. Москва, 1886—1887.

2) Сравн. о семъ *Душен. Читен.* 1879, I, 261, гдѣ читаемъ: „По случаю представленныхъ прибывшимъ въ С.-Петербургъ изъ Америки священникомъ церкви св. Михаила Архангела, что на островѣ Ситхѣ, Іоанномъ Веніаминовымъ, переводъ его на алеутскій языкъ Катихизиса и Евангелія отъ Матѳея в собственнаго сочиненія на томъ же языкѣ: *Указаніе пути въ царствіе небесное*, съ испрашиваніемъ разрѣшенія напечатать сіи рукописи для употребленія алеутамъ, имѣя разсужденіе о трудахъ и заслугахъ сего священника, какъ ревностнаго проповѣдника вѣры въ Америкѣ, Св. Синодъ приказалъ: священника Іоанна Веніаминова, во уваженіе къ его трудамъ и заслугамъ, произнести въ санъ протоіерея, поручивъ сіе преосвященному митрополиту Московскому Филарету“. Указъ отъ 16 декабря 1839 г.

3) Тотъ же орденъ 3 степени о. Іоаннъ получилъ уже въ 1835 году, а наперсникъ крестъ еще въ 1826 г.

Но не только православные, а и представители инославныхъ исповѣданій не могли иначе какъ съ уваженіемъ относиться къ миссіонерской дѣятельности сего мужа апостольскаго. Такъ, на-примѣръ, это извѣстно намъ о Пальмерѣ, посѣтившемъ Россію въ то время и чрезъ Т. Б. Потемкину познакомившемся съ о. Іоанномъ Веніаминовымъ <sup>1)</sup>.

Между тѣмъ еще 25 ноября 1839 года скончалась супруга отца Іоанна, который получилъ о семъ печальную вѣсть уже въ началѣ слѣдующаго 1840 года. Эта вѣсть такъ сильно поразила его, что онъ, не смотря на недоконченность многихъ дѣлъ своихъ, хотѣлъ тотчасъ же ѣхать въ Иркутскъ для устройства сиротствующаго семейства своего. Но Господь этимъ скорбнымъ путемъ вдовства еще ближе призывалъ Своего избранника къ Себѣ и опять явилъ на немъ волю Свою, остановивъ на время исполненіе его собственнаго желанія ѣхать обратно въ Сибирь, орудіемъ же Своимъ содѣлавъ на этотъ разъ вѣрнаго раба Своего святителя Московскаго Филарета. Митрополитъ Филаретъ, утѣшая вдовца протоіерея въ постигшемъ его горѣ, убѣждалъ его принять монашество. Это предложеніе заставило протоіерея Веніаминова крѣпко призадуматься надъ своимъ будущимъ положеніемъ и доставило ему продолжительную душевную борьбу. Прежде нежели окончательно рѣшиться на что-либо, онъ возымѣлъ желаніе снова nobывать въ Москвѣ и Сергіевой Лаврѣ. Митрополитъ Филаретъ не только благословилъ его на этотъ нуть, но и снабдилъ извѣстнымъ намъ рекомендательнымъ писмомъ отъ 22 марта 1840 года къ намѣстнику Лавры архимандриту Антонію. Въ Сергіевой Лаврѣ вдовствующій протоіерей первѣе совершилъ панихиду о упокоеніи души своей супруги; за тѣмъ, безъ сомнѣнія, испрашивалъ у великаго всероссійскаго молитвенника Преподобнаго Сергія наставленія на путь, которымъ надлежало ему теперь идти. Съ этою же молитвенною цѣлію онъ проѣхалъ за тѣмъ и въ Кіевъ къ тамошнимъ чудотворцамъ и святынямъ. Главное, что его беспокоило въ будущемъ, въ случаѣ принятія монашества, это участь дѣтей, которыхъ у него было шесть че-

<sup>1)</sup> См. о семъ въ *Русскомъ Архивѣ* за 1894 г., ч. III, стран. 90.

ловѣкъ (четыре дочери и два сына). Но митрополитъ Московскій Филаретъ, вмѣстѣ съ другими высокими особами, постарался устранить для него и это препятствіе къ принятію монашества, которое нужно было, какъ увидимъ, для наилучшаго устройства самыхъ церковныхъ дѣлъ въ томъ краѣ, гдѣ уже такъ много потрудился протоіерей Веніаминовъ. По всеподданнѣйшему митрополита Филарета докладу о семъ Государю Императору Николаю Павловичу и по ходатайству А. С. Норова и Н. М. Лонгинова, вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о помѣщеніи дочерей протоіерея въ Патріотическій Институтъ, а сыновей—въ Петербургскую духовную семинарію <sup>1)</sup>. Послѣ такого облегченія тяжести заботъ о сиротахъ отецъ Іоаннъ Веніаминовъ рѣшилъ принять монашество. Постриженіе его Московскій же митрополитъ Филаретъ совершилъ 29 ноября 1840 года во время всеобщаго бдѣнія въ своей церкви Троицкаго Петербургскаго подворья, наименовавъ новопостриженнаго Иннокентіемъ (въ память святителя Иннокентія Иркутскаго), а на слѣдующій день, 30 ноября, во время литургіи, согласно опредѣленію Св. Синода, возвелъ его и въ санъ архимандрита.

На другой день послѣ сего, т. е. 1 декабря, новопостриженнаго архимандрита Иннокентія пожелалъ видѣть самъ Государь Императоръ Всероссійскій, которому уже предварительно доложено было оберъ-прокуроромъ Св. Синода графомъ Н. А. Протасовымъ, какъ о трудахъ и подвигахъ прибывшаго издалека миссіонера, такъ и о намѣреніи Св. Синода его именно и употребить какъ ближайшее и высшее орудіе для устройства церковныхъ дѣлъ въ далекомъ краю имперіи, т. е. назначить его епископомъ новой епархіи, съ наименованіемъ ея Камчатскою. Одновременно съ посвященіемъ протоіерея Веніаминова въ санъ архимандрита, доложенъ былъ Государю проектъ учрежденія Камчатской епархіи и первымъ кандидатомъ на эту епархію былъ представленъ архимандритъ Иннокентій (вторымъ и третьимъ кандидатами представлены были архимандриты Геннадій и Никодимъ <sup>2)</sup>). Объ этомъ представленіи Государю Им-

<sup>1)</sup> Барсукова, стран. 120.

<sup>2)</sup> Геннадій и умеръ архимандритомъ, а Никодимъ впоследствии былъ еписко-

ператору сохранилась собственноручная записка самого митрополита Иннокентія за 1840 годъ: „Въ исходѣ 11 часа, я прибылъ“, говоритъ архимандритъ Иннокентій, „во дворецъ, съ параднаго крыльца, въ сопровожденіи діакона, и пришелъ прямо въ малую церковь. Въ началѣ 12 часа прибыли въ церковь Государь Императоръ и вся Высочайшая фамилія. И тотчасъ началась литургія, которую совершалъ протопресвитеръ Василій Борисовичъ Важановъ <sup>1)</sup>. По пропѣтіи „Отче нашъ“, мы отправились на верхъ, въ собственную половину Его Величества, гдѣ я надѣлъ мантию и ожидалъ призыву. Ровно въ 12 часовъ объявляютъ мнѣ, что Государь проситъ меня. Я, взявъ съ собою образъ Спасителя, пошелъ въ кабинетъ Его Величества. Государь Императоръ, перекрестившись, поцѣловалъ икону, принялъ ее и положилъ на столъ. Въ это время, я кое—какъ изъявилъ благодарность Его Величеству за всѣ его Высочайшія милости. При первомъ взглядѣ моемъ на Государя и свиданіи, я не могъ не сробѣть. И кто не сробѣетъ при Немъ! Но послѣ того, ободренный его благосклонностію, я оправился и говорилъ свободно. Государь Императоръ началъ разговоръ такъ: „очень благогарю Васъ за то, что Вы рѣшаетесь отправиться въ такую отдаленную страну, и за то, что Вы тамъ служили съ такою пользою. Много ли Вы тамъ прожили лѣтъ?“ Пятнадцать, Ваше Императорское Величество.—„Гдѣ Вы получили образованіе?“ Въ Иркутскѣ, оттуда отправился въ Америку. „Какъ принимаютъ нашу вѣру тамошніе жители?“ Тѣ жители, у которыхъ я былъ въ первое время, очень хорошіе христіане. Признаюсь откровенно Вашему Императорскому Величеству, что я только тамъ и узналъ, что есть духовныя утѣшенія; другіе, у которыхъ мнѣ удалось положить начало“... Этимъ и прерывается интереснѣйшій рассказъ архимандрита Иннокентія. Но мы имѣемъ нѣкоторую возможность дополнить и докончить его изъ другаго источника, а именно изъ рассказа Н. Щукина (*Истор. Библіот.* 1879 г. № 6, 7), изъ котораго видно, что Государь соизволилъ высказать Иннокентію

---

помъ Енисейскимъ и Красноярскимъ, въ 1868 году имѣлъ бесѣду съ митрополитомъ Иннокентіемъ; скончался на покоѣ въ 1874 году.

<sup>1)</sup> Скончался въ 1883 году.

слѣдующее: „Проектъ Камчатской епархіи Я утвердилъ; но кого назначить архіереемъ?“ Архимандритъ отвѣчалъ: Духъ Святыи вложить въ сердце Вашего Величества святую мысль избранія. Государь, подумавъ вѣсколько, сказалъ: „Я хочу сдѣлать Васъ Камчатскимъ архіереемъ“. Архимандритъ отвѣчалъ: я весь въ повелѣніяхъ Вашего Величества,—какъ Вамъ угодно, то и свято для меня. „Хорошо. Передайте мои слова митрополиту“. Царь поклонился, и архимандритъ вышелъ“. И съ того времени архимандритъ Иннокентій, до самаго отъѣзда своего въ Америку, довольно часто, по приглашенію, являлся во дворецъ къ малолѣтнимъ великимъ князьямъ, Михаилу Николаевичу и Николаю Николаевичу, которыхъ онъ сумѣлъ заинтересовать своими увлекательными рассказами о дикихъ, о путешествіяхъ на байдаркахъ и проч.; онъ всегда приносилъ съ собою карту, по которой, для наглядности, и указывалъ имъ мѣстность своихъ путешествій. При сихъ посѣщеніяхъ архимандрита Иннокентія присутвовалъ часто въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, бывшій тогда наслѣдникомъ, и также увлекался рассказами архимандрита Иннокентія“ <sup>1)</sup>).

Такъ исполнилось и то предсказаніе алеута Смиреникова, что священникъ Веніаминъ поѣдетъ водою къ великому человеку и будетъ говорить съ нимъ.

*Ив. Корсунскій.*

(Продолженіе будетъ).

<sup>1)</sup> Барсукова, 121—123 стран.

---

## ЛОЖНЫЕ ПРОРОКИ ВЪ ВѢТХОМЪ ЗАВѢТѢ.

(Окончаніе \*).

Истинные пророки Господни—Исаія, Михей, Амосъ и Осія, на время которыхъ падаетъ искаженіе теократіи въ царствѣ іудейскомъ и израильскомъ, свои обличенія направляютъ, главнымъ образомъ, противъ нечестивыхъ вождей народа—князей и вельможъ, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображаютъ ихъ жизнь, далеко уклонившуюся отъ Закона Божія, и видятъ въ нихъ причину бѣдствій и нравственнаго развращенія народа. Общей и господствующей чертой, опредѣлявшей всѣ стороны жизни этихъ высшихъ представителей народа, была, по представленію указанныхъ пророковъ Господнихъ, непомерная роскошь, достигшая небывалыхъ размѣровъ. До какой степени въ средѣ князей и вельможъ іудейскихъ и израильскихъ дошло стремленіе къ роскоши и ко всякаго рода внѣшнимъ удобствамъ и удовольствіямъ жизни, можно видѣть изъ Ис. 3, 16—22. 5, 11—12. 22. Ам. 3, 15. 4, 1. 6, 1. 4—6. Богатыя ихъ жилища обставлены были съ удивительнымъ блескомъ и пышностью (Ам. 3, 15. 6, 4). Мущины проводили время въ пиршествахъ и развлеченіяхъ за цитрою и гуслями, тимпавомъ и свирѣлью (Ис. 5, 11—12. Ам. 6, 5), а женщины, не уступая своимъ мужьямъ въ безпечности (Ис. 32, 9), блистали богатыми нарядами и дорогими украшеніями (Ис. 3, 16—23). Предавшись такой безразсудной роскоши, неизбѣжно повлекшей за собою множество самыхъ грубыхъ пороковъ и преступленій, на-

---

\*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 15, за 1897 г.

силій, притѣсненій, правонарушеній всякаго рода (Ис. 3, 8—9. 12—15. 5, 11. 22—23. Ос. 7, 3—5. Ам. 3, 9—10. 2, 6—8. 5, 7. 11. Мих. 2, 1—2. 8—9. 3, 1—3. 6, 10—12), князья и вельможи іудейскіе и израильскіе утратили ту чистоту и простоту жизни, которыя необходимо предполагались теократіей, оторвались отъ родной почвы, отъ національныхъ обычаевъ и преданій и обратились ко всему иноземному. Нравственныя требованія религіи Іеговы представлялись имъ слишкомъ строгими, трудно и неудобноисполнимыми (Ис. 28, 10), а національные обычаи и условія жизни—простыми и грубыми. И вотъ, они, *отвергнувъ законъ Господа Саваова и презрѣвъ слово Святаго Израиля* (Ис. 5, 24), обратились къ *водоемамъ разбитымъ* (Іер. 2, 13)—льстившимъ ихъ чувственности культамъ чуждыхъ боговъ и у иноплеменниковъ стали заимствовать обычаи и формы жизни, подражая имъ даже и въ одеждѣ (Соф. 1, 8). Результаты такой оторванности отъ всего родного, національнаго и приверженности къ иностранному были самыя печальныя и не только для князей и вельможъ, но и для всего народа. Поставивъ цѣлью своей жизни чувственныя удовольствія (Ис. 22, 13), утративъ даже способность правильной нравственной оцѣнки, зло называя добромъ и добро зломъ (Ис. 5, 20), они не только сами глубоко развратились, но и *ввели въ заблужденіе и народъ и путь стезей его испортили* (Ис. 3, 12). Конечно, это уклоненіе народа съ истиннаго пути, происшедши подъ развращающимъ вліяніемъ его вождей, совершилось не вдругъ и не безъ борьбы со стороны безнравственныхъ князей и вельможъ, по крайней мѣрѣ, въ царствѣ іудейскомъ. Въ царствѣ израильскомъ произошло оно довольно скоро и безъ особенныхъ затрудненій съ чьей либо стороны. Въ этомъ царствѣ религія Іеговы съ самаго начала существованія царства подверглась искаженію, хотя и несовершенному и поправимому; въ этомъ же царствѣ верховные представители власти—цари, восходя на тронъ изъ рядовъ развращенныхъ князей и вельможъ, менѣе всего заботились о неизмѣнномъ сохраненіи религіи Іеговы, хотя бы въ томъ видѣ, какой ей далъ Іеровоамъ, сынъ Наватовъ. Неудивительно, поэтому, что въ израилѣ религія Іеговы, не имѣя вѣрныхъ служителей въ сре-

дѣ въліятельныхъ и стоявшихъ у власти лицъ, совершенно искажена была уже во время Ахава. Иныя условія были въ царствѣ іудейскомъ и вслѣдствіе этого-то, когда *Господа Ефремъ окружилъ ложью и домъ Израилевъ—лукавствомъ, Иуда держался еще Бога и втрѣнь былъ со святыми* (Ос. 11, 12). Цари іудейскіе происходили изъ дома Давидова, который, по неизмѣнному опредѣленію Божію, долженъ былъ быть носителемъ важнѣйшихъ обѣтованій Божіихъ. Многіе изъ нихъ своею жизнію и царскою дѣятельностью вполнѣ оправдывали это высокое избраніе Божіе, и были достойными преемниками великаго своего родоначальника, царя по сердцу Божію—Давида. Они не лично только преданы были религіи Іеговы, но и видя въ сохраненіи ея историческое призваніе народа Божія и хорошо сознавая дѣйствительно могущественное значеніе ея для внутреннаго благоустройства и вѣшной крѣпости государства, принимали всѣ возможныя мѣры къ поддержанію и укрѣпленію ея въ средѣ своихъ подданныхъ. Находя поддержку въ царяхъ, религія Іеговы имѣла вѣрныхъ служителей и въ другихъ сословіяхъ царства іудейскаго, преимущественно въ священствѣ, долгое время стоявшемъ на стражѣ ея <sup>1)</sup>. Немаловажное значеніе въ дѣлѣ сохраненія ея въ царствѣ іудейскомъ имѣлъ и храмъ іерусалимскій,—это единственное законное святилище Бога истиннаго. Привлекая къ себѣ поклонниковъ со всѣхъ городовъ и селеній Іудеи, храмъ этотъ своимъ величественнымъ культомъ не могъ не оказывать благотворнаго воздѣйствія на религіозную жизнь народа. Онъ служилъ какъ бы живымъ средоточіемъ религіи Іеговы, распространявшей изъ него свое просвѣтительное вліяніе по всему царству. При такомъ положеніи религіи Іеговы въ царствѣ іудейскомъ, поколебать ея значеніе было нелегко даже стоявшимъ у власти князьямъ и вельможамъ. Правда, они достигли этого и даже извратили самое существо религіи Іеговы, но послѣ продолжительной и настойчивой борьбы. Проявленія этой борьбы особенно замѣтными становятся въ царствованіе Іоаса.

<sup>1)</sup> Известно, что честь возстановленія религіи Іеговы и династіи, которымъ при нечестивой Гоолиі грозилъ опасность совершеннаго уничтоженія, принадлежитъ исключительно первосвященнику Іодаю (4 Ц. 11 г.).

Введенное и поддерживаемое его предшественниками (Иорамомъ, Охозіей и Гоооліей) Ваалослуженіе легко привилось ко многимъ князьямъ и вельможамъ іудейскимъ. И хотя они, послѣ совершеннаго первосвященникомъ Іодаемъ возстановленія религіи Іеговы, принуждены были оставить служеніе идоламъ, но ждали удобнаго момента, чтобъ снова проявить глубоко укоренившіяся въ нихъ языческія симпатіи. Лишь только умеръ Іодай, *пришли князья іудейскіе и поклонились царю* (2 Пар. 24, 17); тогда царь, *дѣлавшій угодное въ очахъ Господнихъ во все дни Іодая священника* (2 Пар. 24, 2 ср. 4 Ц. 12, 3), *сталъ слушаться ихъ и вмѣстѣ съ ними оставилъ домъ Господа Бога отцовъ своихъ и сталъ служить деревьямъ посвященнымъ и идоламъ* (2 Пар. 24, 17—18). Со времени Іоаса въ средѣ князей и вельможъ іудейскихъ ясно обозначались, такимъ образомъ, двѣ партіи: партія языческая и партія ревнителей религіи Іеговы. Осилывая попеременно другъ друга, партіи эти сообщали желательное для себя направленіе религіозной политикѣ царей, пока, наконецъ, успѣхъ борьбы не склонился рѣшительно на сторону болѣе многочисленной и сильной языческой партіи. Такъ, преемникъ Іоаса, Амасія въ началѣ своего царствованія дѣлалъ угодное въ очахъ Господнихъ (4 Ц. 14, 3. 2 Пар. 25, 2), но послѣ войны съ Идумеями не безъ вліянія, вѣроятно, со стороны вельможъ (ср. 2 Пар. 25, 16), сталъ служить богамъ идумейскимъ (2 Пар. 25, 14), за что и поплатился жизнью (2 Пар. 25, 27). Съ этого времени въ царствѣ іудейскомъ служеніе Іеговѣ чередуется съ служеніями идоламъ. Изъ слѣдовавшихъ за Амасіей царей іудейскихъ поддерживали религію Іеговы два ближайшіе его преемника,—Озія и Іоѳамъ и затѣмъ Езекиа и Іосія; во время же остальныхъ царей, Іегова, какъ мы видѣли, почитался совместно съ богами языческими. Эта смѣна служенія Іеговѣ совместнымъ служеніемъ Іеговѣ и инымъ богамъ, неоднократно повторявшаяся въ царствѣ іудейскомъ во вторую половину его существованія, обусловливалась, несомнѣнно, борьбою партій, образовавшихся въ средѣ вліятельныхъ князей и вельможъ іудейскихъ. При такомъ только предположеніи возможно удовлетворительное объясненіе многихъ фактовъ религіозной исторіи

народа іудейскаго, на первый взглядъ представляющихся мало-понятными. Трудно, конечно, допустить, чтобы тотъ крутой поворотъ отъ почитанія Іеговы къ идолослуженію и, наоборотъ, который мы видимъ при Манассіи и Іосіи, былъ дѣломъ только этихъ царей, изъ коихъ первому при вступленіи на престолъ было 12 лѣтъ, а второму—8. Бозъ сомнѣнія, здѣсь дѣйствовали князья и вельможи, которые даже въ то время, когда лишены были возможности проявлять свое вліянія, старались подготовить въ подроставшихъ наслѣдникахъ престола орудіе для своихъ цѣлей.

Исказивъ такимъ образомъ религію Іеговы и теократію, нечестивые князья и вельможи, когда становились у власти вмѣстѣ съ единомышленными имъ царями, должны были естественно заботиться о томъ, чтобы укрѣпиться въ созданномъ путемъ борьбы положеніи. Къ тому должно было побуждать ихъ прежде всего существованіе въ первую пору борьбы довольно значительной партіи приверженцевъ религіи Іеговы. Но даже и въ то время они не могли не заботиться объ упроченіи своего и извращенной ими теократіи положенія, когда на ихъ сторону стало сильное своимъ вліяніемъ священство, когда число благомыслящихъ и благочестивыхъ князей уменьшилось, и когда, слѣдовательно, отношеніе къ религіи Іеговы со стороны почти всѣхъ представителей высшихъ классовъ общества въ царствѣ іудейскомъ стало точно такимъ, какимъ оно было въ царствѣ израильскомъ съ самаго начала его существованія. И въ это время вельможамъ іудейскимъ такъ же, какъ и израильскимъ нужно было считаться съ народомъ, представлявшимъ довольно значительную силу. Народъ какъ израильскій, такъ и іудейскій не принималъ дѣятельнаго участія въ религіозныхъ движеніяхъ, шелъ за своими вождями и довольно легко подчинялся ихъ развращающему вліянію; однако же онъ подъ воздѣйствіемъ настойчивыхъ пророческихъ увѣщаній могъ обратиться на истинный путь и оказать, такимъ образомъ, серьезное противодѣйствіе намѣреніямъ и политикѣ царей и вельможъ. То сильное, потрясающее впечатлѣніе, какое произвелъ на народъ Ілія пророкъ жертвоприношеніемъ на Кармилѣ, достаточно свидѣтельствуетъ какъ о способности народа къ

возрожденію даже при глубокомъ паденіи, такъ и о могущественномъ вліяніи на него пророковъ. А между тѣмъ, чѣмъ печальнѣе становилось религіозно-нравственное состояніе народа, чѣмъ дальше онъ уклонялся въ сознаніи и жизни отъ основъ религіи Іеговы и теократіи, тѣмъ сильнѣе и энергичнѣе развивалась дѣятельность истинныхъ пророковъ Господнихъ, ставшихся удержатъ народъ отъ религіозной и политической гибели. Наибольшее оживленіе пророческой дѣятельности какъ въ царствѣ израильскомъ (Илія, Амосъ, Осія), такъ и іудейскомъ (Исаія, Михей, Іеремія) надаеть именно на время искаженія теократіи въ обоихъ царствахъ, т. е. на время самаго глубокаго религіозно-нравственнаго развращенія народа. Эта широкая дѣятельность, обваруженная пророками Господними въ виду грозившаго народу совершеннаго религіознаго паденія, служила самымъ сильнымъ и важнымъ препятствіемъ нетеократической политикѣ князей и вельможъ обоихъ царствъ. Истинные пророки Господни, ревнители вѣры и закона Божія, съ точки зрѣнія этихъ безнравственныхъ правителей и руководителей народа были ихъ личными врагами и *смущающими Израиля* (3 Ц. 21, 20. 18, 17)—потому, конечно, что своею плодотворною дѣятельностью разрушали ихъ незаконную и вредную для народа политику. Нечестивымъ князьямъ, вельможамъ и царямъ, для того чтобъ обезпечить себѣ успѣхъ, нужно было парализовать дѣятельность истинныхъ пророковъ, ослабить вліяніе ихъ на народъ и удержатъ народъ на томъ ложномъ пути, на который они его совратили (Ис. 3, 12. 9, 16). Самымъ вѣрнымъ для этой цѣли средствомъ было противоставить истиннымъ пророкамъ подобныхъ имъ общественныхъ дѣятелей, которые дѣйствовали бы съ тѣмъ же внѣшнимъ авторитетомъ и тѣми же внѣшними приемами, какъ и лица, дѣйствительно облеченныя божественною силою и извѣстныя народу за божественныхъ посланниковъ и истолкователей воли Господней. Правители іудейскіе и израильскіе хорошо сознавали силу и значеніе пророковъ въ общественной и политической жизни, нуждались въ нихъ, но только желали, чтобъ они проповѣдывали лестное, предсказывали пріятное. Они, какъ передаетъ Исаія пророкъ, *говорили провидящимъ: „перестаньте провидѣть“, и*

*пророкамъ: „не пророчествуйте намъ правды, говорите намъ лестное, предсказывайте пріятное; сойдите съ дороги, уклонитесь отъ пути; устраните изъ глазъ вашихъ Святаго Израилева (Ис. 30, 10—11)“.* Эти угодные высшимъ представителямъ народа пророки не замедлили явиться и, ложно выдавая себя за истинныхъ провозвѣстниковъ воли Божіей, стали усердно проповѣдывать только то, что было въ видахъ и интересахъ правителей народныхъ. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобъ эти самозванные пророки руководились въ своей дѣятельности опредѣленными религіозно-политическими убѣжденіями, какъ полагаютъ Штаде <sup>1)</sup> и Ренанъ <sup>2)</sup>. Нельзя даже допустить, чтобъ они были самообольщенными защитниками ложныхъ убѣжденій. Истинные пророки Господни представляютъ ихъ въ собственномъ смыслѣ ложными пророками, сознательно вводившими народъ Божій въ обманъ и заблужденіе и проповѣдывавшими пустое и мечты сердца своего (Іер. 23, 16. 14, 13—14. 6, 13—14. 5, 31. 28, 15. Мих. 3, 5 и др.). Хотя они выступали въ качествѣ политическихъ руководителей народа, но во всей своей дѣятельности и даже въ своихъ лживыхъ предсказаніяхъ не могли быть самостоятельными и вполне зависѣли отъ князей и вельможъ, которымъ служили. Они, по выраженію пророка Исаи, были *хвостомъ* Израиля, голову котораго составляли знатные (Ис. 9, 14—16), и занимая такое подчиненное положеніе въ средѣ вліятельныхъ лицъ, вынуждены были въ своей ложной дѣятельности сообразоваться съ выгодами своихъ покровителей. Обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобъ все *замазывать грязью* (Іезек. 22, 28), т. е. представлять положеніе вещей въ иномъ, чѣмъ въ дѣйствительности, свѣтѣ. Да и по нравственнымъ своимъ качествамъ это были настолько развращенные и порочные люди, что не могли знать цѣны какимъ бы то ни было убѣжденіямъ. *Они спотыкались отъ крѣпкихъ напитковъ* (Ис. 28, 7), *прелюбодѣйствовали, ходили во лжи, поддерживали руки злодѣевъ, чтобъ никто не обращался отъ своего нечестія* и такимъ своимъ по-

1) Geschichte d. Volkes Israel. B. I. S. 553.

2) Geschichte d. Volkes Israel. B. III. S. 158—159.

веденіемъ *распространили нечестіе на всю землю* (Іер. 23, 14—15 ср. 28, 23). Для такихъ людей самымъ существеннымъ побужденіемъ въ дѣятельности могло служить корыстолюбіе. Они и руководились имъ (Іер. 5, 31. 6, 13. 8, 10), предвѣщали за деньги (Мих. 3, 11), въ угоду вельможамъ и знатнымъ обманывали народъ предсказаніями мира и благополучія (Іер. 14, 13), а противъ тѣхъ, которые ничего не клали имъ въ ротъ, объявляли войну (Мих. 3. 5). Таковы были ложные пророки Іеговы, вызванные къ жизни и поддерживаемые въ дѣятельности правителями и вельможами израильскими и іудейскими, искажившими религію Іеговы и теократію.

Намъ остается рязмотрѣть еще одинъ вопросъ, откуда вышло ложное пророчество Іеговы: изъ среды народа или же изъ среды истиннаго пророчества Господня? Библия не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Однако тѣ немногія данныя, которыя можно извлечь изъ нея, приводятъ къ тому заключенію, что ложное пророчество Іеговы вышло изъ среды истиннаго, и что первые ложные пророки, а быть можетъ, и нѣкоторые изъ послѣдующихъ въ началѣ своей дѣятельности были истинными. Прежде всего Библия допускаетъ самую возможность перехода истиннаго пророка въ ложнаго. Свидѣтельства библейскія достаточно удостовѣряютъ насъ, что истинные пророки не всегда сподоблялись откровеній Божіихъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда по обстоятельствамъ ихъ служенія имъ необходимо было знать волю Божію. Такъ извѣстно, что Господь скрылъ свою волю отъ Елисея пророка, когда къ нему пришла Сонамитянка съ извѣстіемъ о смерти сына (4 Ц. 4, 27). Далѣе мы знаемъ, что истинные пророки, не получая откровенія Божія, иногда сознательно выдавали свои собственные ложныя измышленія за слово Божіе, и однако же не лишались въ послѣдствіи дѣйствительныхъ откровеній Божіихъ. Такъ поступилъ веильскій пророкъ, обманувшій іудейскаго пророка (3 Ц. 13, 18) и послѣ этого получившій дѣйствительное слово Господа (3 Ц. 13, 20—21). Были и такіе случаи, когда истинные пророки отказывались исполнить повелѣніе Божіе,—или непосредственное (Іона) или исходившее изъ устъ другого пророка Господня (3 Ц. 20, 35—36). Всѣ эти факты показываютъ, что для истиннаго пророка была воз-

возможность уклониться отъ своего назначенія и даже стать ложнымъ пророкомъ. А между тѣмъ, время искаженія теократіи въ Израилѣ и Іудеѣ, когда возникло ложное пророчество Іеговы, было такимъ именно временемъ, когда эта возможность для весьма многихъ легко могла стать дѣйствительностью. Нужно помнить, что положеніе пророковъ Господнихъ въ обоихъ царствахъ въ то время было самое тяжелое, требовавшее отъ нихъ необыкновеннаго мужества, стойкости и крѣпости. Тогда, по слову Амоса пророка, *ненавидѣли обличающаго въ воротахъ и гнушались тѣмъ, кто говорилъ правду* (5, 10); требовали настоятельно отъ пророковъ, чтобъ они не пророчествовали (Ам. 2, 12. Мих. 2, 6. Ис. 30, 10); за смѣлое ихъ слово угрожали имъ безчестіемъ и даже смертью (Мих. 2, 6. Іер. 11, 21); наконецъ, подвергали ихъ жестокимъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ массаами (3 Ц. 18, 4. 13. 4 Ц. 21, ср. Іер. 2, 30) и въ одиночку (3 Ц. 19, 2. 22, 26—27. Іер. 26, 20—23 и др.). Много твердости и мужества нужно было, чтобъ выдержать эти тяжелыя испытанія. Съ трудомъ переносилъ ихъ даже такой непреклонный и крѣпкій мужъ, какъ Ілія пророкъ. И этотъ высокій избранникъ Божій, исполненный огненной ревности къ Богу, палъ духомъ и просилъ себѣ смерти, когда Іезавель хотѣла умертвить его (3 Ц. 19 гл.). А сколько душевныхъ мукъ и терзаній претерпѣлъ Іеремія пророкъ, проклинавшій день своего рожденія и едва не поколебавшійся въ своемъ служеніи (Іер. 20, 14—18 и 15, 18. 20, 9). Болѣе слабые не выносили этихъ испытаній и оставляли свое служеніе <sup>1)</sup> а многіе не могли устоять предъ соблазнительными предложеніями и становились ложными пророками. Тяжело было подвергаться преслѣдованіямъ, насмѣшкамъ и презрѣнію, а между тѣмъ, являлись люди съ выгодными предложеніями—проповѣдывать лестное, предсказывать пріятное (Ис. 30, 10—11) и за это пользоваться и уваженіемъ и матеріальными благами. Мы знаемъ, какъ посланный Ахава старался склонить пророка Михея предсказать

---

<sup>1)</sup> Урія пророкъ изъ Каріаѳарима, убѣжавшій отъ преслѣдованій и потомъ убитый Іоакимомъ царемъ (Іер. 26, 20—23).

удное царю, выставляя ему на видъ, что всѣ пророки единогласно предсказали царю доброе. *Вотъ рѣчи пророковъ,* говорилъ онъ Михею, *единогласно предвѣщаютъ царю доброе; пусть бы и твое слово было согласно съ словомъ каждаго изъ нихъ; изреки и ты доброе* (3 Ц. 22, 13). Предложенія подобнаго рода были весьма часты въ то время. И если крѣпкимъ натурамъ трудно было переносить поруганія и преслѣдованія, то слабымъ еще труднѣе и тяжелѣе было устоять противъ выгодныхъ въ житейскомъ отношеніи соблазнительныхъ предложеній. Многіе дѣйствительно не устояли и, оставаясь пророками, на самомъ дѣлѣ измѣнили высокимъ задачамъ пророчества. Глубокое нравственное развращеніе, охватившее въ то время всѣ классы общества, проникло и въ среду пророческую. Какъ видно изъ Ам. 7, 12—14, въ средѣ пророковъ и школъ пророческихъ распространенъ былъ въ то время взглядъ на пророчество, какъ на служеніе мірской власти—царю и на источникъ къ добыванію средствъ къ жизни. И такъ какъ въ школахъ пророческихъ, какъ учрежденіяхъ корпоративныхъ, подъ вліяніемъ искаженія теократіи и общаго нравственнаго разложенія легче и быстрѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, могло совершиться уклоненіе отъ истинныхъ цѣлей пророчества, то изъ нихъ, можно думать, и вышли первые ложные пророки Іеговы, по крайней мѣрѣ въ царствѣ израильскомъ. Предположеніе это имѣетъ основаніе въ Библии. По сказаніи 3 Ц. 2 гл. и 2 Пар. 18 гл., ложные пророки Іеговы выступаютъ въ первый разъ въ царствѣ израильскомъ въ числѣ 400. Напрасно нѣкоторые изслѣдователи дѣлаютъ малоосновательныя догадки относительно того, какого рода пророковъ нужно разумѣть подъ упомянутыми въ 3 Ц. 22 гл. и 2 Пар. 18 гл. 400 пророковъ. Такъ Келеръ <sup>1)</sup> и Вержболовичъ <sup>2)</sup> видятъ въ нихъ пророковъ Іеровамова культа тельцовъ, а преосвященный Филаретъ полагаетъ, что это были пророки Бога истиннаго, и однако, можетъ быть, изъ числа тѣхъ, которые одобряли служеніе тельцамъ <sup>3)</sup>. Оба

<sup>1)</sup> Lehrbuch der Biblischen Geschichte Alten Testamentes. II Hälfte. 2 Theil. 1 Lieferung. 1889. S. 40.

<sup>2)</sup> Пророческое служеніе въ израильскомъ царствѣ. Стр. 161.

<sup>3)</sup> Начертаніе церковно-библейской исторіи. Изд. 12. Москва 1886 г. Стр. 218.

эти предположенія маловѣроятны. Въ числѣ пророковъ Бога истиннаго были такіе, которые въ силу обстоятельствъ времени вынуждены были мириться съ культомъ тельцовъ, но никто изъ нихъ и никогда не одобрялъ этого культа <sup>1)</sup>. Нѣтъ въ Библии указаній и на существованіе культа тельцовъ. Въ такихъ пророкахъ и не было нужды, такъ какъ культъ тельцовъ пустилъ такіе глубокіе корни въ царствѣ израильскомъ и такъ сроднился съ міросозерцаніемъ израильтянъ, что, не смотря даже на строгіе о немъ отзывы истинныхъ пророковъ, доказывать и утверждать его законность было совершенно лишнее. Несомнѣнно, конечно, то, что всѣ израильскіе ложные пророки Іеговы стояли за культъ тельцовъ, составлявшій необходимое условіе политики израильскихъ царей, но весьма сомнительно, чтобы существовали пророки собственно этого культа и чтобы о такихъ пророкахъ шла рѣчь въ 3 Ц. 22 гл. Черты, какими изображаются въ 3 Ц. 22 гл. 400 пророковъ, общи всѣмъ ложнымъ пророкамъ Іеговы какъ израильскимъ, такъ и іудейскимъ. 400 пророковъ предсказываютъ угодное царю (ст. 8 ср. 13), предсказываютъ ложно (23) и свое ложное возвѣщеніе выдаютъ за слово Іеговы (ст. 6. 11. 12). Дѣятельность ихъ носитъ, слѣдовательно, всѣ тѣ существенные признаки, какими отличалась дѣятельность всѣхъ вообще ложныхъ пророковъ Іеговы (ср. Іер. 14, 13—15. Мих. 3, 5—11). Съ другой стороны, въ 3 Ц. 22 гл. есть и то важное для насъ указаніе, что 400 пророковъ, ложно предсказывавшихъ отъ имени Іеговы угодное Ахаву, были истинными пророками Господними, и, только уклонившись отъ своего назначенія, стали ложными. Пророкъ Михей не отрицаетъ того, что въ нихъ дѣйствовалъ раньше Духъ Господень; онъ утверждаетъ, что Духъ Гос-

1) Такъ, напр., Елисей пророкъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ царемъ дома Івуя, поддерживавшимъ культъ тельцовъ (4 Ц. 13, 10 и д.); однако ни откуда не видно, чтобы Елисей одобрялъ этотъ культъ. Если бы даже не имѣть въ виду прямыхъ обвиненій незаконности культа тельцовъ со стороны истинныхъ пророковъ (3 Ц. 13, 1—3. 14, 7—10. 16, 1—4), то и тогда нельзя допустить, чтобы хотя нѣкоторые изъ нихъ одобрительно относились къ этому культу. Не позволяеть допустить этого употребляемое священными писателями о всѣхъ царяхъ израильскихъ, поддерживавшихъ служеніе тельцамъ, замѣчаніе: *и дѣлалъ неудобное въ очахъ Господнихъ* (3 Ц. 15, 26. 34. 4 Ц. 13, 2. 11. 14, 24 и др.).

подень отступилъ отъ нихъ (ср. 3 Ц. 22, 24—25) и Господь попустилъ въ ихъ уста духа лживаго (3 Ц. 22, 23). Отсюда ясно, что это были истинные пророки Господни, впервые уклонившіеся отъ высокаго своего назначенія и ставшіе ложными; самое же число ихъ 400 позволяетъ заключить, что они, какъ справедливо полагаетъ Гретцъ <sup>1)</sup>, принадлежали къ школѣ пророческой. Такимъ образомъ, первые израильскіе ложные пророки Іеговы вышли изъ школъ пророческихъ, подъ вліяніемъ извращенія теократіи и общаго нравственнаго разложенія исказившихъ идею пророчества. Но то же самое уклоненіе отъ задачъ и цѣлей истиннаго пророчества, впервые происшедшее въ школахъ пророческихъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, могло совершиться и въ отдѣльныхъ личностяхъ. Такъ, несомнѣнно, возникло ложное пророчество Іеговы въ царствѣ іудейскомъ, гдѣ не было школъ пророческихъ и гдѣ однако въ полной силѣ дѣйствовали тѣ же причины, подъ вліяніемъ которыхъ образовалось оно въ царствѣ израильскомъ.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами свидѣтельствъ Библии, проливающихъ свѣтъ на происхожденіе и сущность ложнаго пророчества Іеговы и иныхъ боговъ, можно вывести слѣдующія вѣроятныя заключенія. Явленія эти совершенно самостоятельныя и независимыя другъ отъ друга. Ложное пророчество боговъ иныхъ, образовавшись въ связи съ языческими натуралистическими религіями, заимствуемо было евреями отъ окружавшихъ ихъ народовъ вмѣстѣ съ идолослуженіемъ и, существуя среди нихъ по временамъ, не производило вліянія на происхожденіе и развитіе ложнаго пророчества Іеговы. Это послѣднее возникло на національной почвѣ еврейской и выродилось изъ истиннаго пророчества Господня, исказивъ его въ своемъ существѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ упадка религіи Іеговы и теократіи въ сознаніи и жизни народа избраннаго.

*Свящ. В. Шингаревъ.*

<sup>1)</sup> Geschichte der Juden. II Band. I Hälfte. S. 39.

---

## СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе \*).

### Разбойничій соборъ.

Предсѣдателемъ на вновь открывающійся Ефесскій соборъ былъ назначенъ особымъ императорскимъ указомъ (Дѣян. III, 146) Діоскоръ, архіепископъ Александрійскій. Личность самаго Діоскора и самый тонъ указа достаточно ясно показывали, въ какомъ направленіи должны были идти соборныя засѣданія.

Діоскоръ былъ преемникомъ на Александрійской кафедрѣ св. Кирилла, благодареніямъ котораго онъ обязанъ самымъ возвышеніемъ въ архіепископы. Это былъ человѣкъ честолюбивый, настойчивый, жестокій, не останавливающійся ни предъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Исторія не сохранила относительно его ни одного хорошаго дѣла, ни одной симпатичной черты. Въ жалобахъ на него, принесенныхъ на соборъ діаконами Александрійской церкви: Теодоромъ и Исхаріономъ, пресвитеромъ той-же церкви Аеанасіемъ и міряниномъ Софроніемъ разсказывается множество возмутительныхъ злодѣяній (Дѣян. III, 571—593). Онъ постоянно преслѣдовалъ и довелъ до нищеты родственниковъ своего предшественника св. Кирилла, которыхъ тотъ оставилъ на его попеченіе. Никто не избѣжалъ его жестокости и безчеловѣчія. У однихъ опустошены имѣнія вырубкою лѣса; у другихъ разрушены жилища; иные сосланы въ ссылку; иные разорены

\*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 15, за 1897 г.

штрафомъ, нѣкоторые изгнаны изъ великаго города Александріи, какъ будто изъ собственнаго его владѣнія. Онъ не удержался даже отъ оскорбленія величества..... Онъ часто произносилъ ругательства на св. Троицу..... Распутство, страсть къ игрѣ и роскошь вышеупомянутаго почтеннаго мужа извѣстны всему Египту: весьма часто безстыдныя женщины открыто веселились съ нимъ въ епископіи и въ его банѣ, особенно пресловутая Пансофія... Но этого мало—бывали и убійства по милости этого удивительнаго священнослужителя (Дѣян. III). Таковы были нравственные качества Діоскора. По своимъ религіознымъ воззрѣніямъ онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которыхъ св. Кириллъ называлъ „сумасбродными“ и къ которымъ, какъ намъ извѣстно, принадлежалъ и Евтихій. Діоскоръ былъ очень недоволенъ примиреніемъ св. Кирилла съ восточными епископами, его подписомъ антїохійскаго сѹмвола. Въ этомъ обстоятельстве нѣкоторые думаютъ найти причину его ненависти къ памяти св. Кирилла и ко всѣмъ близкимъ къ нему лицамъ. Но это едва ли вполне справедливо; мы видѣли, что то, что онъ позволялъ себѣ дѣлать съ родственниками и близкими св. Кириллу людьми, онъ дѣлалъ и съ другими. Его монофизитскій образъ мыслей доказываетъ также его тѣсная дружба съ Евтихіемъ и особенно съ евнухомъ Хризафіемъ. Съ послѣднимъ связывала его не только одинаковость религіозныхъ убѣжденій; они нуждались другъ въ другѣ и для другихъ менѣе благородныхъ цѣлей... Хризафій нуждался въ авторитетѣ александрійскаго архіепископа для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ церковныя дѣла, а Діоскоръ для того, чтобы быть властителемъ всего Египта, быть, по выраженію свят. Льва, „фараономъ“ (Еф. СХХ, 2).

Хризафію, управлявшему волей императора Θεодосія II, конечно, было очень выгодно указать этому послѣднему на Діоскора, какъ на самаго достойнаго предсѣдателя предполагаемаго вселенскаго собора. Онъ могъ быть вполне увѣренъ въ торжество ученія Евтихія. Въ свою очередь и Діоскоръ, конечно, съ великою радостію принялъ полномочіе, данное императоромъ. „Ему пріятно было показать всему міру власть и значеніе александрійской кафедрѣ и заставить всѣхъ при-

знать, что только одна египетская церковь обладает знаніемъ христіанскихъ догматовъ“. (Тьерн).

И вотъ Діоскоръ получаетъ посланіе отъ Θεодосія, посланіе въ которомъ говорилось: „мы почли необходимымъ послать твоему благочестію грамоту, въ которой объявляемъ твоему благочестію и всему собору, что мы... предоставляемъ твоему благочестію власть и первенство предъ всѣми прочими, участвующими въ соборѣ. (Дѣян. III, 158).“

Что касается партіи православной, то были приняты всѣ мѣры къ ея подавленію и угнетенію. Всѣ, участвовавшіе на Константинопольскомъ соборѣ, были лишены права голоса. Они „должны были присутствовать и молчать на соборѣ, не имѣя названія судей, и ожидать мнѣнія всѣхъ прочихъ св. отцовъ, потому что нынѣ осуждается то, что опредѣлено было прежде ими самими (Дѣян. III, 155). Въ частности относительно самаго ревностнаго противника монофазитства блаженнаго Θεодорита, епископа Кирскаго, приняты были весьма рѣшительныя мѣры. Онъ могъ присутствовать на соборѣ только по согласію всѣхъ членовъ собора (Дѣян. III, 148). Константинопольскій архіепископъ св. Флавіанъ долженъ былъ явиться на соборъ скорѣе въ качествѣ обвиняемаго, чѣмъ полноправнаго члена его. Въ посланіи императора Θεодосія къ Ефесскому собору относительно него говорилось: „Флавіанъ хотѣлъ возбудить какой-то вопросъ о вѣрѣ противъ почтеннѣйшаго архимандрита Евтихія... мы желали воспрепятствовать возбужденному безпорядку... однако онъ не успокоился... поэтому мы сочли необходимымъ собраться вашей святости, чтобы вы исторгли весь діавольскій корень и извергли изъ святыхъ церквей ревнующихъ о богохульствѣ нечестиваго Несторія (Дѣян. III, 157). Само собою понятно, что св. Флавіанъ не могъ ничего хорошаго ожидать отъ собора, когда его дѣло почти предрѣшалось указомъ. Между тѣмъ все было сдѣлано, чтобы дать перевѣсъ монофизитской партіи. По мимо назначенія предсѣдателемъ собора монофизита Діоскора, были приняты и другія мѣры. Такъ каждый экзархъ могъ брать съ собой не болѣе 10 митрополитовъ и столько-же епископовъ (Fhgerrij 236). Это было очень выгодно для Египта, гдѣ митрополій было мало—и очень невыгодно и стѣснительно для

обширныхъ восточныхъ экзархатовъ, гдѣ митрополій было много. Это распоряженіе имѣло прямою цѣлю стѣснить восточные патріархаты, которыхъ правительство подозрѣвало въ „нечестіи Несторія“ (т. е. другими словами—въ православіи) и на сколько возможно дать перевѣсъ партіи монофизитовъ. Въ видѣ исключенія, особымъ указомъ дано право голоса даже одному архимандриту, ярому монофизиту, по имени Варсумъ (Дѣян. III, 152). Этотъ Варсума извѣстенъ своими преслѣдованіями вмѣстѣ съ другими набранными монахами тѣхъ епископовъ, которые ему казались „зараженными нечестіемъ Несторія“.

При такихъ условіяхъ начался соборъ, снискавшій себѣ печальную извѣстность, и названіе „разбойничьяго собора“. Условія эти, какъ мы видимъ, вполне благопріятны для монофизитовъ и вполне не благопріятны для православныхъ. Хризафій, руководившій Θεодосіемъ, постарался сдѣлать все, чтобы дать торжество монофизитству. Онъ не могъ, конечно, руководить самимъ соборомъ; онъ только подготовилъ твердую почву, на которой монофизитство могло восторжествовать надъ православіемъ. На самомъ соборѣ достойнымъ преемникомъ его политики былъ его другъ Діоскоръ. Онъ вполне воспользовался тѣмъ, что приготовилъ для торжества монофизитовъ Хризафій.

Прежде всего, Діоскоръ постарался поставить дѣло такъ, чтобы соборъ представлялъ изъ себя ничто иное какъ судъ надъ архіепископомъ Флавіаномъ. Діоскоръ употребилъ всѣ усилія, чтобы избѣжать преній о вѣрѣ. „Если кто“, говорилъ онъ, „вопреки дѣяніямъ или ученію отцовъ, собиравшихся въ Никеѣ и собравшихся здѣсь (разумѣется III Вселенскій соборъ), будетъ изыскивать или преслѣдовать и перестраивать (то, что постановлено на ихъ соборахъ), да будетъ анаѳема... Если св. Духъ присутствовалъ съ Отцами, какъ Онъ дѣйствительно присутствовалъ, и опредѣлилъ то, что опредѣлено, то перестраивающій это упраздняетъ благодать Духа (Дѣян. III, 182).

Чтобы не возбудить преній о вѣрѣ, Діоскоръ всѣми силами старался воспрепятствовать чтенію догматическаго посланія (Ер. XXVIII) св. Льва. Къ этому побуждало его и то, что ему очень хорошо было извѣстно, въ какомъ смыслѣ рѣшался

здѣсь вопросъ о воплощеніи Слова. Легаты св. Льва нѣсколь-  
ко разъ предлагали прочитать посланіе, но всякій разъ, вѣро-  
ятно вслѣдствіе соглашеній Діоскора съ императорскими чи-  
новниками, находился благовидный предлогъ отклонить чтеніе.  
Посланіе такъ и не было прочитано. Устранивъ такимъ обра-  
зомъ пренія о вѣрѣ, Діоскоръ прямо приступилъ къ дѣлу Ев-  
тихія и суду надъ св. Флавіаномъ. Позванъ былъ на соборное  
засѣданіе Евтихій. Онъ представилъ статью, содержащую въ  
себѣ исновѣданіе вѣры и обвиненіе на Константинопольскій  
соборъ и его предсѣдателя св. Флавіана. Обвиненія эти состо-  
яли въ томъ, что Евсевій, обвинитель Евтихія на соборѣ, а)  
не указалъ въ обвинительномъ актѣ, въ чемъ состоитъ ересь  
Евтихія. Сдѣлалъ онъ это съ тою цѣлію, чтобы уличить его  
въ ереси на самомъ соборѣ, воспользовавшись какимъ нибудь  
не точнымъ со стороны его выраженіемъ. Жаловался б) на  
шумъ и беспорядокъ во время соборныхъ засѣданій, не дав-  
шихъ будто ему возможности сказать что либо въ свое оправ-  
даніе. с) Обвинительный актъ составленъ былъ прежде окон-  
чанія преній. d) Акты собора были впослѣдствіи испорчены  
ко вреду его, Евтихія. Послѣ этого были прочитаны акты  
константинопольскаго собора. Во время чтенія ихъ вполне об-  
наружился монофизитскій образъ мыслей большинства членовъ  
собора. Чтеніе часто прерывалось возгласами, направленными  
противъ православнаго пониманія догмата о воплощеніи. Пос-  
лѣ чтенія было приступлено къ собранію голосовъ за или про-  
тивъ Евтихія. Выказалось за Евтихія 114 голосовъ. Евтихій  
былъ признанъ православнымъ, св. Флавіанъ побѣжденъ.

Начался судъ надъ св. Флавіаномъ. По заранѣе составлен-  
ному плану, была предъявлена со стороны монаховъ жалоба,  
наполненная разными несправедливыми обвиненіями на св. Фла-  
віана. Въ посланіи ихъ говорилось, что „Флавіанъ приказалъ  
имъ удаляться отъ пастыря, даже говорить съ нимъ, а мона-  
стырское имущество, подъ именемъ бѣдныхъ, беречь для него  
самаго, ибо онъ торговалъ имъ; а кто не будетъ этого дѣлать,  
тѣхъ и самихъ вмѣстѣ съ учителемъ отлучить отъ общенія св.  
таинствъ“. Прошеніе было подано отъ лица всѣхъ монаховъ  
Евтихіева монастыря т. е. отъ лица 300 человекъ и однако-жъ

въ подписяхъ значится подпись лишь 35 монаховъ—(Дѣян. III, 409—11). Знакъ, что здѣсь было не совсѣмъ чисто (Душеп. чтеніе 1875 г. I, 310). Монахи были разрѣшены отъ наложеннаго на нихъ запрещенія и приняты въ общеніе. Еще побѣда надъ св. Флавіаномъ.

Послѣ этого Діоскоръ съ затаенною цѣлію предложилъ собору прочитатъ символъ вѣры III Вселенскаго собора. Большинство высказалось за чтеніе. По приказанію Діоскора были прочитаны Дѣянія въ засѣданіяхъ III Вселенскаго собора, въ которыхъ запрещалось „составлять или писать и слагать иную вѣру, кромѣ опредѣленной св. отцами со св. Духомъ, сошедшимися въ Никеѣ“. Соборъ, конечно, согласился съ прочитаннымъ. Теперь Діоскору не оставалось ничего другого какъ только примѣнить вышеуказанное запрещеніе къ св. Флавіану и Евсеію. Именно эта затаенная цѣль и была, когда онъ предлагалъ чтеніе символа. „Флавіанъ, бывшій епископъ церкви Константинопольской,“ говорилъ Діоскоръ, „и Евсеій Даринейскій, какъ ясно видить весь этотъ святой и вселенскій соборъ, оказываются почти все извращающими и перестраивающими, и подали поводъ къ соблазну и смятенію святымъ церквамъ и всѣмъ православнымъ народамъ; ясно, что они сами себя подвергли наказаніямъ, нѣкогда соборно опредѣленнымъ нашими святыми отцами. Поэтому и мы, утверждаясь на ихъ опредѣленіяхъ, присуждаемъ вышеупомянутыхъ Флавіана и Евсеіа къ лишенію всякаго священническаго и епископскаго достоинства“. (Дѣян. III, 464).

Св. Флавіану ничего не оставалось какъ только заявить протестъ противъ приговора Діоскора. Св. Флавіанъ заявилъ о своей апелляціи къ новому вселенскому собору, которую передалъ римскимъ легатамъ <sup>1)</sup>. Римскіе легаты твердо и вслухъ.

<sup>1)</sup> Латинскій текстъ апелляціи Флавіана, переданной легатамъ Св. Льва, взданъ Amelli въ Specilegium Casinease complectens analecta sacra et profana т. I-й (Ex typ. Casineasi) 1893 года. Смори также его-же сочиненіе S. Leone Magno e l'Oriente: Dissertazione sopra una collezione inedita di nuovi documenti relati cal IV e al VI secolo в т. д. Roma 1882 г. (Bardenhewer, Patrologie. 1894 года стр. 495 и 585).

Св. Флавіанъ проситъ св. Льва и вселенскій соборъ (et universam, quae sub vestra sanctitate est synodum) о новомъ пересмотрѣ всего дѣла (Bardenhewer, Patrologie 1894 г. стр. 495 и 583 ср. Langen стр. 29—30).

всѣхъ заявили также протестъ противъ низложенія св. Флавіана. (Дѣян. III, 465 ср. Ер. XLIV, 1). Нѣкоторые епископы (Описифоръ Иконійскій, Мартиніанъ Синоидскій, Нунехій Фригій Лаодикайской, Василій Селевкійскій) подошли къ Діоскору и стали умолять его подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ, умоляли его не оскорблять „чувства всей земли“. (Thierry, 259). Произошелъ шумъ. Комиты позвали солдатъ, вмѣстѣ съ которыми пришли монахи Варсума и паробаланы Діоскора. Смятеніе и безпорядокъ были страшные. Всѣ епископы разбѣглись по самымъ отдаленнымъ угламъ церкви, такъ какъ двери, по приказанію Діоскора, были заперты. Нѣкоторые даже скрылись подъ своими скамейками (Thierry, 260). Стефанъ Ефесскій скрылся въ ризницу, гдѣ и былъ запертъ. Выпустили его оттуда только тогда, когда онъ согласился подписать приговоръ о низложеніи св. Флавіана и Евсевія.

Когда шумъ, произведенный солдатами, утихъ, было приступлено къ собиранію голосовъ. Діоскоръ, при этомъ, прямо заявилъ, что кто откажется подписаться подъ приговоромъ о низложеніи св. Флавіана и Евсевія, тотъ будетъ имѣть дѣло съ нимъ (Thierry, 261). Св. Флавіанъ и Евсевій были осуждены на низложеніе.

Оставалось только подписаться подъ актами соборнаго засѣданія. Но такъ какъ было уже довольно поздно, то нотаріи не могли въ этотъ день составить окончательной редакціи засѣданія. Между тѣмъ Діоскоръ опасался, что многіе епископы, согласившись подписаться изъ за страха предъ вооруженными солдатами, впоследствии откажутся отъ подписи, и засѣданіе, такимъ образомъ, не будетъ имѣть законной силы. Въ это время кто-то подалъ Діоскору мысль заставить подписаться на бѣлыхъ, не писанныхъ листахъ, съ тѣмъ, что пробѣлы будутъ заполнены послѣ, въ свободное время. Діоскоръ самъ пошелъ по рядамъ епископовъ въ сопровожденіи св. Ювеналія Іерусалимскаго и двухъ неизвѣстныхъ лицъ. Тѣхъ, которые противились требованіямъ Діоскора, обзывали еретиками и поступали грубо. Подписалось 134 епископа.

Засѣданіе должно было кончиться. Всѣ ждали, когда, нако-

нецъ, отворять двери. Но прежде чѣмъ ихъ отворили, произошло еще печальное обстоятельство, закончившее это засѣданіе. Діоскоръ, неизвѣстно зачѣмъ, подошелъ къ Флавіану и сталъ что-то говорить. Что произошло далѣе неизвѣстно, но только Діоскоръ ударилъ св. Флавіана кулакомъ въ лицо, а сопровождавшіе его діаконъ Иппократіонъ и Петръ Монгъ (впослѣдствіи патріархъ Александрійскій) повалили его на полъ. Діоскоръ, параболаны и монахи Варсумы стали его бить и топтать ногами. Варсума кричалъ по сирски: „убей его“! (Thierry, 264—5). Въ ужасъ отъ этой потрясающей сцены епископы бросились къ дверямъ, которыя, наконецъ, отворили. Флавіана полумертваго снесли въ тюрьму. Онъ умеръ отъ побоевъ на 3-й день на дорогѣ въ ссылку (Arendt, 246).

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ 22 и 23 (или 24) августа римскіе легаты не присутствовали, хотя и были приглашены. Они отказались отъ присутствованія на соборныхъ засѣданіяхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они не уполномочены ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ дѣла Евтихія и св. Флавіана. На засѣданіяхъ 22 августа были осуждены Ива Едесскій за несторіанскій образъ и злоупотребленіе церковными имуществами, его родственники: Даниль Харрайскій за участіе его въ злоупотребленіяхъ Ивы церковными имуществами; Софроній Теллскій за волшебство. Не трудно догадаться, что всѣ эти обвиненія мнимыя. На слѣдующемъ засѣданіи 23 или 24 августа были осуждены: блажен. Θεодоритъ за несторіанскій образъ мыслей (т. е. за православіе) и Доманъ антиохійскій за сочувствіе Θεодориту. Это засѣданіе было послѣднимъ. Акты „разбойничьяго собора“ были утверждены императоромъ, о чемъ былъ изданъ указъ. Въ указѣ этомъ, между прочимъ, говорилось: „Несторіане (т. е. православные) не должны быть терпимы ни въ городахъ, ни въ странѣ и кто ихъ будетъ терпѣть, тотъ будетъ наказанъ конфискаціей имущества и вѣчнымъ изгнаніемъ“ (Душ. Чт. 1875 г. 1, 423).

Изъ Ефеса Діоскоръ отправился въ сопровожденіи нѣсколькихъ епископовъ въ Константинополь, чтобы поставить здѣсь новаго архіепископа на мѣсто св. Флавіана. Выборъ его палъ на своего діакона св. Анатолія, котораго онъ считалъ своимъ единомышленникомъ.

Нисколько не умаляя достоинства этого святого мужа, очень много потрудившагося для православія, мы склонны думать, вопреки сложившемуся мнѣнію о только видимой привязанности въ евтихіанству, что онъ дѣйствительно держался его на первыхъ порахъ своего служенія въ санѣ константинопольскаго архіепископа. Очень трудно предполагать, чтобы Діоскоръ не имѣлъ какихъ нибудь твердыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ счелъ за самое лучшее передать такую важную каеедру, какъ Константинопольская, не кому другому, а именно св. Анатолю. Не малое значеніе въ данномъ случаѣ имѣеть замѣчаніе Либерата въ своемъ *Breviarium* (Migne LXVIII, 1005), что св. Анатолий былъ апокрисиаріемъ Діоскора въ Константинополѣ. Либератъ сдѣлалъ это замѣчаніе, вѣроятно, не безъ цѣли. Впослѣдствіи, при измѣнившихся въ пользу православія обстоятельствахъ, а также, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе все болѣе и болѣе возрастающаго убѣжденія въ истинѣ православія и несостоятельности евтихіанства, онъ искренно присоединился къ православію, для котораго онъ (какъ это мы увидимъ впослѣдствіи) потрудился очень много.

Поставленіе св. Анатоля въ архіепископы константинополя было вѣнцомъ побѣды Діоскора надъ св. Флавіаномъ. Одно только обстоятельство беспокоило его. Это протестъ со стороны Рима. Тревожимый этимъ обстоятельствомъ, Діоскоръ созвалъ небольшой соборъ въ Никеѣ, гдѣ была произнесена анаеема догматамъ св. Льва и самъ онъ отлученъ отъ церкви.

Діоскоръ возвратился въ Александрію съ полнымъ торжествомъ: онъ низложилъ двухъ архіеписковъ и отлучилъ третьяго. Будущее покажетъ на сколько его торжество было своевремено.

Дѣятельность св. Льва, направленная къ уничтоженію силы разбойничьяго собора и къ созванію Халкидонскаго.

Св. Левъ узналъ о случившемся на соборѣ отъ своего легата, діакона Иларія, который ушелъ украдкою (*furtim*) изъ Ефеса вскорѣ послѣ перваго засѣданія (Ер. XLIX). Иларій старался дойти до Рима малозвѣстными путями; онъ даже миновалъ

Константинополь, хотя ему нужно было передать св. Пульхеріа Августѣ посланіе св. Льва.

Диоскоръ очевидно былъ опасенъ не только на соборѣ въ Ефесѣ. Сообщение Иларія о происшествіи на соборѣ, безъ сомнѣнія, глубоко опечалило къ св. Льва. Онъ тотчасъ написалъ письмо (XLIX отъ 13 октября) къ св. Флавіану, о смерти котораго онъ еще не зналъ. Въ этомъ письмѣ св. Левъ выражаетъ глубокое сочувствіе страданіямъ св. Флавіана за истину и сожалеетъ „о паденіи тѣхъ, черезъ кого истина подвергается нападенію и потрясается самое основаніе цѣлой церкви“. Вмѣстѣ съ тѣмъ св. Левъ извѣщаетъ св. Флавіана, что „онъ для общаго дѣла ничего не опустилъ такого, что надлежитъ сдѣлать, дабы прежде всего достигнуть того, что полезно обществу вѣрующихъ“. Св. Левъ не сообщаетъ въ письмѣ, что онъ именно предпринялъ, въ чемъ состоятъ его стремленія. Это онъ поручилъ передать словесно самому подателю письма.

Судя по дальнѣйшей дѣятельности св. Льва, не трудно догадаться о какихъ мѣрахъ, о какихъ стремленіяхъ говорить св. Левъ. Онъ рѣшился во чтобы то ни стало дать торжество истинѣ и справедливости. Онъ ясно видѣлъ непрочность и мимолетность монофизитствъ; онъ чувствовалъ на своей сторонѣ столько силы, что побѣда ему казалась несомнѣнной. Отъ Иларія онъ, конечно, узналъ, что далеко не весь востокъ сочувствуетъ монофизитству. Сирія, Понтъ, Азія были явно враждебны ереси; западъ, независимый отъ востока въ политическомъ отношеніи, весь былъ на сторонѣ православія. На сторонѣ же монофизитства было меньшинство: Египетъ, Фракія, Палестина (Hefele II, 371). Чувствуя свою силу, св. Левъ тотчасъ же принялся за дѣло, съ полною увѣренностію въ успѣхѣ.

Въ скоромъ времени въ Римѣ собрался соборъ. Это былъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ соборовъ, которые собирались съ 448 года каждое III Cal. Oct. (=29 сентября) (Ер. XVI, 7 LXI, 1). На этомъ соборѣ было отвергнуто монофизитство и все, что сдѣлано на Ефескомъ соборѣ. Отъ себя и отъ лица этого собора св. Левъ отправилъ „съ особымъ посольствомъ“ (XLV, 3) къ императору Θεодосію посланіе (Ер. XLIII и XLIV,

отъ 13 октября 449 года) <sup>1)</sup>. Св. Левъ жалуется въ пемъ на злоупотребленія, имѣвшія мѣсто на Ефесскомъ соборѣ, именно: а) не было прочитано его посланіе къ св. Флавіану, содержащее въ себѣ ясное и точное изложеніе догмата о воплощеніи; б) на соборѣ не было свободы изслѣдованія истины; здѣсь все было сдѣлано съ насиліемъ и многіе епископы „простерли невольныя руки къ нечестивымъ подписямъ“; с) не всѣ епископы допущены были на соборъ, но только тѣ, которые болѣе или менѣе соответствовали видамъ Діоскора; д) легатовъ принуждали подписаться подъ соборными актами силою, такъ что одинъ изъ нихъ, діаконъ Иларій, „едва убѣждалъ“ изъ Ефеса, желая такимъ путемъ уклониться отъ вынужденной подписи актовъ. Въ заключеніи св. Левъ, отъ себя и отъ лица всѣхъ своихъ священниковъ, умоляетъ Θεодосія „предъ нераздѣлимою Троицею единого Божества и предъ святыми ангелами Христа оставить все въ томъ положеніи, въ какомъ было прежде всякаго суда, пока не соберется большое число епископовъ всего міра... и не составитъ внутри Италіи вселенскій соборъ, который—бы всѣ возникшія несправедливости такъ порѣшилъ или укротилъ, чтобы не осталось болѣе какого вибудь сомнѣнія въ вѣрѣ или раздѣленія въ любви“. Въ заключеніи св. Левъ даетъ понять Θεодосію, что заботиться о церковномъ мирѣ это тоже, что заботиться о политическомъ благосостояніи государства.

Едва-ли св. Левъ ожидалъ особенныхъ послѣдствій отъ сво-

<sup>1)</sup> XVIII и XLIV письма отличаются другъ отъ друга только различнымъ началомъ. Кенель (Migne LIV, 1383) полагаетъ, что XLIII письмо, „можетъ быть экземпляръ XLIV письма, который въ нѣсколько измѣненномъ видѣ св. Левъ послалъ къ Пульхеріи Августѣ, о чемъ говорится въ Ер. XLV, 1“. Баллерини (Migne, LIV, 819) считаютъ это предположеніе Кенели болѣе остроумнымъ, чѣмъ основательнымъ. По ихъ мнѣнію, было написано сначала XLIII письмо, что видно изъ того, что оно въ манускриптахъ помѣщается всегда прежде XLIV. Послѣ того, какъ XLIII письмо было уже отправлено, св. Левъ отправилъ XLIV письмо, представляющее незначительную передѣлку письма XLIII, чтобы передать его императору, удержавъ, если можно, XLIII письмо. Но это предположеніе Баллерини не только не основательно, но даже и не остроумно. Передѣлка XLIII письма настолько незначительна, что едва ли нужно было св. Льву особенно беспокоиться относительно замѣны одного письма другимъ. Кенелю, кажется, нужно отдать предпочтеніе.

его посланія. Онъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо зналъ, что императоръ стоитъ на сторонѣ монофизитства. Зналъ также и то, что не столько тутъ значитъ самъ императоръ, сколько тѣ, которые окружаютъ его. Письмо его имѣло другую цѣль. Оно было оффиціальнымъ извѣщеніемъ о результатахъ римскаго собора, выраженіемъ протеста противъ Ефесскаго собора со стороны всей западной церкви. Но св. Левъ все-таки не оставляетъ надежды, что со временемъ мысли императора примутъ другое направленіе. По крайней мѣрѣ, онъ старается на сколько возможно повліять на черемѣну настроенія императора чрезъ его сестру св. Пульхерію. Онъ посылаетъ къ ней особое посланіе (XLV отъ 13 октября 449 года), къ которому были приложены не дошедшія до нея его прежнія посланія, отправленныя еще до разбойничьяго собора, а также копіи съ посланій, отправленныхъ къ императору Θεодосію. „Если бы“, пишетъ св. Левъ, „дошли до вашего благочестія посланія, которыя по дѣлу вѣры отправлены были чрезъ нашихъ клириковъ, то, безъ сомнѣнія, вы, при внушеніи вамъ Господа, могли приготовить врачевство тѣмъ дѣламъ, которыя совершены противъ вѣры. Ибо когда вы не принимали стороны священниковъ, когда не стояли за благочестіе и вѣру христіанскую?“ Св. Левъ выражаетъ глубокую скорбь по поводу событій на Ефесскомъ соборѣ и обращается къ Пульхеріи съ просьбою о ходатайствѣ предъ императоромъ, „чтобы онъ прежде, нежели эта гибельная война усилится внутри церкви, далъ способы, при содѣйствіи Божіемъ, возстановить единство, зная, что все то будетъ полезно могуществу его имперіи, что при благосклонномъ расположеніи будетъ сдѣлано для свободы католической“. Св. Левъ задѣвалъ самое чувствительное мѣсто. Какъ Θεодосію, такъ и св. Пульхеріи онъ очень не двухсмысленно давалъ понять, что религиозная рознь между востокомъ и западомъ неизбѣжно повлечетъ за собою и рознь политическую. При тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда римская имперія всюду была окружена врагами, эта рознь могла очень гибельно подѣйствовать на благосостояніе какъ восточной, такъ и западной имперіи. Этого вполне было достаточно, чтобы побудить правительство всѣми силами стараться уничтожить эту рознь. Но

обружавшіе Θεодосія настолько были увлечены искорененіемъ ненавистнаго имъ „несторіанства“ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало заглядывали въ будущее, что предостереженія св. Льва пропали даромъ. Пульхерія-же не имѣла возможности помочь дѣлу, такъ какъ она въ это время, благодаря интригамъ Хризафія, была удалена отъ двора. Все это вмѣстѣ и было, вѣроятно, причиною того, что св. Левъ долго не получалъ отвѣта на свое посланіе. Озабоченный этимъ обстоятельствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предвидя, что его посланіе не имѣло успѣха, св. Лавъ написалъ Θεодосію вторичное посланіе (Ер. LIV отъ 25 декабря 449 года). Св. Левъ заявляетъ, что онъ вполнѣ принимаетъ Никейскій символъ (въ противовѣсъ монофизитамъ, которые особенно держались за него); онъ одинаково осуждаетъ и анаематствуетъ какъ развращенное ученіе Несторія, какъ и нечестіе тѣхъ, которые отрицаютъ дѣйствительность воспринятія нашей плоти Господомъ. Въ заключеніи св. Левъ выражаетъ полную увѣренность въ томъ, что если императоръ „удостоитъ принять его прошеніе и моленіе и прикажетъ собраться египетскому собору внутри Италіи, то, при помощи Божіей, могутъ прекратиться всѣ соблазны, взволновавшія вселенскую церковь“. И это посланіе осталось безъ успѣха.

Въ это время прибыли въ Римъ на праздникъ въ честь кафедръ св. Петра (Natale Petri de cathedra—по мнѣнію Баллерини (Migne LIV, 857) происходило VIII Cal. Mart 25 февраля)—западный императоръ Валентиніанъ III съ своею супругою Евдоксіей (дочерью Θεодосія II) и Галлой Плацидіей (теткой Θεодосія). Св. Левъ воспользовался этимъ счастливымъ случаемъ для того, чтобы склонить ихъ на защиту поправнаго православія. Когда Валентиніанъ съ Евдоксіей и Плацидіей прибыли для молитвы въ церковь святаго Петра, св. Левъ въ сопровожденіи многихъ другихъ епископовъ обратился къ нимъ съ рѣчью. Прерывающимся отъ слезъ и волненія голосомъ онъ рассказалъ имъ о томъ, что „ученіе вѣры возмущено на всемъ востокѣ“. Онъ оплакивалъ св. Флавіана, изгнаннаго по причинѣ ненависти александрійскаго епископа и, свидѣтельствуясь святынею самыхъ достойныхъ благоговѣнія мѣстъ и спасеніемъ

нихъ, требовалъ того, чтобы они написали къ императору Θεодосію и упросили его возстановить православіе и назначить соборъ въ предѣлахъ Италіи. Дѣйствительно Валентиніанъ, Евдоксія и Платидія отправили каждый отдѣльно письма къ Θεодосію и просили его возстановить православіе и назначить соборъ въ предѣлахъ Италіи (Ер. LV, LVI, LVII, LVIII—всѣ написаны въ концѣ февраля 450 года). Платидія, кромѣ того, написала къ св. Пульхеріи (Ер. LVIII—написано въ концѣ-же февраля), прося ея содѣйствія въ отмѣнѣ всего того, что было поставлено на „возмутительномъ и жалкомъ“ Ефесскомъ соборѣ“.

Но Θεодосій находился въ полной зависимости отъ Хризафія и отъ монофизитской партіи. Письма съ запада не могли поэтому произвести на него впечатлѣнія и подѣйствовать на перемѣну въ его мысляхъ; они только раздражили его. „Мы воздаемъ“, не безъ ироніи писалъ Θεодосій Валентиніану, (Ер. LXII—написано около апрѣля 450 года) „мы воздаемъ полное благодареніе Божественному величію за твое, господинъ священнѣйшій сынъ и досточтимый императоръ, невредимое прибытіе въ городъ Римъ. Что-же касается до того, что сказалъ тебѣ досточтимѣйшій мужъ Левъ, то объ этомъ, какъ мы думаемъ, весьма ясно и обстоятельно написано къ нему (до насъ ничего не дошло); и онъ узналъ, что мы ни въ чемъ не отступили отъ отеческой вѣры и преданія нашихъ предковъ... Что касается собора въ Ефесѣ, то на пемъ „съ полною свободою и совершенною истиною отлучены недостойные священства и восприняты тѣ, которые признаны достойными... Что касается Флавіана, то онъ признанъ виновникомъ вредной новизны и получилъ достойное наказаніе. Съ удаленіемъ его царствуетъ всякій миръ и всякое согласіе и процвѣтаетъ не иное что, какъ чистая истина“. Въ этомъ-же смыслѣ отвѣтилъ Θεодосій и Галлѣ Платидіи (Ер. LXIII) и Евдокіи (Ер. LXIV).

Непріятныя отношенія съ Константинополемъ осложнились еще вопросомъ о признаніи св. Анатолія епископомъ Константинопольскимъ. Намъ уже извѣстно, что св. Анатолій, прежде бывший апокрисіаріемъ Діоскора, былъ поставленъ имъ въ преемники св. Флавіану. Вступивъ въ управленіе епархіей, св.

Анатолій, по обычаю, послалъ къ другимъ кафедрамъ общительныя посланія. Такое посланіе получилъ и св. Левъ. До насъ дошелъ только отрывокъ отъ этого любопытнаго посланія (Ер. LIII написано подъ конецъ 449 года). Св. Анатолій рассказываетъ въ немъ причину своего избранія на Константинопольскую кафедру. При избраніи преемника св. Флавіану, по сообщенію св. Анатолія, произошли большія разногласія. Для прекращенія ихъ предложено было избрать кого-либо изъ другой епархіи. Выборъ палъ на него.

Св. Левъ поставленъ былъ посланіемъ св. Анатолія въ очень большое затрудненіе. Зная его прежнюю близость къ Діоскору, онъ, конечно, невольно долженъ былъ заподозрить чистоту его православія, тѣмъ болѣе, что въ своемъ посланіи св. Анатолій ничего не говорилъ о своемъ исповѣданіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, св. Левъ не могъ отказать ему въ общеніи, такъ какъ его неправославіе ничѣмъ еще не было доказано. Св. Левъ рѣшилъ сперва узнать образъ мыслей новаго константинопольскаго епископа. Не желая огорчать требованіемъ исповѣданія православія отъ самого св. Анатолія, св. Левъ обратился къ посредничеству императора Θεодосія. Онъ снарядилъ особое посольство, состоящее изъ четырехъ лицъ; епископовъ: Абундія и Астерія и пресвитеровъ Василя и Сенатора. Съ этимъ посольствомъ св. Левъ написалъ Θεодосію посланіе (LXIX отъ 16 іюля 450 года). Въ немъ онъ выясняетъ Θεодосію свое затрудненіе по поводу признанія св. Анатолія епископомъ Константинопольскимъ. Причина, почему онъ не можетъ принять Анатолія въ общеніе та, что ему ничего не извѣстно объ его образѣ мыслей. „Если“, продолжаетъ св. Левъ, „онъ покажетъ себя въ отношеніи къ вѣрѣ католической такимъ, какимъ желаемъ мы, то мы полнѣе и безопаснѣе возрадуемся за его искренность. А чтобы не мучило его какое-либо подозрѣніе относительно нашего расположенія, я удаляю всякій поводъ къ затрудненію и ничего такого не требую, что казалось бы не удобнымъ или сомнительнымъ; я только прошу (исповѣдать то), чего не долженъ отрицать ни одинъ изъ католиковъ“. Св. Левъ совѣтуетъ св. Анатолію прочесть посланіе св. Кирилла Александрійскаго противъ Несторія, а также его собственное къ

св. Флавіану. „Если бы“, продолжаетъ св. Левъ, „онъ отъ всего сердца согласился съ мыслями каѳоликовъ, такъ чтобы искреннее исповѣданіе общей вѣры объявилъ свободнымъ подписомъ предъ всѣмъ клиромъ и цѣлымъ городомъ для извѣщенія апостольской каѳедры и всѣхъ священниковъ и церквей Господа: то мы при успокоеніи всего міра въ одной вѣрѣ, мы всѣ могли бы сказать то, что воспѣли ангелы о родившемся отъ Дѣвы Маріи Спасителѣ: „слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ чаловѣцѣхъ благоволеніе“! (Лук. 2, 14). Въ заключеніи св. Левъ проситъ Θεодосія, въ виду того, что „нѣкоторые остаются въ разномысліи съ чистотою вѣры и авторитетомъ св. отцовъ“, созвать внутри Италіи соборъ. Св. Левъ заявляетъ, что это не его только личное желаніе, „но и сошедшагося по этому предмету собора въ Римѣ“.

Убѣжденный горькимъ опытомъ, св. Левъ не рассчитывалъ на успѣхъ и этого посланія. Онъ болѣе рассчитывалъ на вліяніе св. Пульхеріи. Въ письмѣ (Ер. LXX), отправленномъ къ ней, св. Левъ такъ же, какъ и въ письмѣ къ Θεодосію, выяснилъ свое затрудненіе относительно признанія св. Анатолія Константинопольскимъ епископомъ. Совѣтуетъ Анатолію прочесть посланіе св. Кирилла Александрійскаго къ Несторію и свое собственное къ св. Флавіану. Въ заключеніи проситъ ходатайства предъ императоромъ о созваніи собора въ Италіи.

Но посольство, съ которымъ были посланы эти письма къ Θεодосію и Пульхеріи, уже не застало Θεодосія въ живыхъ. Онъ умеръ 29 іюля 450 года отъ неосторожнаго паденія съ лошади во время охоты (Thierry 269). Его смерть положила конецъ оффиціальному господству евтихіанства въ восточной имперіи. Его преемницей сдѣлалась св. Пульхерія, избравшая супругомъ бывшаго сенатора Маркіана. Они рѣшились дать перевѣсъ православію.

Св. Левъ заботился о торжествѣ православія не только, такъ сказать, оффиціальнымъ путемъ, путемъ сношеній, переговоровъ и перепиской съ императоромъ Θεодосіемъ II и св. Пульхеріей. Онъ дѣятельно велъ сообщенія еще съ многими константинопольскими пресвитерами и архимаандритами, извѣстными ему по своему благочестію и православному образу мыслей. Такихъ

лицъ извѣстно до 15, именно пресвитеры и архимандриты: Фавинъ, Мартинъ, Петръ, Мануиль, Іовъ, Антіохъ, Авраамій, Θεодоръ, Піенцій, Евсевій, Елпидій, Павелъ, Астерій, Кародъ діаконъ и архимандритъ Іаковъ (Ер. LXXI). Болѣе чѣмъ со всѣми другими онъ велъ сношенія съ Мартиномъ и Фавстомъ. Очевидно эти два архимандрита пользовались особымъ почетомъ и вліяніемъ во всемъ Константинополѣ. Св. Левъ обращался къ нимъ съ письмами еще до разбойничьяго собора (Ер. XXII); обращается и теперь. Онъ объясняетъ имъ также какъ Θεодосію и Пульхерію свои затрудненія относительно признанія Константинопольскимъ епископомъ св. Анатолія и проситъ ихъ „содѣйствія“ (collaborate) ему въ утвержденіи православія и искорененіи еutihianства (Ер. LXXI отъ 17 іюля 450 года); убѣждаетъ ихъ страдать за истину (LXXIV ad Martinum—отъ 13 сентября 450 года), старается разъяснить имъ трудный догматъ о соединеніи двухъ естествъ (Ер. LXXV отъ 8 или 9 ноябрю 450 года).

Весьма интересны сношенія св. Льва съ знаменитымъ Θεодоритомъ, епископомъ Киррскимъ. Θεодоритъ писалъ къ нему—спустя нѣкоторое время (подъ конецъ 449 года) послѣ разбойничьяго собора. Онъ извѣщаетъ его о печальныхъ событіяхъ, случившихся на разбойничьемъ соборѣ, о „несправедливѣйшемъ низложеніи“ Флавіана, о несправедливомъ низложеніи его самого, хотя онъ „на соборѣ не присутствовалъ и не былъ спрошенъ о томъ, какъ онъ мыслитъ о воплощеніи Спасителя нашего и Бога“. Между тѣмъ онъ „при содѣйствіи благодати Божіей, освободилъ болѣе тысячи душъ отъ болѣзни Маркіона, многихъ привелъ къ Христу арианъ и евноміанъ“. Онъ былъ пастыремъ восьмисотъ церквей, входящихъ въ составъ Киррской епархіи, въ которыхъ не осталось никакого куколя, но все его стадо свободно отъ еретическаго заблужденія. Всевидящій знаетъ сколько брошено въ него камней нечестивыми еретиками; сколько онъ боролся съ Еллинами, Іудеями и вообще со всякимъ еретическимъ заблужденіемъ“. Кромѣ того, онъ написалъ много сочиненій противъ арианъ, евноміанъ, Іудеевъ, Язычниковъ, персидскихъ шаховъ, о провидѣніи, о богословіи и божественномъ воплощеніи. Имъ написаны, при помощи благо-

дати Божіей, толкованія на предсказанія пророческія и апостольскія. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій легко можно узнать, остался ли онъ твердъ въ вѣрѣ. Будучи епископомъ впродолженіи очень многихъ лѣтъ онъ не приобрѣлъ ни дома, ни поля, ни овола, ни усыпальницы; онъ добровольно остался бѣднымъ, раздавъ доставшееся ему наслѣдство бѣднымъ, какъ это извѣстно всѣмъ на востокѣ. И вотъ за всѣ эти труды и лишенія онъ осужденъ безъ суда (*μη δίκασάμενος κατεκρίθη*). Вслѣдствіе такой несправедливости бл. Θεодоритъ обращается къ правому суду св. Льва и умоляетъ его не отринуть его моленій, не презрѣть его сѣдины, повесшей столько трудовъ. Онъ проситъ научить его, должно-ли остаться (*τέρψαι*) при этомъ несправедливомъ изложеніи или вѣтъ и обѣщаетъ послѣдовать рѣшенію св. Льва.

Не извѣстно, что именно отвѣтилъ св. Левъ бл. Θεодориту на это посланіе. До насъ дошло только одно посланіе св. Льва, написанное уже послѣ Халкидонскаго собора 11 іюня 453 года (Ер. СХХ). На основаніи указаній этого письма можно заключать, что св. Левъ отвѣтилъ ему на это письмо и призналъ его „согласно суду апостольскаго престола чистымъ отъ всякаго пятна ереси“.

Не признавая Ефесскаго собора 449 г. правильнымъ, считая его, напротивъ, „разбойничьимъ“ сборищемъ (*latrocinium*), св. Левъ, конечно, не могъ признать правильнымъ и законнымъ изложеніе бл. Θεодорита. Впослѣдствіи на Халкидонскомъ соборѣ бл. Θεодоритъ былъ торжественно принятъ въ общеніе; при чемъ было здѣсь заявлено, что онъ уже былъ принятъ въ общеніе св. Львомъ (Дѣян. IV, 180—1).

Таковы были частныя сношенія св. Льва съ востокомъ.

Письмо бл. Θεодорита ясно показываетъ, чѣмъ былъ св. Левъ въ это смутное время для восточной церкви. При оффиціальномъ господствѣ въ восточной римской имперіи евтихіанства, взоры всѣхъ православныхъ невольно обратились на западъ, гдѣ въ это время самымъ лучшимъ и виднымъ представителемъ православія былъ св. Левъ.

Но дѣятельность св. Льва на востокѣ ограничивалась только поддержкой православія. Онъ ничего не могъ сдѣлать противъ все болѣе и болѣе распространяющагося евтихіанства.

Дѣятельность его на западѣ носила нѣсколько другой характеръ. Здѣсь онъ не только поддерживалъ православіе,—это разумѣется само собой,—здѣсь онъ употреблялъ и всѣ средства къ прегражденію доступа этой „нечестивой заразы“ въ западную церковь. Весьма много, конечно, помогало ему въ данномъ случаѣ его хорошія и близкія отношенія къ императорскому двору, проживавшему въ это время въ Равеннѣ. Императорское семейство держалось, какъ мы знаемъ, православія. Все это дало возможность св. Льву распространить свое знаменитое догматическое посланіе по всему западу. Это письмо, заключающее въ себѣ ясное и точное изложеніе догмата о воплощеніи, было прочитано, одобрено и подписано всѣмъ Западомъ, начиная съ епископовъ, къ которымъ оно было послано, и кончая мірянами (Ер. LXVII; LXVIII и XCIX). Какое значеніе имѣла мѣра—это лучше всего видно изъ того, что на Западѣ евтихіанство не пользовалось ни какимъ успѣхомъ. Но и въ Восточной церкви евтихіанство совсѣмъ не было господствующимъ. Если оно одержало на нѣкоторое время верхъ надъ православіемъ, то это только потому, что на его сторонѣ было правительство. Но вотъ на престолъ вступили св. Пульхерія <sup>1)</sup> и Маркіанъ, оно потеряло опору въ правительствѣ и тогда число его приверженцевъ быстро сократилось. Многіе, принявшіе опредѣленія Ефесскаго собора изъ боязни изложенія и ссылки, теперь принесли свое полное раскаяніе. Для евтихіанства теперь наступили другія, тяжелыя времена. Вышелъ императорскій Эдиктъ, по которому тѣ монахи и клирики, которые слѣдуютъ ученію Аполлинарія и Евтихіа, подпадаютъ подъ законы, изданные противъ еретиковъ вообще и должны быть изгнаны изъ предѣловъ Римскаго государства (Perth. 67).

1) Св. Пульхерія давно уже, какъ мы знаемъ, была въ близкихъ отношеніяхъ со св. Львомъ. Вступивъ на престолъ, она вмѣстѣ съ избраннымъ ею мужемъ сенаторомъ Маркіаномъ, ставшимъ теперь императоромъ, рѣшилась употребить всѣ успія для торжества православія. Вступивъ на престолъ, Маркіанъ вмѣстѣ съ Валентиніаномъ III, издалъ на имя св. Льва Эдиктъ (Ер. LXXIII), въ которомъ извѣщая св. Льва о своемъ вступленіи на престолъ, испрашиваетъ его молитвъ и выражаетъ еще при этомъ желаніе, при помощи святаго Льва (σοβαρὸν εὐτοῦτος), водворить миръ въ церкви созваніемъ новаго собора. Послѣ этого евтихіанству нечего было ждать отъ правительства.

Торжественно перенесены были въ Константинополь мощи св. Флавіана и погребены съ великою торжественностью и почетомъ въ базиликѣ св. Апостоловъ рядомъ съ своими предшественниками (Ер. LXXVII). Тотчасъ-же были завязаны сношенія съ Римомъ. Маркіанъ извѣстилъ св. Льва о своемъ восшествіи на престолъ и просилъ его молитвъ о твердости и непоколебимости имперіи. Въ заключеніе Маркіанъ выразилъ желаніе созвать вселенскій соборъ, о чемъ старался св. Левъ— (Ер. LXXIII написано въ концѣ августа или въ началѣ сентября 450 года). Нѣсколько позднѣе (22 ноября 450 года) Маркіанъ послалъ св. Льву посланіе (Ер. LXXVI), гдѣ выражаетъ увѣренность, что „безопасность его могущества поддерживается правою вѣрою и благоволеніемъ нашего Спасителя“, извѣщаетъ, что онъ охотно и, какъ слѣдовало, съ благоклонностію принялъ тѣхъ достойнѣйшихъ мужей, которыхъ отправилъ къ нему св. Левъ. (Рѣчь о посольствѣ къ Θεодосію, котораго оно не застало въ живыхъ). Въ заключеніи Маркіанъ проситъ св. Льва прибыть на востокъ и составить соборъ; если это ему покажется затруднительнымъ, то пусть онъ извѣститъ объ этомъ собственнымъ посланіемъ, чтобы онъ, Маркіанъ, могъ „разослать высочайшія посланія по всему востоку и самой Фракіи и Иллирику и назначить мѣсто, гдѣ-бы собрались всѣ святѣйшіе епископы и опредѣлили, что полезно благочестію христіанъ и вѣрѣ каѳолической“. Около этого времени (съ точностію неизвѣстно) св. Левъ получилъ посланіе и отъ св. Пульхеріи (Ер. LXXVII) съ весьма важными извѣстіями, именно: святѣйшій Анатолій, епископъ славнаго Константинополя, содержитъ православную вѣру и благочестіе и принимаетъ апостольское исповѣданіе его (св. Льва) посланій, отвергнувъ то заблужденіе, которое измышлено въ нынѣшнее время нѣкоторыми“, о чемъ яснѣе можно узнать изъ собственнаго его Анатолія посланія (до насъ не дошло). Онъ (Анатолій) безъ всякаго замедленія подписалъ также посланіе каѳолической вѣры, которое онъ, св. Левъ, послалъ къ священной памяти епископу Флавіану“. Далѣе св. Пульхерія проситъ св. Льва исполнить <sup>1)</sup>

1) Tua reverentia, quocumque modo perspexerit, significare dignetur.

желаніе ея супруга императора Маркіана относительно созванія вселенскаго собора; извѣщаетъ о перевесеніи мощей св. Флавіана въ Константинополь и погребеніи ихъ. Наконецъ св. Пульхерія сообщаетъ, что императоръ повелѣлъ особымъ указомъ возвратитъ изъ ссылки всѣхъ епископовъ, единомышленныхъ съ св. Флавіаномъ, съ тѣмъ, чтобы „они по утвержденію собора и одобренію всѣхъ сошедшихся епископовъ, снова получили епископство и свои собственныя церкви“.

Почти одновременно съ письмами св. Пульхеріи и Маркіана св. Левъ получилъ письмо отъ св. Анатолія (не дошедшее до насъ), посланное съ пресвитеромъ Кастеріемъ и діаконами Патрикіемъ и Аспленіадомъ. Судя по упоминаніямъ о немъ Пульхеріи (Ер. LXXVII), самаго св. Льва (Ер. Ер. LXXX, I) и указанія 4 засѣданія Халкидонскаго собора (Дѣян, 1, 4, 85), можно съ нѣкоторою вѣроятностію предположить, что въ посланіи св. Анатолія говорится о соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ (вѣроятно въ ноябрѣ 450 года. Hefele II 379) и о послѣдовавшей на немъ подписи св. Анатоліемъ догматическаго посланія св. Льва, о епископахъ бывшихъ на разбойничьемъ соборѣ и теперь приносящихъ покаяніе. Съ этимъ письмомъ были отправлены и самыя акты (LXXX, I)<sup>1)</sup>. Св. Левъ прислалъ свое отвѣтное посланіе къ св. Анатолію съ нослами отъ него—(посланіе это отъ 13 апрѣля 451 г. Ер. LXXX). „Мы радуемся о Господѣ“, писалъ св. Левъ, „и гордимся даромъ благодати Того, Который сдѣлалъ тебя послѣдователемъ евангельскаго ученія“. Св. Левъ говоритъ, что онъ съ радостію принимаетъ его въ свое общеніе и одобряетъ соборныя дѣянія, присланныя съ письмомъ св. Флавіана. Относительно епископовъ бывшихъ на разбойничьемъ соборѣ и поднисавшихъ его акты, но теперь приносящихъ покаяніе, св. Левъ одобряетъ рѣшеніе, постановленное сообща съ его

<sup>1)</sup> Ceillier (XIV, 649), Walch, Ketzhrhist (VI, 306) полагаютъ, что до Халкидонскаго собора св. Анатолій собиралъ только *одинъ* помѣстный соборъ въ Константинополѣ. Hefele (II, 379) съ большою основательностію думаетъ, что св. Анатолій собиралъ *два* собора: одинъ еще при жизни Θεодосія II, другой при Маркіанѣ, въ ноябрѣ 450 г., на которомъ имъ было подписано догматическое посланіе св. Льва.

легатами (вѣроятно на Константинопольскомъ соборѣ). Означенные епископы должны пока довольствоваться принятіемъ въ общеніе своими церквами (*suarum interim ecclesiarum communionem contenti*) <sup>1)</sup>. Впрочемъ св. Левъ выражаетъ желаніе, чтобы онъ вмѣстѣ съ его легатами условился относительно принятія въ полное общеніе наиболѣе достойныхъ епископовъ. Само собой разумѣется, что эти епископы прежде всего должны проклясть то, что „они прежде содержали противнаго православной вѣрѣ“. Что касается Діоскора (Александрійскаго), св. Ювеналія (Іерусалимскаго) и Евстафія (Бейрутскаго) (всѣ они, какъ намъ извѣстно, были заправилами разбойничьяго собора), то „имена ихъ не должно произносить предъ святымъ алтаремъ“. Наконецъ св. Левъ поручаетъ вниманію св. Анатолія Юліана епископа Косскаго, Евсевія Дорилейскаго (проживавшаго тогда въ Римѣ) и клириковъ, оставшихся вѣрными памяти св. Флавіана и проситъ св. Анатолія опубликовать настоящее посланіе.

Съ послами св. Анатолія св. Левъ послалъ еще письма къ императору Маркіану (LXXVIII), св. Пульхеріи (LXXIX) и Юліану Косскому (LXXXI). Всѣ эти письма имѣютъ ту же дату что и предыдущее къ св. Анатолію (отъ 13 апрѣля 451 года).

Въ письмѣ къ Маркіану св. Левъ выражаетъ радость по поводу полученія его посланія и хвалитъ за усердіе его въ защищеніи святой вселенской истины отъ вражескихъ козней. Въ письмѣ къ Пульхеріи св. Левъ указываетъ на заслуги ея въ дѣлѣ искорененія ересей. Такъ, отъ нея, какъ служительницы и ученицы истины, не укрылась изукрашенная ложь болтуна (*loquacis hominis*)—Несторія; онъ нея не скрылось и то, что діаволъ замышлялъ противъ церкви чрезъ Евтихія. Затѣмъ св. Левъ благодаритъ св. Пульхерію отъ лица всей римской церкви за благодаренія оказанныя вѣрѣ: за милостивый пріемъ римскихъ легатовъ, за возвращеніе къ своимъ церквамъ тѣхъ епископовъ, которые несправедливо были осуждены на разбойничьемъ соборѣ и за перенесеніе въ Констан-

<sup>1)</sup> Это значитъ, что епископы эти не имѣли права входить въ сношеніе съ епископами другихъ епархій и участвовать на соборахъ. Они имѣли только права управлять своей епархіей (Migne LIV, 1396).

тинополь мощей св. Флавіана. Далѣе св. Левъ говоритъ о сообщеніи епископа Анатолія и своихъ легатовъ относительно епископовъ, подписавшихъ акты разбойничьяго собора и желающихъ вступить въ общеніе съ православными. Если они осудятъ свои прежнія заблужденія, то ихъ можно принять. Объ этомъ сообща разсудятъ его легаты и св. Анатолій. Въ заключеніи св. Левъ поручаетъ вниманію св. Пульхеріи Евсевія Дорилейскаго, Юліана Косскаго и Константинопольскихъ клириковъ, оставшихся вѣрными св. Флавіану.

Наконецъ въ письмѣ къ Юліану Косскому св. Левъ выражаетъ сочувствіе по поводу тѣхъ опасностей, которымъ подвергался Юліанъ на востокѣ за свое православіе. Св. Левъ выражаетъ желаніе видѣть его въ Римѣ и поговорить съ нимъ лично о коварствѣ еретиковъ. Впрочемъ, благодареніе Богу, дѣла для церкви устраиваются къ лучшему; это даетъ возможность Юліану опять дѣйствовать съ постояннымъ прилежаніемъ въ пользу православія. Далѣе св. Левъ говоритъ (тоже что св. Пульхерія и св. Анатолію) о епископахъ бывшихъ на разбойничьемъ соборѣ. Подробныя инструкціи къ этому дѣлу св. Левъ общается сообщить съ посольствомъ, которое онъ намѣренъ отправить вскорѣ послѣ Пасхи. Посольство это не было отправлено согласно предположенію св. Льва; оно отправилось только въ іюнѣ 451 года.

Св. Левъ такъ былъ обрадованъ поворотомъ дѣла на востокѣ въ пользу православія, что совершенно перемѣнилъ свои мысли относительно необходимости созванія вселенскаго собора. Онъ по горькому опыту звалъ, какія потрясенія часто производятъ вселенскіе соборы; какъ они волнуютъ разныя партіи, какъ все это не выгодно отражается на благосостояніи и даже (особенно въ тогдашнее время) на безопасности государства. Св. Льву казалось наиболѣе выгоднымъ для общей пользы государства и церкви рѣшить дѣло объ евтихіанствѣ безъ созванія вселенскаго собора чисто административными мѣрами. Къ этому не мало побуждало то обстоятельство, что многіе изъ участвовавшихъ на разбойничьемъ соборѣ привели полное раскаяніе. Св. Льву показалось поэтому, что мѣрами кротости, благоразумія и снисхожденія къ обращающимся и спра-

ведливой строгости къ упорнымъ въ своемъ заблужденіи можно уничтожить возникшее волненіе и безъ созванія вселенскаго собора. Въ этомъ смыслѣ св. Левъ писалъ Маркіану (Ер. LXXXII отъ 23 апрѣля 451 г.) въ отвѣтъ на его посланіе (не дошедшее до насъ), отправленное съ городскимъ префектомъ Таціаномъ. Выразивъ свою радость по поводу ревности императора къ вѣрѣ, которая была возмущаема разными невѣжественными и нечестивыми вопросами, св. Левъ продолжаетъ: „въ высшей степени несправедливо по неразумѣнію нѣкоторыхъ возбуждать войну разсужденій относительно того, не нечестиво-ли мыслилъ Евтихій, не развращенно-ли судилъ Діоскоръ, который рѣшился осудить святой памяти Флавіана и заставилъ впасть въ ту же пропасть нѣкоторыхъ простаковъ“. Въ доказательство своего мнѣнія св. Левъ ссылается на то, что многіе изъ епископовъ бывшихъ на разбойничьемъ соборѣ принесли полное покаяніе. При такомъ оборотѣ дѣла, по мнѣнію св. Льва, „нужно только принимать моленія кающихся, а не спорить о томъ, какой держаться вѣры“. Св. Левъ обѣщается подробнѣе сообщить о своемъ мнѣніи касательно созванія вселенскаго собора, чрезъ особое посольство.

Это новое посольство было отправлено по возвращеніи прежняго, отправленнаго еще къ Θεодосію II, но не заставшаго его въ живыхъ. Съ этимъ возвращающимся посольствомъ Маркіанъ отправилъ къ св. Льву, не дошедшее до насъ, посланіе (Ер. LXXXIII, 1). На основаніи отвѣтнаго посланія св. Льва (Ер. LXXXIII отъ 9 іюля 451 г.), отправленнаго съ новымъ посольствомъ, можно предположить, что въ немъ была рѣчь о созваніи вселенскаго собора. Св. Левъ выражаетъ въ этомъ своемъ письмѣ радость по поводу ревности императора къ вѣрѣ, выразившейся въ возвращеніи изъ ссылки православныхъ епископовъ, перенесеніи мощей Флавіана въ Константинополь и преслѣдованіи діавольскаго ученія—евтихіанства. Не желая допустить зараженія этой язвой и пренебрегать средствами къ ея излеченію, онъ посылаетъ легатовъ, чтобы они вмѣстѣ съ св. Анатоліемъ разсудили относительно средствъ къ обращенію и принятію обращающихся отъ ереси. „Что касается созванія собора“, продолжаетъ св. Левъ, „то мы требовали этого сами. Но въ настоящее время нужда никакъ не позволяетъ собрать-

ся епископамъ (sacerdotes) всѣхъ провинцій, такъ какъ епископамъ тѣхъ провинцій, изъ которыхъ главнымъ образомъ должно отправиться на соборъ, нельзя оставить своихъ церквей по причинѣ безпокойства военнаго времени. Поэтому пусть прикажетъ ваша милость отложить (созваніе собора) до болѣе удобнаго времени, когда, по милости Божіей, наступитъ долгое, прочное спокойствіе. Полнѣе объ этомъ могутъ сказать вашему благочестію тѣ, которыхъ я послалъ“.

Кромѣ посланія къ императору, св. Левъ отправилъ съ этимъ же посольствомъ еще письма: къ св. Пульхеріи (LXXXIV), св. Анатолію (LXXXV) и Юліану Косскому (LXXXVI). Всѣ эти письма, какъ первое къ Маркіану, имѣютъ дату 9 іюля 451 года.

Въ письмѣ къ св. Пульхеріи св. Левъ ничего не говоритъ о желаніи Маркіана созвать соборъ. Онъ просто только извѣщаетъ ее о своемъ посольствѣ съ цѣлію изыскать средство къ обращенію и принятію въ лоно церкви кающихся еретиковъ. Затѣмъ, послѣ краткаго изложенія двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, св. Левъ обращается къ св. Пульхеріи съ просьбою удалить куда нибудь изъ Константинополя Евтихія, этого виновника всякаго соблазна и нечестія. Онъ не долженъ пользоваться частыми утѣшеніями тѣхъ, которыхъ онъ увлекъ въ свое нечестіе. Въ монастырѣ Евтихія должно поставить православнаго настоятеля.

Въ письмѣ къ св. Анатолію св. Левъ выставляетъ ту же причину своего посольства, что въ письмахъ къ Маркіану и св. Пульхеріи,—изысканіе средствъ къ обращенію и принятію обращающихся отъ ереси. Средства эти должны быть проникнуты умѣренностію; въ нихъ должны соединиться свисхожденіе и справедливость. Правилами, выработанными вмѣстѣ съ легатами, должно пользоваться въ принятіи вообще всѣхъ обращающихся изъ евтихіанской ереси. Исключеніе изъ этого должны составлять только тѣ, которые занимали высшее мѣсто на несчастномъ (Ефесскомъ) соборѣ. Если они вздумаютъ присоединиться къ православію, то объ этомъ должно довести до свѣдѣнія апостольской каеэдры. Она все взвѣсивъ и обдумавъ, постановитъ объ ихъ дѣянїяхъ приговоръ. Въ настоящее же время

имена ихъ не нужно поминать при богослуженіи. Въ заключеніе св. Левъ побуждаетъ св. Анатолія къ борьбѣ съ ересью и проситъ сообщать ему о всемъ болѣе или менѣе важномъ.

Наконецъ въ письмѣ къ Юліану Косскому св. Левъ проситъ его помогать своими совѣтами легатамъ: и уничтожить остатки соблазновъ, существующихъ еще (въ восточной церкви).

Но прежде чѣмъ прибыло это посольство въ Константинополь, Маркіанъ уже обнародовалъ (17 мая 451 года) едиктъ, по которому вселенскій соборъ долженъ былъ собраться въ Никей къ 1 сентября. Императоръ обѣщалъ самъ присутствовать на соборѣ, если не помѣшаетъ война.

Получивъ приглашеніе на соборъ (Ер. СХІ), св. Левъ тотчасъ-же написалъ Маркіану почти одновременно два письма (LXXXIX отъ 24 іюня и ХС отъ 26 іюня), въ которыхъ весьма ясно проглядывало недовольство по поводу случившагося. „Мы вѣрили“, писалъ св. Левъ, „что Ваша милость можетъ уважить наше желаніе въ виду настоящей нужды и прикажетъ отсрочить соборъ епископовъ до болѣе благопріятнаго времени, когда будетъ возможность созвать епископовъ (sacerdotes) изъ всѣхъ провинцій и составить дѣйствительно вселенскій соборъ. Но такъ какъ вы, по любви къ вселенской вѣрѣ, пожелали, чтобы соборъ былъ въ настоящее время, то я, чтобы не показаться противникомъ Вашему благочестивому желанію, назначилъ вмѣсто себя Пасхазина, епископа наиболѣе спокойной (отъ враговъ) провинціи (Лиубей въ Сициліи), къ нему присоединяю еще пресвитера Бонифація, прежде посланныхъ: епископа Люценція, пресвитера Василія и Юліана, епископа (Косского). Предсѣдательствовать на соборѣ (synodo convenit praesidere) долженъ епископъ Пасхазинъ“. Во второмъ письмѣ (ХС) св. Левъ проситъ Маркіана не допускать разсужденій о вѣрѣ, какъ о чемъ-то сомнительномъ, требующемъ разсужденія. Нужно держаться Никейскаго Символа, удаляя всякія еретическія толкованія его.

24 іюня (одновременно съ LXXXIX письмомъ къ Маркіану) св. Левъ написалъ письмо (LXXXVIII) къ Пасхазину. Къ этому письму приложилъ свое „догматическое посланіе“ къ св. Флавіану (Ер. XXVIII), подтвержденное свидѣтельствами святыхъ от-

цовъ церкви. Послѣ краткаго указанія въ чемъ состоитъ заблужденіе Евтихія, св. Левъ говоритъ, что его посланіе къ св. Флавіану подписано Константинопольскою и Антиохійскою церквями. Далѣе св. Левъ поручаетъ Пасхазину заняться вопросомъ о времени празднованія Пасхи на 455 годъ, въ виду разногласія въ этомъ Римской и Александрійской церквей.

26 іюня помѣчены, кромѣ письма ХС къ Маркіану, письма къ св. Анатолю (ХСІ), Юліану Косскому (ХСІІ) и посланіе собору (ХСІІІ). Въ письмѣ къ св. Анатолю св. Левъ выражаетъ удивленіе (*mirati sumus*) по поводу созванія собора въ такое тяжелое и при томъ въ столь короткое время. Св. Левъ жалуется, что такого короткаго времени неостанетъ даже для своевременной разсылки приглашеній къ епископамъ явиться въ назначенное мѣсто и „составить по истинѣ вселенскій соборъ“. Но не желая казаться противникомъ желанію императора, уступая желанію самаго Анатоля, онъ посылаетъ съ своей стороны легатовъ, которые замѣнятъ его на соборѣ.

Въ письмѣ къ Юліану св. Левъ уполномочиваетъ его быть легатомъ вмѣстѣ съ Пасхазинимъ, Люценціемъ и другими. Св. Левъ проситъ его помогать легатамъ своимъ совѣтомъ и знаніемъ всего, что происходитъ на востокѣ. Въ посланіи къ собору св. Левъ проситъ собравшихся отцевъ „отложить дерзость спорить противъ вѣры, отъ Бога намъ внушенной. Не слѣдуетъ защищать того, чему не должно вѣровать. (Что касается того, чему должно вѣровать), то это ясно и полно изложено въ посланіи, которое было послано къ блаженной памяти Флавіану. (Отсюда каждый можетъ узнать), каково должно быть благочестивое и искреннее исповѣданіе, относительно таинства воплощенія Господа нашего Іисуса Христа“. Далѣе св. Левъ проситъ „приложить врачевство справедливости“ къ тѣмъ ранамъ, которыя причинилъ церкви разбойничій соборъ. Въ заключеніи настаиваетъ на томъ, чтобы „постановленія перваго Ефесскаго собора... положенныя собственно противъ Несторія, должны оставаться, дабы осужденное въ ту пору нечестіе не льстило себя надеждою въ чемъ-либо, потому что Евтихій поражается справедливымъ отлученіемъ“.

Св. Левъ имѣлъ возможность до собора еще написать императору письмо (XCIV отъ 20 іюля 451 года), въ которомъ извѣщалъ его объ отплытіи своихъ легатовъ и еще разъ увѣщевалъ его не поднимать на соборѣ споры о вѣрѣ. „Вселенская вѣра“, писалъ св. Левъ, „имѣющая краеугольнымъ камнемъ самого Господа Христа, долженствующая пребыть до скончанія вѣка, не должна казаться не твердой или сомнительной по милости пустаго и обманчиваго лукавства“.

Одну и ту же дату съ письмомъ къ Маркіану имѣетъ и письмо къ Пульхеріи XCV отъ 20 іюля 451 года. Въ этомъ письмѣ св. Левъ увѣдомляетъ ее объ отбытіи своихъ легатовъ на предназначенный въ Никеѣ соборъ; проситъ ее, чтобы на будущемъ соборѣ была полная справедливость и безпристрастіе, чего не было на соборѣ Ефесскомъ, гдѣ былъ „не судъ, а скорѣе разбой“ (non iudicio, sed latrocinio)<sup>1)</sup>. Св. Левъ убѣждаетъ ее не отказывать въ снисхожденіи къ обращающимся отъ ереси, если таковыми будутъ даже „виновники жесточайшихъ возмущеній“.

*И. Дроздовъ.*

(Продолженіе будетъ).

<sup>1)</sup> Лавгенъ (стр. 49) думаетъ, что эта фраза св. Льва, давшая названіе собору 449 года, была взята у Цицерона pro Rosc. Amor. с. 22 confitere huc ea spe venisse, quod putares hic latrocinium, non iudicium futurum.

---

## Православная догматика и религиозно-философское умозрѣніе.

---

Существуетъ, какъ извѣстно, кругъ вопросовъ, общихъ богословію и философіи. Они захватываютъ собою нѣкоторыя основныя истины христіанства и, слѣдовательно, должны бы принадлежать богословской наукѣ, но, по самому своему характеру, по своему отношенію къ истинамъ специфически богословскимъ и по приѣмамъ своего рѣшенія, скорѣе могутъ быть названы вопросами философскими. Существованіе такихъ-то вопросовъ и создаетъ новый вопросъ—объ отношеніи между богословіемъ и философіей. Установка этого отношенія по началу своему восходитъ къ очень глубокой древности. Уже писатели церковныя II вѣка занимались этимъ предметомъ и высказывали на него совершенно опредѣленные, подробно раскрытые и обоснованные взгляды. Съ тѣхъ поръ онъ уже никогда не переставалъ занимать богословствующіе умы. Вся патристическая литература, средневѣковая схоластика, богословіе и философія новаго времени многократно снова и снова обсуждали его,—и теперь, если бы мы задумали собрать весь относящійся сюда литературный матеріалъ, это могло бы составить довольно большую бібліотеку. Взгляды, съ которыми мы встрѣчаемся въ этой обширной литературѣ вопроса, поражаютъ своимъ разнообразіемъ. Современному богослову, который пожелалъ бы критически разобратъ въ нихъ и выработать собственное положительное рѣшеніе, предстоитъ многосложная и трудная работа, которая потребовала-бы много времени и могла бы быть

выполнена только въ обширномъ спеціальномъ изслѣдованіи. Наша настоящая статья могла-бы быть лишь однимъ небольшимъ параграфомъ этого изслѣдованія. Она имѣетъ своей задачей—опредѣлить, *какое положеніе занимаетъ современное православное богословіе въ рѣшеніе вопроса о взаимоотношеніяхъ богословія и философіи*, какъ оно смотритъ на религіозно-философское умозрѣніе.

Выяснить это—важно по многимъ причинамъ, изъ которыхъ мы укажемъ только двѣ, кажушіяся намъ наиболѣе вѣскими.

Во первыхъ, въ современномъ русскомъ образованномъ обществѣ,—разумѣемъ здѣсь лицъ какъ богословскаго, такъ и свѣтскаго образованія,—несомнѣнно существуетъ живой интересъ не только вообще къ философіи, но и въ частности къ религіозно-философскому умозрѣнію. Сознаніе этого интереса между прочимъ и вызвало къ бытію тотъ журналъ, на страницахъ котораго мы высказываемъ этотъ свой тезисъ. Книжки другихъ богословскихъ журналовъ все чаще и чаще помѣщаютъ статьи философскаго характера. Свѣтскіе журналы за послѣднее время также нерѣдко стали помѣщать философскія статьи, имѣющія богословскій интересъ. Появленіе отдѣльныхъ книгъ философскаго характера по вопросамъ или прямо богословскимъ, или соприкосновеннымъ съ богословіемъ за послѣднее время стало явленіемъ далеко не рѣдкимъ. Среди авторовъ этихъ работъ мы встрѣчаемъ имена какъ лицъ богословскаго, академическаго образованія, такъ и дѣятелей свѣтской, университетской науки. Предложеніе есть мѣрило спроса. И дѣйствительно, въ примѣненіи къ данному случаю это не разъ было указано какъ духовной, такъ и свѣтской печатью. Если же справедливо, что православіе, соотвѣтственно историческому развитію русскаго народа, должно быть основнымъ принципомъ, установившимъ его міровоззрѣніе, то совершенно естественно задать себѣ вопросъ: какъ слѣдуетъ смотрѣть на это пробудившееся философское движеніе съ точки зрѣнія интересовъ православія?—Отвѣтить на это и пытается до нѣкоторой степени наша настоящая статья.

Безспорно, что въ общемъ вопросъ этотъ уже давно рѣшенъ

практически—самымъ фактомъ существованія и развитія религиозно-философскаго умозрѣнія въ нѣдрахъ самаго православно-богословскаго образованія. Извѣстно, что первыми піонерами философіи въ Россіи были питомцы нашихъ духовныхъ школъ. И доселѣ духовная школа преподаванію философскихъ наукъ отводитъ очень много мѣста и даетъ значительный контингентъ философскихъ писателей. Значить, философія признается весьма существеннымъ подспорьемъ богословію. Но, само собою понятно, этимъ еще далеко не рѣшается вопросъ о сущности ихъ взаимныхъ отношеній. Дѣло вѣдь не въ томъ, что отношеніе существуетъ, что оно признается очень близкимъ и необходимымъ; важно знать, въ чемъ оно состоитъ, каковы обоюдныя права и обязанности соотносящихся сторонъ. Правда, и собственно этотъ вопросъ много разъ былъ затрогиваемъ и такъ или иначе рѣшаемъ самими авторами богословско-философскихъ сочиненій вообще и многочисленныхъ спеціальныхъ изслѣдованій о вѣрѣ и знаніи. И мы, принимая, съ своей стороны, разсмотрѣніе этого вопроса, отнюдь не думаемъ отрицать или умалять значеніе этихъ рѣшеній;—напротивъ, всѣ они, по нашему мнѣнію, весьма важны для окончательной установки взаимныхъ отношеній между богословіемъ и философіей. Мы хотимъ только ихъ пополнить, попытавшись освѣтить предметъ съ такой стороны, съ какой на него еще не пробовали смотрѣть. Всякій согласится, что не менѣе, чѣмъ попытки философовъ разъяснить положеніе, занимаемое ею относительно богословія, важно выяснить и то,—какъ само православное богословіе, не заинтересованное въ томъ, чтобы сверхъ мѣры расширять на свой счетъ права философствующаго разума, смотритъ на такіе опыты умозрительнаго изслѣдованія богословскихъ вопросовъ? А этого-то доселѣ и небыло никѣмъ сдѣлано.

Во вторыхъ, не разъ было высказываемо и въ нашей, и въ заграничной печати справедливое утвержденіе, что католическое богословіе насквозь проникнуто тенденціями аристотелевской философіи; что въ религиозно-философскомъ умозрѣніи католики почти не идутъ дальше Тома Аквината, этого талант-

ливѣйшаго объединителя римско-католическаго христіанства съ философіей Аристотеля. Не разъ отмѣчалось и то, что разсужденія ученыхъ католической школы даже по самымъ нейтральнымъ философскимъ вопросамъ носятъ на себѣ весьма замѣтный конфессіональный отпечатокъ. Уже это одно наблюденіе невольно наводило на мысль,—не должно-ли и православіе наложить какой-либо своеобразный колоритъ на развивающуюся въ нѣдрахъ его философію? Не можетъ-ли и православіе среди философскихъ ученій указать какую-либо сродную ему систему? И дѣйствительно, еще со времени первыхъ славянофиловъ начинаютъ высказываться мѣчты о національной русской философіи, одухотворяемой православіемъ. И доселѣ эти желанія время отъ времени повторяются съ большей или меньшей настойчивостью. Понятно отсюда, что только долгомъ научной справедливости будетъ не оставлять безъ вниманія этихъ нашихъ національныхъ стремленій. Вполнѣ заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія вопросъ: не таитъ-ли въ себѣ и православное богословіе,—поскольку характеръ его доселѣ успѣлъ опредѣлиться въ лицѣ его лучшихъ и авторитетнѣйшихъ представителей,—какихъ-либо такихъ философскихъ тенденцій, которыми заранѣе предрѣшались бы характеръ и направленіе религиозно-философскаго умозрѣнія, желающаго не нарушать интересовъ православія? Надо и здѣсь сказать, что попытки выяснитъ эти скрытыя философскія требованія православія тоже дѣлались не разъ, но опять—таки не со стороны богословія а со стороны авторовъ, проектировавшихъ національную русскую философію.

Изъ суммы умозрительныхъ истинъ христіанскаго міровозрѣнія мы въ настоящей статьѣ беремъ только такія, которыя безспорно въ одинаковой мѣрѣ принадлежатъ и богословію и философіи,—именно, истины такъ называемаго умозрительнаго богословія, или естественнаго богопознанія,—и попытаемся опредѣлить, какъ православное богословіе смотритъ на ихъ философское раскрытіе и обоснованіе, *сколько православная догма оставляетъ здѣсь мѣста философскому умозрѣнію.*

Съ этою цѣлію мы прежде всего разсмотримъ ученіе объ этомъ

предметъ четырехъ самыхъ выдающихся и авторитетныхъ нашихъ догматистовъ истекающаго столѣтія,—преосвященныхъ *Антонія*, *Макарія*, *Филарета* Черниговскаго и *Сильвестра*, а затѣмъ обратился къ православному Катихизису митроп. *Филарета* Московскаго,—этому авторитетнѣйшему источнику первоначальныхъ и общеобязательныхъ для православныхъ христіанъ догматическихъ познаній и безспорному мѣрилу православія для всякаго русскаго богослова.

а) Преосв. *Антоній* въ своемъ „Введеніи въ курсъ богословскихъ наукъ“, устанавливая „понятіе о богословіи по способу познаванія“ (§ 4), говоритъ: „Основаніе союза Бога съ человекомъ или религіи положено въ глубинѣ существа человѣческаго самимъ Богомъ при самомъ сотвореніи человѣка—въ образѣ Божіемъ, который Богъ даровалъ человеку, сообщивъ въ немъ первое о Себѣ откровеніе, въ силахъ разума и совѣсти, способныхъ воспринять и хранить даруемое Богомъ откровеніе. То, что можетъ быть опредѣлено касательно религіи, или богопознанія и богопочтенія, собственными силами разума человѣческаго, на основаніи остатковъ сего первобытнаго откровенія, называется *религіей* или *богопознаніемъ естественнымъ* и составляетъ предметъ умственнаго или философскаго богословія“<sup>1)</sup>. Кроме этого источника богопознанія, авторъ затѣмъ указываетъ другой, важнѣйшій,—божественное сверхъестественное откровеніе<sup>2)</sup>. Такимъ образомъ, какъ видимъ, онъ прямо признаетъ, что вполне возможно „то, что можетъ быть опредѣлено касательно религіи собственными силами разума человѣческаго“,—вполне возможно „философское богословіе“. Далѣе, рассуждая (§ 17) о „значеніи разума въ наукѣ христіанскаго богословія“, онъ хотя и утверждаетъ, что „разумъ не можетъ быть ни источнымъ началомъ богословскихъ познаній,—такъ чтобы изъ него одного выводить и на немъ одномъ утверждать какія-либо богословскія истины,—ни руководитель-

1) Преосв. *Антоній*. Догматическое богословіе православной кавказской восточной церкви. Съ присовокупленіемъ общаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ. Сиб. 1862. Изд. 8. Стр. 3.

2) Ibid.

нымъ началомъ, тѣмъ менѣе верховнымъ судіею богословскихъ истинъ,—почерпаемыхъ изъ Откровенія,—такъ чтобы подводить или приспособлять оныя къ его началамъ“<sup>1)</sup>; однако самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, что „дѣятельность разума въ богословіи весьма умѣстна и для божественнаго откровенія, при надлежащемъ употребленіи, не только не опасна, но и полезна и самимъ Откровеніемъ допускается. *Не опасна*, по елику единъ есть Виновникъ и разума и Откровенія, и слѣдовательно между ними нѣтъ и не можетъ быть дѣйствительно противорѣчія. *Полезна*, поелику безъ участія его легко могутъ примѣшиваться къ вѣрѣ заблужденія, предразсудки, суевѣрія, или самая правая вѣра будетъ легкомысленна и зыбка, тогда какъ при надлежащемъ участіи разума можетъ быть свободна отъ сихъ недостатковъ“<sup>2)</sup>. Опредѣляя затѣмъ „мѣру и правило участія разума въ богословіи“, преосв. авторъ въ числѣ задачъ разума указываетъ здѣсь— „способствовать *огражденію* христіанской религіи отъ невѣрія и неправовѣрія“<sup>3)</sup>. Но здѣсь-же, въ этомъ указаніи „мѣры и правила для разума“, авторъ однако прямо и рѣшительно заявляетъ, что „разумъ долженъ быть *плъненъ въ послушаніе вѣры*, т. е., онъ долженъ быть въ богословіи только *служебнымъ орудіемъ* науки“<sup>4)</sup>. А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „въ преподаваніи богословія должно избѣгать неумѣреннаго *философскаго духа*, т. е., склопности дѣлать философскіе взгляды на богословскія истины, поставляя ихъ въ рядъ съ какими-нибудь умствованіями древнихъ и новѣйшихъ философовъ, и такимъ образомъ производя въ учащихъ не живую и дѣятельную вѣру въ богословскія истины, а духъ пытливости и только философское убѣжденіе“<sup>5)</sup>.

1) Ibid. Стр. 13.

2) Ibid. А что эта дѣятельность *допускается Откровеніемъ*, авторъ доказываетъ ссылками на Іоан. 5, 39; Лук. 24, 45; 1 Сол. 5, 21; Филлп. I, 9—10; I Іоан. 4, 1; 1 Тим. 6, 20—21; 2 Кор. 10, 5; Кол. 2, 8.

3) Ibid., стр. 14.

4) Ibid.

5) Ibid., стр. 21.

Что касается состава богопознанія, то преосв. Антоній, надо замѣтить, включаетъ сюда и убѣжденіе въ бытіи Божіемъ, чего, какъ увидимъ, не дѣлаетъ преосв. Макарій. Онъ прямо заявляетъ (§ 10): „первая и основная истина всѣхъ истинъ и всякаго вѣдѣнія есть та, что *есть* Богъ—высочайшее, безконечное и совершеннѣйшее Существо, которымъ мы живемъ, движемся и существуемъ“<sup>1)</sup>;—такимъ образомъ, истина *бытія Божія* является первою въ составѣ богопознанія. Вторую догматическою истиною онъ называетъ „непостижимость Существа Божія“ (§ 11): „Первое познаніе о Богѣ послѣ бытія Его, есть то, что Онъ непостижимъ“<sup>2)</sup>. Способовъ богопознанія авторъ различаетъ два: *естественный и откровенный* (§ 13)<sup>3)</sup>. Основаніе естественнаго способа „заключается, съ одной стороны, во внутренней природѣ человѣка—въ образѣ и подобіи Божіемъ, которыми украшена душа его и по которымъ разумъ его въ самомъ существѣ своемъ имѣетъ стремленіе къ высочайшей истинѣ—Богу, съ другой стороны, во внѣшней природѣ, окружающей человѣка, въ которой, какъ въ великой нѣкоей книгѣ, явственными и живыми письменами проповѣдуются повсюду безконечныя совершенства ея Творца и промыслителя—Бога. О семъ способѣ богопознанія чрезъ внутреннюю и внѣшнюю природу, каковой былъ доступенъ человеку и независимо отъ Откровенія<sup>4)</sup>, и которымъ, дѣйствительно многіе языческіе мудрецы приобрѣли нѣкоторыя познанія о Богѣ, согласныя съ истиною, ясно говоритъ апостоль Павелъ“<sup>5)</sup>....—„Руководясь естественнымъ способомъ богопознанія, разумъ нашъ восходитъ къ оному, какъ обыкновенно говорятъ, тремя путями: 1) *путемъ причинности* (*via causalitatis*), когда совершенства, примѣчаемыя въ тваряхъ, приписываетъ Творцу (напр. псал. 93, 9); 2) *путемъ отрицанія* (*via negationis*), когда несовершенства, свойствен-

1) Ibid., стр. 40.

2) Ibid., стр. 41.

3) Ibid., стр. 42.

4) Курсивъ нашъ.

5) Ibid., стр. 42. Изъ апостола Павла здѣсь приводятся изреченіе—Рим. I, 19—20.

ныя тварямъ, отрицаетъ отъ Творца (напр. Числ. 23, 19); 3) *путемъ превосходства* (via eminentiae), когда совершенства, приписываемыя Богу, возвышаетъ въ безконечную степень“<sup>1)</sup>.

Такъ смотритъ на естественное богопознаніе преосв. Антопій. Относительно предмета и состава естественнаго богопознанія или философскаго богословія мы уже имѣли возможность замѣтить, что преосв. Антопій включаетъ сюда ученіе о *бытіи* Божіемъ. Затѣмъ ясно можно видѣть, что онъ считаетъ доступнымъ для естественнаго познанія и ученіе о *свойствахъ* Божіихъ. Включаетъ-ли авторъ сюда вопросъ объ отношеніи Бога къ міру,—ясно не видно. Посмотримъ теперь, какія методическія указанія даетъ намъ другой нашъ знаменитый догматистъ, преосв. Макарій.

в) Въ „православно-догматическомъ богословіи“ преосв. *Макарія*, въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Степень нашего познанія о Богѣ, по ученію православной церкви“ (§ 9), читаемъ: „Все свое ученіе о Богѣ въ символѣ вѣры православная церковь начинаетъ словомъ: *вѣрую...*, а первый догматъ, какой она хочетъ внушить намъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Богъ непостижимъ для чловѣческаго разума; люди могутъ познавать его лишь отчасти,—столько, сколько Онъ самъ благоволилъ открыть Себя для ихъ вѣры и благочестія“<sup>2)</sup>. Выставивъ этотъ общій тезисъ, преосв. Макарій доказываетъ каждую изъ его составныхъ частей текстами св. писанія: въ доказательство непостижимости Существа Божія приводятся изреченія—1 *Тим.* 6, 16 и параллельныя ему *Исх.* 33, 18—20, *Іов.* 11, 7—9, *Прем.* 9, 13, *Сир.* 43, 33—34, *Рим.* 11, 33—34 и паралл. *Іаон.* 4, 12, *Іоан.* 1, 18, *Сир.* 18, 3—4, *1 Кор.* 2, 11 и *Матѳ.* 11, 27; что же касается самооткровенія Божества, то, по мысли автора, мы его имѣемъ, во первыхъ, въ природѣ,—твореніи Божіемъ,—и, во вторыхъ, въ Библии,—словѣ Божіемъ; самооткровеніе Божества въ природѣ засвидѣтельствовано словами ап. Павла *въ Рим.* 1, 20 и па-

<sup>1)</sup> Ibid., стр. 43, примѣч.

<sup>2)</sup> Преосв. *Макарій*. Православно-догматическое богословіе, изд. 1856 г., т. I, стр. 47.

ралл. изреченіями Псал. 18, 2—5, Прем. 13, 1—5, а что сама Библия смотритъ на себя, какъ на сверхъестественное божественное откровеніе, это подтверждають тексты—*Евр. 1, 1—2* и паралл. Прем. 9, 16, *I Иоан. 5, 20, Иоан. 14, 16—18* и паралл. *I Кор. 2, 10, Иоан. 1, 18*<sup>1)</sup>. Что же касается общаго взгляда на богопознаніе, который одновременно отмѣчалъ бы здѣсь обѣ указанныя стороны, — и непостижимость и не познаваемость Божества, — давалъ бы, такъ сказать, общую формулу православно-христіанскаго ученія обѣ этомъ предметѣ, то преосв. Макарій наилучшее выраженіе такого взгляда находитъ въ словахъ *I Кор. 13, 12* и *2 Кор. 5, 7*. „Хотя, говоритъ онъ, Сынъ Божій, *сынъ во лонѣ Отчи, и исповѣдалъ* намъ Бога, *его же никтоже видѣ ни до нѣ* (Иоан. I, 18), но и нынѣ мы видимъ невидимаго только *якоже зеркаломъ въ гаданіи*, и нынѣ мы разумѣемъ непостижимаго только *отчасти* (*I Кор. 13, 12*), и нынѣ мы *вѣрою ходимъ, а не видѣниемъ* (*2 Кор. 5, 7*). Въ приведенныхъ словахъ св. Апостола рѣшается одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ не только богословія, но и философіи: вопросъ о томъ, возможны ли и въ какой степени возможны для насъ метафизическія познанія, главнѣйшимъ предметомъ которыхъ служитъ Богъ? Апостоль говоритъ прямо, что такія познанія для насъ возможны, но замѣчаетъ: 1) что мы видимъ Бога нынѣ только *какъ въ зеркалѣ* (*ὡς ἐν ἑσώπτρῳ*), и слѣдовательно видимъ не непосредственно и лицомъ къ лицу, какъ видимъ предметы міра физическаго, а видимъ только одинъ образъ Божій, отражающійся для насъ въ зеркалѣ міра и откровенія. Этого мало: и при пособіи зеркала можно еще достаточно познавать предметы, если ихъ образы будутъ отражаться въ немъ ясно и раздѣльно, — но Апостоль присовокупляетъ, — 2) что образъ Божій, напротивъ, представляется намъ въ зеркалѣ примрачно, подъ покровомъ, въ видѣ *загадки* (*ἐν ἀμίγρῳ*); а загадку нужно еще рѣшить, и рѣшеніе загадки всегда болѣе или менѣе трудно и можетъ приводить только къ догадкамъ и болѣе или менѣе счастливымъ предположеніямъ. Посему и заключаетъ Апостоль, — 3) что мы познаемъ Бога нынѣ только *отчасти*,

<sup>1)</sup> Ibid., стр. 47—48.

т. е., не всего Бога познаемъ, и то, что познаемъ въ Немъ, познаемъ несовершенно, и—4) что, слѣдовательно, характеръ нашего метафизическаго познанія есть вѣра: вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ. Естественно припомнить здѣсь слова самаго Бога къ Моисею, желавшему видѣть лице Его: *узриши задняя моя, лице же мое не явится тебѣ* (Исх. 33, 23)<sup>1)</sup>.

Всѣ приведенные выше пункты своего воззрѣнія преосв. Макарій подтверждаетъ также и ссылками на св. отцовъ и учителей церкви,—Ириней, Григорія Нисскаго, Григорія Богослова, Василия Великаго, Іоанна Златоустаго и др. Въ этомъ святоотеческомъ ученіи, какъ самую существенную его мысль, онъ указываетъ то воззрѣніе, что „не постигая Бога въ существѣ, мы тѣмъ не менѣе можемъ познавать Его въ Его дѣлахъ,—въ твореніи и промыслѣніи, въ природѣ видимой и нашей совѣсти, а особенно въ Его сверхъестественномъ откровеніи“<sup>2)</sup>. Здѣсь же, приводя святоотеческія цитаты, онъ указываетъ и пути, которыми, по мысли св. отцовъ,—мы отъ вещей сотворенныхъ доходимъ до познанія Бога. Эти пути обозначилъ, по словамъ преосв. Макарія, св. Діонисій Ареопагитъ: „*ἐν τῇ πάντων ἀφαιρέσει καὶ ὑπεροχῇ καὶ ἐν τῇ πάντων αἰτίᾳ*“, „т. е.,—поясняетъ онъ,—если выразимся словами схоластикова: *путь отрицанія*—*via negationis*, когда мы всѣ несовершенства, замѣчаемыя въ тваряхъ, устраняемъ отъ Бога; *путь причинности*—*via causalitatis*, когда совершенства тварей приписываемъ Богу, какъ причинѣ, и *путь превосходства*—*via eminentiae*, когда эти совершенства приписываемъ ему въ высшей степени“<sup>3)</sup>.

Къ силамъ разума человѣческаго въ дѣлѣ богопознанія преосв. Макарій вообще относится недовѣрчиво. Онъ говоритъ, что богословіе только „*можетъ*“<sup>4)</sup> допустить соображенія здраваго разума“ касательно того или иного догмата<sup>5)</sup>, и вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: „правда, всѣ такого рода соображенія естественнаго смысла человѣческаго, въ поясненіе-ли или въ

1) Ibid., стр. 48—49, примѣч. 153.

2) Ibid., стр. 32.

3) Ibid.

4) Курсивъ подлинка.

5) Ibid., § 5, стр. 19.

подкрѣпленіе и защищеніе догматовъ, *не могутъ имѣть большой цѣны въ области христіанскаго богословія* <sup>1)</sup>, *положительнаго, сверхъестественнаго*; но они могутъ весьма облегчать уразумѣніе догматовъ христіанскихъ вѣрующимъ, приближая къ ихъ понятіямъ возвышенныя истины Откровенія, и въ иныхъ случаяхъ по крайней мѣрѣ *неизлишни* (при раскрытіи догматовъ непостижимыхъ), въ другихъ—*полезны* (при раскрытіи догматовъ постижимыхъ),—въ третьихъ даже *необходимы* (при рѣшеніи возраженій)“ <sup>2)</sup>. Такое невысокое мнѣніе о правахъ разума тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно высказывается и въ отношеніи догматовъ постижимыхъ (хотя и съ меньшею рѣшительностью). Большая часть изъ *θεολογία ἀπλή* (естественнаго богословія) могла бы быть предметомъ естественнаго познанія, чего однако преосв. Макарій, повидимому, не допускаетъ.—Отношеніе разума къ вѣрѣ, по мысли его, есть отношеніе полнаго подчиненія <sup>3)</sup>.

Что касается состава естественнаго богопознанія, то преосв. Макарій нигдѣ не задается вопросомъ объ этомъ предметѣ. Изъ утвержденія его, что Богъ непостижимъ въ своемъ существѣ, но познаваемъ въ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, можно ясно видѣть, что въ этотъ составъ входитъ ученіе о свойствахъ Божіихъ и промыслительномъ отношеніи Бога къ міру. Но входитъ ли сюда и убѣжденіе въ бытіи Божіемъ, этого ясно не видно <sup>4)</sup>.

с) Преосв. *Филаретъ* Черниговскій, въ своей *Догматикѣ*, говоря о различіи догматовъ по отношенію къ познанію нашему (§ 3), прямо утверждаетъ, что „въ составѣ откровенія, между членами вѣры, нѣкоторыя созерцательныя истины-такого рода, что онѣ явлены были разуму и прежде положитель-

<sup>1)</sup> Курсивъ здѣсь и ниже нашъ.

<sup>2)</sup> Ibid.

<sup>3)</sup> Ibid., стр. 21. Замѣчательно, что даже для „Введенія въ православное Богословіе“,—этой по преимуществу философской части богословія, преосв. Макарій „соображенія здраваго разума“ считаетъ только „необходимымъ пособіемъ“ (Op. cit. стр. 12).

<sup>4)</sup> Это можно пожалуй только выводить изъ нѣкоторыхъ *отдѣльныхъ* его возраженій (наприм. на стр. 52), да изъ того обстоятельства, что въ своемъ „Введеніи въ православное Богословіе“ онъ даетъ доказательства бытія Божія (Изв. 1847 г., стр. 24—32).

наго откровенія“<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, „въ откровеніи различаются созерцательныя истины двоякаго рода,— истины естественныя или *убѣжденія разума* и догматы собственно откровенныя или *тайны вѣры*. Первыя называются еще *смѣшанными догматами*, такъ какъ заимствуются изъ слова Божія и разума, послѣднія *чистыми*, какъ принадлежащія одному откровенію“<sup>2)</sup>. Разсуждая же о „методѣ изложенія догматики по отношенію къ ученію разума“ (§ 9), онъ говоритъ: „такъ какъ въ составѣ созерцательныхъ истинъ находятся истины, которыя открыты Богомъ естественному разуму прежде положительнаго откровенія; находятся и такія, которыя извѣстны только изъ откровенія: то догматическое богословіе поступало бы не по духу откровенія, если бы не показывало разуму, что истины перваго рода извѣстны разуму по собственнымъ его законамъ. Поелику же неразуміе бываетъ такъ слѣпо и дерзко, что неразумныя мысли свои ставитъ на мѣсто отзвонъ разума и откровенія, то догматическое богословіе поступало бы вопреки долгу къ откровенію и истинѣ, если бы не призывало разума на помощь для отраженій нападеній неразумія“<sup>3)</sup>. Но,—прибавляетъ авторъ,—это „изложеніе естественныхъ истинъ откровенія должно быть таково, чтобы къ доказательствамъ разума присовокуплять наставленія откровенія, въ видѣ пособія разуму,—въ какомъ видѣ предложены сѣмъ наставленія въ св. Писаніи“<sup>4)</sup>.

На вопросъ: „сколько мы можемъ знать о Богѣ?“ (§ 13)— преосв. Филаретъ отвѣчаетъ приблизительно такъ же, какъ и преосв. Макарій. Изъ словъ Исх. 33, 18. 23 онъ дѣлаетъ два вывода: а) „пока человѣкъ находится въ земной жизни, онъ не въ состояніи зрѣть чистое божественное существо; б) пока онъ находится въ предѣлахъ конечнаго земнаго бытія, Богъ является ему только въ предѣлахъ того же бытія, и человѣкъ

1) Преосв. *Филаретъ* Черниг., Православное Догматическое Богословіе. Изд. 3. 1832 г. ч. I, стр. 5. Эту свою мысль авторъ подтверждаетъ обычными ссылками на „τὸ ὑψιστὸν τοῦ θεοῦ φανερόν ἐστιν ἐν αὐτοῖς“ (Рим. 1, 19—20) и на Дѣян. 17, 28.

2) *Ibid.*, стр. 6.

3) *Ibid.*, стр. 15—16.

4) *Ibid.*, стр. 16.

можетъ видѣть только задняя Божія—только отраженіе славы Божіей“<sup>1)</sup>. Слова же 1 Кор. 13, 9. 10. 12, въ приложеніи къ богопознанію, онъ толкуетъ слѣдующимъ образомъ: а) „міръ и откровеніе, какъ зеркало, отражаютъ въ себѣ образъ Божій —и по этому отразившемуся изображенію мы познаемъ Бога; слѣдовательно, мы видимъ Бога не непосредственно, не такъ, какъ предметы міра физическаго, а видимъ только одно отраженіе Божества; б) образъ Божій представляется намъ въ видѣ загадки, такъ что намъ нужно дѣлать соображенія, чтобы составить возможно—ясное понятіе о свойствахъ являющагося намъ высокаго предмета; в) мы познаемъ нынѣ Бога только отчасти, а не всего и не совершенно, познаемъ одну сторону Божества, отразившуюся въ зеркалѣ, прибавляя къ тому нѣкоторыя заключенія о прочемъ. Такимъ образомъ, познаніе наше о Богѣ есть собственно вѣра, а не видѣніе“<sup>2)</sup>. Въ отличіе отъ преосв. Макарія, истина бытія Божія у преосв. Филарета включена въ составъ богопознанія<sup>3)</sup>. Изъ раскрытія ученія о свойствахъ Божіихъ видно, что и этотъ предметъ можетъ быть достояніемъ естественнаго познанія<sup>4)</sup>. То же надо сказать и касательно ученія о единствѣ существа Божія<sup>5)</sup>, о Богѣ, какъ творцѣ міра<sup>6)</sup> и промыслителѣ<sup>7)</sup>.

Чтобы полнѣе выяснитъ взглядъ преосв. Филарета на естественное богопознаніе, мы должны отмѣтить еще его сужденія объ образованіи *понятія* о Богѣ. Разсмотрѣвъ „Изображеніе Бога въ ветхомъ завѣтѣ“ (§ 14) и „Наставленія о Богѣ съ пришествіемъ Сына Божія на землю“ (§ 15) и сдѣлавъ отсюда выводъ,—что „по наставленію откровенія, Богъ есть Духъ самосущій, творецъ и правитель міра, съ совершенствами самыми высшими и полными“<sup>8)</sup>, онъ продолжаетъ (§ 16): „къ такому понятію о Богѣ разумъ ничего не можетъ прибавить и не имѣ-

1) Ibid., стр. 22.

2) Ibid., стр. 23.

3) Ibid., стр. 30—36.

4) Ibid., стр. 39. 41. 44—45. 47. 51. 54. 57—58. 61.

5) Ibid., стр. 64—66.

6) Ibid., стр. 119—122.

7) Ibid., стр. 141—142.

8) Ibid., стр. 28.

еть причинъ исключить что нибудь изъ него. Понятіе о Богѣ, какъ о Верховномъ Творцѣ и Правителѣ міра есть самое простое и общедоступное понятіе о Немъ. Оно же и самое необходимое, такъ какъ заключаетъ въ себѣ рѣшеніе на всѣ вопросы разума о бытіи вещей, и оно же начало всякаго познанія... *И для вѣры, и для разума основаніе всего—идея, данная откровеніемъ* <sup>1)</sup>. Здѣсь и согласіе разума съ вѣрою и единственный для разума путь къ вѣрному знанію. Для вѣры переданная откровеніемъ идея—объясняется—становится все болѣе и болѣе живою въ исторію; для разума объясняется она опытомъ и размышленіемъ разсудка... Тотъ, кто выше всего въ бытіи, не можетъ не быть выше всего для познанія; все прочее можетъ быть только слѣдствіемъ Его—какъ высшаго начала, Его даромъ: такъ и въ бытіи и познаніи. Отселѣ ни тогда, когда на основаніи одного опыта или воображенія, ни тогда, когда однимъ разсудкомъ составляли понятіе о Богѣ, не было и не могло быть вѣрнаго, чистаго понятія о Богѣ“ <sup>2)</sup>. Далѣе преосв. авторъ утверждаетъ, что первый способъ приводитъ къ матеріализму, а второй къ пантеизму <sup>3)</sup> и въ заключеніе говоритъ: „Ничего нѣтъ и не можетъ быть вѣрнѣе того, что говоритъ Самъ Богъ о Себѣ самомъ: понятіе о Богѣ, сообщаемое откровеніемъ, есть самое вѣрное и самое удовлетворительное для разума“ <sup>4)</sup>. Авторъ, какъ видимъ, считаетъ для разума необходимымъ, составляя понятіе о Богѣ, принимать за руководство библейское понятіе о немъ.

d) Преосв. *Сильвестръ* систематическому изложенію своего курса предпосылаетъ обширное раскрытіе „предварительныхъ или основныхъ догматическихъ истинъ, вводящихъ собою въ область вѣроученія христіанскаго“ <sup>5)</sup>. По содержанію своему этотъ отдѣлъ распадается на три части, трактующія,—во-первыхъ, объ истинѣ бытія Божія <sup>6)</sup>, во-вторыхъ, о познава-

<sup>1)</sup> Курсивъ нашъ.

<sup>2)</sup> Ibid., стр. 28—29.

<sup>3)</sup> Ibid., стр. 29.

<sup>4)</sup> Ibid.

<sup>5)</sup> Преосв. *Сильвестръ*. Опытъ православнаго догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ). т. I. Кіевъ. 1878. г. Стр. 167—304.

<sup>6)</sup> Ibid. 167—237.

емости Бога при непостижимости Его существа <sup>1)</sup> и въ третьихъ, о способахъ богопознанія и ихъ значеніи <sup>2)</sup>. Для насъ въ настоящемъ случаѣ особенно важна послѣдняя изъ этихъ частей, какъ въ значительной мѣрѣ восполняющая возрѣнія преосв. Антонія, преосв. Макарія и преосв. Филарета. А затѣмъ и во второй части мы найдемъ не мало очень цѣнныхъ для насъ указаній.

Различая подобно преосвященнымъ Антонію, Макарію и Филарету „два главныхъ и существенныхъ способа богопознанія,—естественный и откровенный“ <sup>3)</sup>, преосв. Сильвестръ даетъ такую характеристику и оцѣнку естественнаго способа. „Естественный способъ богопознанія, по слову ап. Павла, который учитъ, что *невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема* (τοῖς ποιήμασι νοοῦμενα) *видима суть и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20), состоитъ въ разумномъ наблюденіи и разсматриваніи твореній Божіихъ, слѣдствіемъ чего бываетъ созерцаніе здѣсь въ видимыхъ формахъ самаго въ себѣ невидимаго Божества и Его присносущной силы. Но, по мысли того же Апостола, такое познаніе о Богѣ возникаетъ въ духѣ человѣческомъ не вслѣдствіе одного дѣйствія разсудка при разсматриваніи твореній Божіихъ, а въ зависимости еще отъ вліяній сердца. Участіе здѣсь сердца такъ важно и велико, что имъ условливается или опредѣляется то или другое направленіе, болышій или меньшій успѣхъ самой же умственной дѣятельности. Потому именно, что у язычниковъ, по слову Апостола, омрачилось неразумное сердце (ст. 21), ихъ умъ вмѣсто того, чтобы чрезъ разсматриваніе твари восходить своею мыслию къ ея Творцу, сталъ въ ней самой видѣть и чувствовать Бога, между тѣмъ какъ этого вовсе не было бы, если бы у нихъ было не помраченное сердце. Чѣмъ же сердце служитъ разуму въ приобрѣтеніи познанія о Богѣ чрезъ разсматриваніе міра? Если принять во вниманіе то, что, по мысли Апостола, въ душу нашу вложено стремленіе къ Божеству и способность осязать или непосредственно чувствовать Его (Дѣян. 17, 27—28), а также, что

1) Ibid. 237—262.

2) Ibid. 262—304.

3) Ibid., стр. 263 и выше.

такое стремленіе и такая способность принадлежить только сердцу; то понятно будетъ, что сердце служитъ разуму въ дѣлѣ пріобрѣтенія имъ богопознанія именно тѣмъ, что въ основу его умственной работы полагаетъ прирожденное ему чувство Божества. А это чувство въ свою очередь руководитъ разумомъ, когда онъ ищетъ слѣдовъ Божества въ мірѣ, и подсказываетъ ему, гдѣ видны эти слѣды, гдѣ—нѣтъ, что можно относить къ Богу и чего нельзя и т. п. Итакъ <sup>1)</sup>, *сущность естественнаго способа богопознанія заключается въ созерцаніи разумомъ подъ вліяніемъ и руководствомъ чувства, или идеи Божества, дѣлъ Божіихъ въ мірѣ и въ выводѣ отсюда умозаключеній о Творцѣ міра. Міръ даетъ матеріалъ или данныя для такого рода умозаключеній о Богѣ,—чувство, или идея Божества, служитъ нормою, опредѣляющею ихъ мѣру, а самыя умозаключенія, пользуясь шѣмъ и другимъ, дѣлаютъ разумъ“* <sup>2)</sup>.

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ логическихъ пріемовъ, употребляемыхъ разумомъ при этомъ познаніи Божества, авторъ останавливается на анализѣ пріемовъ святоотеческихъ. Здѣсь онъ прежде всего замѣчаетъ, что „древніе учителя церкви основу естественнаго богопознанія полагали во врожденномъ каждому чувствѣ, или идеѣ Божества, называя это то всажденною въ человѣческую природу мыслию (δόξα), то понятіемъ или общимъ понятіемъ (κοινὴ εὐνοία). Но эта идея Бога, по представленію учителей церкви, какъ мысль о чемъ-то неизяснимомъ, или безконечномъ, сама по себѣ не даетъ еще яснаго и опредѣленнаго знанія о Богѣ. Она только „говоритъ, что Богъ есть, но не то, что Онъ такое“ (Василій Вел.), хотя ей предназначено быть правящимъ и руководящимъ началомъ, при выводахъ разумомъ на основаніи своихъ наблюденій надъ міромъ тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ умозаключеній о Богѣ“ <sup>3)</sup>. Только при взаимообщеніи съ разумомъ эта идея даетъ богатый плодъ знанія. Какъ же происходитъ это взаимообщеніе? „Сущность древне-учительскаго отвѣта на этотъ

<sup>1)</sup> Курсивъ ниже—нашъ.

<sup>2)</sup> Ibid. стр. 263—264.

<sup>3)</sup> Ibid. стр. 265.

вопросъ, говоритъ преосв. Сильвестръ, заключается въ томъ, что нашъ разумъ, выступая подъ руководствомъ идеи Бога на разсмотрѣніе міра, съ одной стороны здѣсь, какъ въ области конечнаго и ограниченнаго, не замѣчаетъ ничего въполнѣ по самому существу своему соотвѣтствующаго этой идеѣ, и потому считаетъ необходимымъ исключить изъ представленія о Богѣ, какъ существѣ безконечномъ, всё замѣчаемая въ мірѣ черты конечности и ограниченности. Съ другой же стороны, подъ руководствомъ той же идеи Бога рассматривая міръ, какъ твореніе Божіе, разумъ не можетъ не замѣчать здѣсь отраженія величія и совершенствъ Творца, и не видѣть въ этомъ чего-либо съ Нимъ схожаго и аналогическаго, а потому онъ считаетъ необходимымъ включить въ понятіе о Богѣ все, что онъ находитъ лучшаго и совершеннѣйшаго въ мірѣ, а именно въ лицѣ духовно-разумныхъ и запечатлѣнныхъ образомъ Божіимъ существъ, только, конечно, съ исключеніемъ отсюда всякаго представленія конечности и ограниченности. Этими-то двумя путями, т. е., отрицаніемъ въ Богѣ того, что противно идеѣ Бога и приписываніемъ Ему того, что съ ней согласно, разумъ можетъ достигать до болѣе или менѣе яснаго, определеннаго и доступнаго для него понятія о Богѣ“<sup>1)</sup>. Далѣе преосв. авторъ рядомъ святоотеческихъ выписокъ доказываетъ, что древне-церковное ученіе дѣйствительно было таково, какъ онъ его резюмировалъ<sup>2)</sup>. Эти пути богопознанія, говоритъ онъ въ заключеніе,—и суть „тѣ самые пути, которые впоследствии получили названія: *via negationis*, *via assertationis* (или *causalitatis et manifestationis*) и *via eminentiae*<sup>3)</sup>. Сущность же того познанія о Богѣ, до какого можетъ достигнуть здѣсь разумъ, руководимый идеею Бога, вкраткѣ можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ. На первомъ изъ этихъ путей — *via negationis* разумъ въ своемъ представленіи о Богѣ отрицаетъ все то, что видитъ въ мірѣ не соотвѣтствующаго Его идеѣ, какъ существа безконечнаго, и приходитъ къ такого

1) Ibid., стр., 265—266.

2) Ibid., стр. 266—270.

3) Остается ли совсѣмъ яснымъ, признаетъ ли преосв. авторъ всё эти три пути, или, согласно съ приведенной передъ этимъ выпиской, только два.

рода понятіямъ о Богѣ, что Онъ безначаленъ, неизмѣненъ, безграниченъ, безвремененъ или вѣченъ, безсмертенъ и т. п.... Идя другимъ путемъ—*via assertationis*, разумъ останавливаетъ свое вниманіе въ мірѣ на томъ, что находитъ здѣсь соответствующаго идеѣ Бога и въ чемъ явственно открывается образъ Божій, и доходитъ до слѣдующихъ представленій о Богѣ, что Онъ есть духъ, что Онъ обладаетъ разумомъ и свободою, что Онъ благъ, истиненъ праведенъ и т. п. Но здѣсь онъ не достигаетъ еще того, чтобы представлять Бога всевѣдущимъ, премудрымъ всемогущимъ, всеблагимъ и т. п. Такого представленія о Богѣ онъ достигаетъ уже на послѣднемъ пути—*via eminentiae*; такъ какъ, становясь на этотъ путь, онъ побуждается не только приписывать Богу то, что находитъ лучшаго и совершеннѣйшаго въ мірѣ, какъ Его твореніи, но и представлять все это въ Богѣ, какъ безконечномъ существѣ, въ безконечно высшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ и въ полномъ отрѣшеніи отъ всего несовершеннаго, конечнаго и ограниченнаго“<sup>1)</sup>).

Какое же значеніе имѣетъ естественный способъ богопознанія? Преосв. Сильвестръ даетъ на это (§ 43) совершенно точный и рѣшительный отвѣтъ: <sup>2)</sup> „самъ по себѣ разсматриваемый естественный способъ богопознанія вполне годенъ и достаточенъ, чтобы привести къ болѣе или менѣе ясному, определенному, и въ то же время къ совершенно вѣрному представленію о Богѣ. Имѣя конечно это, а не что-либо иное въ виду, и самъ ап. Павелъ такъ выразился объ язычникахъ, не познавшихъ истиннаго Бога, не смотря на имѣющіяся въ ихъ рукахъ естественный способъ богопознанія (Рим. 1, 19—20), что они безотвѣтны (ст. 20)“<sup>3)</sup>. Но, усвоивъ естественному способу богопознанія, „разсматриваемому самъ по себѣ“,

<sup>1)</sup> Ibid., стр. 270—272.

<sup>2)</sup> Курсивъ въ приводимой ниже выдержкѣ—нашъ.

<sup>3)</sup> Ibid., стр. 272 „Такою конечно,—говоритъ онъ,—а не иную мысль соединили съ естественнымъ способомъ богопознанія и учителя церкви, когда къ незнающимъ и къ не желающимъ знать истиннаго Бога обращались съ такого рода упреками: „только цѣлѣющимъ ума свойственно отрицаться отъ своего Творца и Создателя Бога“ (св. Афанасій Вел.), или: „тотъ крайне несмысленъ, кто слѣдуя естественнымъ указаніямъ, не восходитъ до познанія Бога самъ собою“ (Св. Григорій Наз.) и т. п. Ibid., стр. 272—273.

такое значеніе, преосв. авторъ однако прибавляетъ: „Это не показываетъ того, чтобы естественный способъ всегда на самомъ дѣлѣ оказывался достаточнымъ для достиженія въ дѣлѣ богопознанія и той цѣли, къ которой онъ предназначенъ, такъ какъ <sup>1)</sup> *успѣхъ здѣсь долженъ зависть не отъ него самого, а отъ такого или иного пользованія имъ свободно-мыслящимъ разумомъ.* Между тѣмъ долгій опытъ съ неотразимою очевидностію показалъ, что и на самомъ дѣлѣ естественный способъ, хотя не по своей вилѣ, а вслѣдствіе развращенія сердецъ людей, но тѣмъ не менѣе оказывается совершенно безсильнымъ привести людей къ истинному богопознанію“ <sup>2)</sup>. Въ этомъ смыслѣ, по его мнѣнію, и надо понимать, напримѣръ, изреченіе 1 Кор. 1, 21, а равно сужденія св. отцовъ о невозможности для человѣка безъ нарочитаго Божественнаго наученія приобрѣсти правильное познаніе о Богѣ <sup>3)</sup>.

Посмотримъ теперь, что, по мысли преосв. Сильвестра, познаваемо въ Богѣ. Рѣшая этотъ вопросъ прежде всего на основаніи откровенія, преосв. авторъ, конечно, останавливается на обычно приводимыхъ въ догматикѣ изреченіяхъ—Исх. 33, 22—23, 1 Кор. 13, 9—12 и др. Изъ этихъ толкованій особенно должно останавливать на себѣ наше вниманіе объясненіе перваго мѣста. *Узриши задняя моя*—это, по его словамъ, значитъ: „увидишь Меня сзади, съ обратной или прикровенной стороны Моего существа. Вотъ та сторона, какой можетъ открываться и дѣйствительно открываетъ Себя людямъ Богъ, давая имъ чрезъ это возможность гадательно судить и заключать о самомъ Его существѣ. Что это за сторона открывающагося людямъ Существа Божія, это совершенно ясно показали какъ самъ Моисей, такъ за нимъ и другіе св. писатели, особенно Давидъ, изображая дѣла всемогущества и благодати Божіей, непрерывно являемыя въ мірѣ, и составляющія собою какъ бы тѣнь, отбрасываемую отъ Существа Божія, или какъ бы нѣкоторый покровъ, въ который оно облекается, чтобы дѣлать для насъ видимымъ само по себѣ недоступное для насъ Его

<sup>1)</sup> Курсивъ ниже—нашъ.

<sup>2)</sup> Ibid., стр. 273.

<sup>3)</sup> Ibid., стр. 273—274.

безконечное величіе (Пс. 18. 103. Іов. 12)<sup>1)</sup>. Объясненіе прочихъ текстовъ не имѣетъ замѣтной разницы съ толкованіями другихъ догматистовъ. Выраженіе церковнаго ученія объ этомъ предметѣ преосв. Сильвестръ находитъ у писателей II и нач. III вѣка, — Іустина, Теофила аятіохійскаго, Минуція Феликса, раскрывавшихъ это ученіе положительнымъ образомъ, — у Иринея и Тертулліана, писавшихъ въ виду гностическихъ заблужденій и старавшихся отграничить въ понятіи о Богѣ познаваемое отъ непознаваемаго<sup>2)</sup>. Отмѣчаетъ онъ при этомъ, какъ въ некоторую крайность, граничащую съ дуализмомъ и неоплатонизмомъ, ученіе Климента Александрійскаго, носящаго на себѣ въ значительной мѣрѣ отпечатокъ агностицизма<sup>3)</sup>. Болѣе полное раскрытіе церковнаго ученія находитъ онъ у писателей IV и слѣд. вѣковъ<sup>4)</sup>. Сущность воззрѣній этихъ писателей въ слѣдующемъ: „Если не гоняться за призрачнымъ только знаніемъ Бога, какъ дѣлаютъ аномей, а вмѣсто того искать истиннаго и дѣйствительнаго знанія Бога, то его нужно искать не въ познаніи существа Божія, а въ познаніи Его дѣйствій и откровеній въ мірѣ. Только такое познаніе Бога, т. е., познаніе Его не въ самомъ себѣ, не въ Его существѣ, а въ Его явленіяхъ и дѣйствіяхъ есть познаніе возможное и доступное для человѣка и оно одно есть истинное и вѣрное, хотя въ то же время далеко не полное и не совершенное“<sup>5)</sup>. „Мы утверждаемъ, говоритъ онъ словами св. Василія Великаго, что знаемъ Божіе величіе, Божію силу, премудрость, благость и промысль, съ какимъ печется о насъ Богъ, и правосудіе Его, но не самую сущность“<sup>6)</sup>; — „что существуетъ Богъ, — приводитъ онъ еще слова св. Іоанна Дамаскина, — это очевидно, но что такое Онъ по своей сущности и естеству, это совершенно непостижимо и недовѣдомо“<sup>7)</sup>. Познаваемымъ въ Богѣ, на основаніи св. отцовъ, преосв. Сильвестръ, такимъ образомъ, признаетъ Его

1) Ibid., стр. 239—240.

2) Ibid., стр. 244—248.

3) Ibid., стр. 249—250.

4) Ibid., стр. 252—262.

5) Ibid., стр. 258.

6) Ibid., стр. 259.

7) Ibid., стр. 261.

отношеніе къ міру, а изъ свойствъ—лишь тѣ, которыя проявились въ міроустроеніи и міроуправленіи. Включаетъ-ли онъ въ составъ естественнаго богопознанія и убѣжденіе въ бытіи Божіемъ,—это изъ разсматриваемаго отдѣла о познаваемости Божества ясно не видно. Но уже тотъ фактъ, что эту истину онъ включилъ, какъ мы видѣли, въ число „основныхъ догматическихъ истинъ, *вводящихъ* собою въ область вѣроученія христіанскаго“, заставляетъ рѣшать этотъ вопросъ утвердительно. Касательно этой истины мы у него читаемъ: „Истина бытія Божія лежитъ въ основѣ всего вѣроученія и необходимо имъ предполагается.... Но, будучи первою между истинами вѣры, истина бытія Божія и по мысли откровенія, и по ученію древнихъ пастырей церкви, есть первая и между всѣми другими истинами, присущими сознанію человѣческому. Потому что она нераздѣльна съ самою природою сознанія, а потому въ извѣстномъ отношеніи предваряетъ собою самое его развитіе, и во всѣхъ видахъ и на всѣхъ ступеняхъ этого развитія всегда является, какъ уже готовая и напередъ данная истина“<sup>1)</sup>

Свой взглядъ онъ сближаетъ съ ученіемъ Лейбница, который „въ періодъ новѣйшей философіи является представителемъ и защитникомъ ученія о познаваемости Божества только при посредствѣ міра, какъ Его творенія“.—„Его воззрѣніе, говоритъ авторъ, успѣло сохранить свою силу и значеніе, не смотря на напоръ, съ одной стороны, идеалистическаго пантеизма (въ лицѣ Спинозы, Фихте, Шеллинга и Гегеля), вѣрившаго въ совершенное знаніе сущности своего божества, а съ другой,—отвергавшаго всякую возможность знанія о Богѣ—раціоналистическаго (Кантъ) и мистическаго (Шлейермахеръ) скептицизма“<sup>2)</sup>. Желая же ввести еще болѣе опредѣленности въ свое воззрѣніе, онъ отмѣчаетъ, какъ мнѣнія „лучшихъ мыслителей“, „всегда—приближавшихся къ древнецерковному, ученію“, ученія: Альберта Великаго, что человѣкъ можетъ только „*attingere Deum intellectu*“, а не „*comprehendere*“; Тома Аквина-

<sup>1)</sup> Ibid., стр. 167—168. Считаю нужнымъ замѣтить, что гносеологическая теорія, равняемая преосв. авторомъ въ этомъ его трактатѣ о бытіи Божіемъ, проникнута значительной дозой недовѣрія къ силамъ философствующаго разума.

<sup>2)</sup> Ibid., стр. 262, пр. 2.

та,—что человекъ не можетъ имѣть познанія о Богѣ въ самомъ себѣ, „cognitionem quidditativam“, а можетъ только познавать „habitudinem Ipsius ad creaturas“; наконецъ, въ качествѣ лучшаго и окончательнаго выраженія западнаго богословствованія, онъ ссылается на мнѣніе Кайетана,—что человекъ хотя можетъ имѣть „cognitionem quidditatis Dei“, но все таки не можетъ имѣть „cognitionem quidditativam“, т. е., хотя познаетъ существо Божіе въ его отношеніи ко всему конечному и случайному, но не можетъ познать Его всецѣло и совершенно, такъ чтобы ничего не оставалось отъ него закрытымъ <sup>1)</sup>).

Въ заключеніе рѣчи нашей о возрѣніяхъ преосв. Сильвестра на естественное богопознаніе, скажемъ, какъ онъ смотритъ на его значеніе при существованіи способа откровеннаго. „То ясно и несомнѣнно, говоритъ онъ, что откровенный способъ несравненно превосходитъ и возвышеннѣе способа естественнаго, но спрашивается, настолько ли онъ возвышенъ сравнительно съ послѣднимъ, чтобы совершенно отрѣшался отъ него, оставляя его въ полномъ забвеніи и совершенно вытѣсняя его собою?... Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы припомнимъ слова Спасителя іудеямъ о ихъ законѣ и пророкахъ: *не приходѣтъ разорити, но исполнити* (Мѡ. 5, 17). Конечно, говоря это, Господь имѣлъ въ виду не иной заковъ, какъ Моисеевъ, но мы не погрѣшимъ, если присовокупимъ къ этому, что *Онъ пришелъ не разоритъ, а восполнитъ и естественный законъ, данный Богомъ всѣмъ людямъ,* <sup>2)</sup> какъ для того, чтобы знали волю Его, такъ и для того, чтобы познали Его Самого (Рим. 2, 14. Дѣян. 17—26—28). По ап. Павлу *естественный способъ богопознанія навсегда предназначенъ Богомъ и вполне достаточенъ къ тому, чтобы приводить къ знанію истиннаго Бога,* почему, если этотъ способъ на дѣлѣ не приводилъ и не приводитъ многихъ людей къ цѣли, то вина въ семъ случаѣ должна падать не на него, а на самихъ людей, и если далѣе люди, вслѣдствіе своей испорченности, не могли сами собою извлечь изъ него надлежащей пользы, то отнюдь не слѣ-

<sup>1)</sup> Ibid.

<sup>2)</sup> Курсивъ здѣсь и ниже—нашъ.

дуетъ, чтобы онъ не могъ оказаться для нихъ болѣе пригоднымъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, напр., *при помощи откровенія*. Съ другой стороны здѣсь весьма важно то, что тотъ же Апостоль *нигдѣ не исключаетъ умъстности естественнаго способа богопознанія при откровенномъ, а напротивъ предполагаетъ необходимость между ними внутренней гармонической связи*, при которой только и возможно, чтобы первый восполнялъ свой недостатокъ послѣднимъ, а послѣдній могъ сообщать свою полноту первому, дабы такимъ образомъ успѣшно достигалась ихъ общая цѣль—возможно полное и совершенное познаніе Бога... По мысли Апостола, *откровенный способъ собственно и данъ для восполненія и приведенія въ надлежащую силу естественнаго способа*... Учители церкви на способы богопознанія естественный и откровенный смотрѣли не какъ на два противоположные и не сходящіяся между собою пути, а какъ на два конца одного и того же пути къ одной и той же цѣли, изъ коихъ одинъ составляетъ его начало, а другой—продолженіе и завершеніе.... Всѣ они при пользованіи богооткровенною истиною допускаютъ участіе здѣсь разума, съ требованіемъ отъ него только *покорности вѣрѣ*, а этимъ ясно показываютъ, что они въ откровенномъ способѣ богопознанія не представляли ничего разрушительнаго для способа естественнаго<sup>1)</sup>.

Навель Тихомировъ.

(Продолженіе будетъ).

<sup>1)</sup> Ibid, § 48, стр. 300—303.

## „Золотые стихи Пифагорейцев“<sup>1)</sup> съ комментариемъ Гіерокла философа.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора Г. В. Малеванскаго).

1. Впервыхъ,—безсмертныхъ боговъ почитай по закону и чину.  
Клятву блюди, уважай, да и демоновъ—дивныхъ героевъ  
Чествуй, духовъ зеленыхъ также блюди, какъ они, все законы.  
Здѣсь же родителей чти, да и сродниковъ тѣхъ, что поближе.
5. Въ прочихъ же друга ищи себѣ въ томъ, кто по доблести выше.  
Къ доброму словомъ иль дѣломъ впушенью не будь ты обидчивъ,  
Злобѣ-жъ на друга, когда вины малы, не поддавайся,

<sup>1)</sup> Это не есть первоначальное названіе предлагаемаго нами стихотворенія. Ранѣе 4-го вѣка нашей эры его называли или *правилами*—*παράγγραφα* (бл. Иеронимъ), или *соптами*—*παράνομοι* (Галенъ), или *заповѣдями*—*ὑποθήκαι* (Симплицій). Но уже св. Григорій Назіанзенъ (*contra Iulian.*) обзывалъ ихъ *соинтовыми стихами*—*μολυβδῶ ἔπη*, по всей вѣроятности, наперекоръ существовавшему уже и извѣстному ему названію *золотыхъ стиховъ*—*χρυσῶ ἔπη*, которое затѣмъ встрѣчается у извѣстнаго Импляха у Хлацидіа—комментатора Платонова Тимѣя у Прокла и нашимъ комментаторомъ Герооломъ принимается уже какъ утвердившееся. Въ спискахъ и изданіяхъ самыхъ раннихъ оно озаглавливалось всегда уже только этимъ именемъ *золотыхъ стиховъ*—*χρυσῶ ἔπη*.

Вопросъ объ авторѣ „золотыхъ стиховъ“ нельзя и нынѣ считать окончательно рѣшеннымъ. Наименѣе вѣроятнымъ считается новыми критиками мнѣніе (Климента Алек., бл. Иеронима, Галена и др.), усвоившее ихъ самому Пифагору, какъ въ виду почти единодушнаго свидѣтельства древнихъ, что Пифагоръ, больше всего заботившійся о томъ, чтобы какъ можно глубже напечатлѣть свое ученіе въ живыхъ умахъ и сердцахъ своихъ учениковъ, совсѣмъ не заботился о начертаніи его на бездушныхъ хартияхъ и не оставилъ послѣ себя, своей школѣ въ наслѣдіе, никакого письменнаго намятника, такъ и особенно въ виду того обстоятельства, что самъ авторъ „золотыхъ стиховъ“ явно отрицаетъ авторство Пифагора тѣмъ, что именемъ его клянется (ст. 47) для большаго удостовѣренія истинности своихъ увѣреній. Конечно такъ,—конечно—не самъ Пифагоръ есть авторъ „золотыхъ стиховъ“, въ скрупулезномъ смыслѣ слова, т. е., не есть авторъ всего ихъ нынѣшняго состава, распорядка, строя, конструкціи метрической, логической, сиа-

- Сколько есть мощи, мощь-же велика, какъ необходимость.  
 Все это вѣдай, потомъ-же обуздывать вотъ что навыки:
10. Чревоугоды особенно, сладкаго сна вождельные,  
 Гнѣвъ тожь... А что есть постыдно,—не дѣлай ни съ кѣмъ либо вмѣстѣ,  
 Ни въ одиночку,—себя жъ самого ты больше всѣхъ бойся.  
 Въ словѣ и въ дѣлѣ себя подчиняй справедливоста строгой.  
 Навыкъ возьми относиться къ всему разсудительно, мудро:
15. Помни всегда, что всѣмъ умереть намъ судьбой предназначено;  
 Что до богатства,—радъ ты владѣть имъ, люби и утраты.  
 Сколько страданій, по божьимъ судьбамъ, люди смертные терпятъ!  
 Ты жъ свою долю, какая досталась, неси безъ роптаній.  
 Но и врачуйся, насколько возможно, вотъ такъ разсуждая:
20. Золъ добрымъ людямъ судьба удѣляетъ не слишкомъ ужъ много.  
 Многія рѣчи намъ слышать приходится, часто правдивыя,  
 Лживыя также,—ни всѣмъ прельщаться, ни всѣхъ отвращаться  
 Ты не обязанъ;—когда-жъ говорится что либо ложное,  
 Кротокъ будь, мягокъ... И заповѣдь эту блюди совершенно:
25. Словомъ ли, дѣломъ на зло склоняютъ,—не поддавайся,  
 Дѣлать и молвить ты долженъ лишь что для тебя-то наилучше.  
 Прежде, чѣмъ дѣлать что либо, обдумай, чтобъ не было глупо,  
 Глупыя жъ дѣйствія, рѣчи—лишь безразсудному впору.

тактической и т. п. Но значитъ ли это, что авторъ всего этого былъ вмѣстѣ съ тѣмъ авторомъ стихотворенія въ строгомъ, внутреннемъ смыслѣ слова, т. е., оригинальнымъ творцомъ всѣхъ содержащихся въ немъ мыслей, идей? Конечно, нѣтъ, ибо если онъ имѣлъ въ виду, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ комментаторъ, лишь одно—представить краткій эскизъ подлинной доктрины пифагоризма—доктрины, которой держалась вся школа пифагорейцевъ—или, по выраженію того же комментатора, вся аудиторія Пифагорова, то ему, поистинно, ничего больше не оставалось дѣлать, какъ брать готовыми всѣ идеи, всѣ тезисы этой доктрины и только позаботиться о возможно болѣе точномъ выраженіи ихъ, да о какомъ либо распорядкѣ. Но можно сказать даже больше: быть не можетъ, чтобы авторъ, во всякомъ случаѣ пифагореецъ, если ему не довелось даже лично знать и слушать Пифагора, для лучшаго выполненія своей задачи, не ознакомился съ подлинными изреченіями этого первѣйшаго авторитета всего пифагореизма, который несомнѣнно путемъ традиціи, а то и записей хранился въ школѣ, и въ извѣстной степени не воспользовался ими. А если такъ,—то вопросъ объ авторѣ „золотыхъ стиховъ“ не имѣетъ въ исторіи философіи особенной важности. Этимъ, быть можетъ, объясняется то обстоятельство, что древніе видимо очень мало интересовались точнымъ рѣшеніемъ этого вопроса и приписывали „золотые стихи“ то самому Пифагору, то просто его школѣ (Хризиппъ, Плутархъ), то неопредѣленно какому-то изъ пифагорейцевъ (такъ и нашъ комментаторъ Перокъ), то кому либо изъ извѣстныхъ пифагорейцевъ—Филолаю, Епихарму, Лизиду и даже не истому пифагорейцу Емпедоклу. По мнѣнію Муллаха, авторомъ „золотыхъ стиховъ“ слѣ-

- То лишь ты дѣлать рѣшайся, о чемъ сожалѣть самъ не будешь.
30. Что неизвѣстно, того и не дѣлай, учись всему прежде,  
Знатъ, что нужно и должно, и жизнь твоя будетъ блаженна.  
Тождь о здоровьѣ тѣлесномъ нельзя быть небрежнымъ: мѣру  
Должно блюсти въ напиткахъ и въ пищѣ, въ гимнастикѣ также,  
Вмѣру жь все это, когда нисколько тебѣ-то не вредно.
35. Къ чистой дѣтѣ, но неизысканной ты приучайся:  
Дѣлать, что можетъ возбудить въ комъ зависть остерегайся,  
Ни расточителемъ слишкомъ не будь, какъ невѣжда въ прекрасномъ,  
Но и скупцомъ не будь,—умѣренность—вотъ что наилучше  
То лишь ты дѣлай, что вредно не будетъ, впередъ обсуждая.
40. Сладкому сну усталыя очи не дай смежить прежде,  
Чѣмъ ты обсудишь дневныя дѣла свои, такъ вопрошая:  
Что преступилъ я? Что натворилъ? Какого не выполнилъ долга?  
Первымъ начавши, припомни ты все по порядку, а послѣ,  
Коль дѣла дурны,—о нихъ сокрушайся, добрымъ-же радъ будь.
45. Вотъ что пусть будетъ предметомъ труда, и любви и заботы!
46. Вотъ что тебя возведетъ на стези добродѣтели божьей,
47. Въ чемъ клянусь тѣмъ, сообщилъ кто душѣ нашей, что есть тетрактисъ
48. Вѣчной природы источникъ. Подвигъ же сей совершая,

дуетъ считать Лизиди пифагорейца на основаніи слѣдующаго свидѣтельства Діогена Лаэртія (VІІІ, 1, 5—7); „Пифагоромъ написано три сочиненія—одно о воспитаніи, другое о государствѣ, третье о природѣ, а приписываемое ему же четвертое есть произведеніе Лизиди тарантинскаго пифагорейца, который, живя изгнанникомъ въ Эпихъ, былъ учителемъ Епамипода.“ Но и это свидѣтельство не имѣетъ вполне рѣшительнаго характера уже потому, что въ немъ то четвертое, приписывавшееся Пифагору произведеніе, авторомъ котораго Діогенъ Лаэртій, безъ всякой ссылки на какой либо источникъ, признаетъ Лизиди, совсѣмъ не поименовано. Вѣроятно, что подъ нимъ разумѣются „Золотыя стихи“, но не болѣе чѣмъ вѣроятно. См. подробности объ этомъ Fragmenta philosophorum graecorum vol. I. lib. 2 Op. 408—415. Mullachii. Несомнѣнно одно,—что стихотвореніе это, составленное кѣмъ либо изъ послѣдователей, или даже учениковъ Пифагора, представляетъ собою древнѣйшій памятникъ пифагорейства, ничѣмъ другимъ не замѣнимый для желающаго составить себѣ хоть приблизительное представленіе объ этой въ своемъ родѣ единственной доктринѣ. Оно, справедливо замѣчаетъ Героклъ, представляетъ въ себѣ плодъ мыслей не одного кого либо изъ пифагорейцевъ, а всего священнаго собранія ихъ, или, какъ сами они выразились бы—есть выраженіе убѣжденій всей пифагоровой аудиторіи, почему у нихъ было въ обычаѣ и утромъ одному читать, а всѣмъ слушать эти стихи, какъ нѣкія пифагорейскія заповѣди, и вечеромъ на сонъ грядущій для того, чтобы мысль, возбуждаемая ими на размышленіе, дѣлала все болѣе и болѣе ясными и живучими въ душѣ содержащаяся въ нихъ истины. Вообще же, она представляютъ прекрасный

49. Боги, молись, да помогутъ. Когда же весь трудъ одолѣешь,  
 50. Соимъ весь безсмертныхъ боговъ, да п смертныхъ людей ты познаешь,  
 51. Что раздѣляетъ ихъ, что и объѣмлетъ единою связью.  
 52. Правильно также природу познаешь во всемъ одинакую.  
 53. Тщетныхъ надеждъ ужъ не станешь питать, все тогда станетъ ужъ ясно.  
 54. Узришь, что люди всё бѣдствія терпятъ, сами жъ избравъ ихъ,  
 55. Жалкіе: блага къ нимъ близки, они жъ ихъ не видятъ, не слышатъ,  
 Золъ же ослабы достигнуть умѣютъ лишь очень не многіе.  
 Такъ то судьба помрачаетъ умъ смертныхъ: они, шары словно,  
 Въ разныя стороны несутся, бѣдъ безъ числа наживая,  
 Ибо не видятъ, какъ губитъ ихъ спутникъ—вражда ихъ жестокая,  
 60. Въ нихъ же растущая;—прочь бы бѣжать ея, бросивъ задоръ свой.  
 Зевсъ—отецъ! Всѣмъ бы открылъ ты, какииъ они духомъ владѣютъ!  
 Всѣхъ тогда ты бы избавилъ отъ множества золъ и страданій!  
 Ты же мужайся! Ибо божественность смертнымъ доступна.  
 Если святая природа имъ все и всегда указываетъ.  
 65. Если и ты изъ числа сихъ,—совѣты мои блюсти будешь,  
 Душу свою тѣмъ исцѣлишь, отъ здѣшнихъ скорбей ты спасешься,  
 Яствъ же ты тѣхъ избѣгай, кои названы и въ „очищеньяхъ“  
 И въ „разрѣшеніи духа“, и самъ обо всемъ поразмысли,  
 Власть надъ всѣмъ здравому разуму въ руки давъ, какъ бы возникъ.

памятникъ самыхъ благородныхъ, самыхъ возвышенныхъ мыслей и стремленій человеческого духа? Таково и наше мнѣніе о „золотыхъ стихахъ“ пифагорейцевъ. А между тѣмъ, едва ли они и извѣстны кому нибудь кроиъ людей, специально занимающихся исторіею древнихъ философскихъ и богословскихъ доктринъ. Вотъ почему мы рѣшились сдѣлать опытъ перевода ихъ на родной языкъ. Но и на родномъ языкѣ они во многихъ мѣстахъ неясны, непонятны для незнакомаго съ пифагорейскою доктриною. Чтобъ сдѣлать ихъ всегда понятными, необходимо было бы или снабдить ихъ обильными подстрочными примѣчаніями, или всё эти примѣчанія вмѣстѣ присоединить къ нимъ въ концѣ въ видѣ комментарія. Мы предпочли послѣднее, но рѣшились для этой цѣли воспользоваться готовымъ послѣдовательнымъ комментаріемъ Геронна философа. Комментарій этотъ, правда, вовсе не имѣетъ критическаго характера: онъ написанъ съ полною, наивною вѣрою во всё тезисы пифагорейской доктрины, хотя въ то же время съ достаточно-полнымъ знаніемъ всего состава и смысла этой доктрины. Но это-то прежде всего и нужно для желающаго ознакомиться съ пифагореизмомъ, ибо и всегда самое первое *quid facti*, а потомъ уже наступеть очередь и для *quid juris*. Само собою понятно, что этотъ комментарий долженъ былъ въ значительной степени повліять и на самый переводъ „золотыхъ стиховъ“, т. е., что мы должны были перевести ихъ, такъ чтобъ можно было вычитать въ нихъ тѣ самыя мысли, которыя въ нихъ находятъ и разъясняетъ нашъ комментаторъ. Однако, дѣлали мы это лишь настолько, насколько позволяла буква стиховъ; переводъ нашъ все таки есть почти буквальный.

70. Тѣло жъ свое какъ покинешь,—въ эфиръ воспаришь ты свободный и  
Будешь безсмертенъ какъ богъ, уже смерти и тѣнию чуждый.

Къ „Золотымъ стихамъ“ пифагорейцевъ, комментарий Гіерокла философа <sup>1)</sup>).

Философія есть жизни человѣческой очищеніе и усовершеніе,—очищеніе, ибо она способствуетъ освобожденію отъ плотскихъ неразумныхъ влеченій смертнаго тѣла, усовершеніе же потому, что она возвращаетъ человѣку свойственную ему блаженную жизнь и возстановляетъ въ немъ его богоподобіе. Таково ужъ свойство добродѣтели и истины, что первая освобождаетъ отъ неумѣренныхъ страстей, а вторая способствуетъ достиженію богоподобія всѣмъ не лишеннымъ дарованій. А если такъ, то для усвоенія этой науки, обѣщающей сдѣлать насъ чистыми и совершенными, необходимо имѣть такія или иныя точныя и краткія правила, на подобіе тѣхъ, какія имѣетъ каждое искусство, для того чтобы мы могли идти къ этой цѣли

1) Свѣдѣнія о жизни комментатора „Золотыхъ стиховъ“ Гіерокла философа очень скудны. Родился онъ въ началѣ 5-го вѣка по Р. Х. (по вычисленіямъ Муллаха, въ 402 г.), но неизвѣстно, гдѣ именно. Неизвѣстно также, гдѣ и какое получилъ первоначальное воспитаніе и образованіе. Въ сохранившихся отрывкахъ изъ его сочиненій „о провидѣніи и о судьбѣ“, онъ самъ говоритъ о себѣ, что уже въ возрастѣ молодого человѣка былъ ученикомъ того самаго Плутарха въ Афинахъ, котораго нѣсколько позднѣе въ продолженіе двухъ лѣтъ слушалъ извѣстный Проклъ философа одинъ изъ послѣднихъ его учениковъ. Основываясь на характерѣ и содержаніи его комментарія „золотыхъ стиховъ“ мнѣніе, что онъ былъ знаткомъ не только греческой философіи, но также и христіанской доктрины, изъ источниковъ которой будто бы черпалъ на каждомъ шагу, конечно, должно быть отвергнуто, потому что хотя въ этомъ комментарий въ нѣкоторыхъ пунктахъ, особенно въ трактацияхъ нравоучительнаго содержанія, встрѣчаются мысли, представляющія очень близкую аналогію съ идеями христіанскаго правоученія, но въ выраженіи этихъ мыслей нельзя открыть никакихъ слѣдовъ той особенной терминологіи христіанскаго богословія, которая во время Гіерокла имѣла уже почти полную опредѣленность и устойчивость. Но столь же неосновательнымъ представляется намъ и то мнѣніе, будто Гіероклъ былъ настолько ревностнымъ защитникомъ языческой философіи и религіи и противникомъ христіанства, что за это въ Византіи былъ судимъ и наказанъ бичеваніемъ и изгнаніемъ, потому что Свидя, разсказывая объ этомъ осужденіи и наказаніи Гіерокла, не говоритъ точно, какими властями онъ былъ судимъ и за какое именно преступленіе. А вромѣ того, Свидя же говоритъ, что Гіероклъ, присужденный къ изгнанію, удалился въ Александрію и тутъ продолжалъ занятія философіей и преподаваніемъ ея всѣмъ желающимъ

—къ блаженной жизни не наобумъ, а прямымъ и вѣрнымъ путемъ.

Между такого рода правилами, относящимися къ философіи во всей ея цѣлости, мы по всей справедливости должны на первомъ мѣстѣ поставить пифагорейскія правила, или ихъ такъ называемыя „золотыя стихи“, такъ какъ они содержатъ въ себѣ общія основоположенія всей философіи какъ практической, такъ и теоретической <sup>1)</sup>, слѣдовательно,—указанія, какимъ образомъ и истину вмѣстѣ съ добродѣтелию можно пріобрѣсти, и сдѣлаться чистымъ, и блаженнаго богоподобія достигнуть, и, какъ говоритъ Платоновскій Тимей,—большой знатокъ пифагорейскихъ доктринъ, возратить себѣ первоначальное состояніе совершенной неповрежденности и непорочности. На первомъ

---

его слушать. Понятное дѣло, что этого не могло-бы быть, что Пьероклу и въ Александріи не позволили бы спокойно преподавать философію въ своей школѣ, если бы онъ прибылъ сюда, какъ изгнанникъ изъ Византіи не за иное что, а именно за свое ученіе, прямо враждебное христіанству. Какъ бы то ни было впрочемъ, по несомнѣнно одно, что по крайней мѣрѣ въ комментаріи Пьерокла нѣтъ и тѣни чего-либо похожаго на вражду и ненависть къ какой бы то ни было доктринѣ, въ томъ числѣ и къ христіанской. Въ своемъ комментарий на „золотые стихи“ Пьероклъ не преслѣдуетъ ни полемической, ни даже апологетической цѣли, а единственно экзегетическую, или точнѣе, историко-философскую: онъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ истолковываетъ знаменитый памятникъ пифагорейскаго шага за шагомъ, стихъ за стихомъ, фраза за фразой, слово за словомъ, но такъ, чтобы дать по возможности полный, связный, систематическій очеркъ пифагорейской доктрины, при чемъ руководствуется въ пониманіи ея главнымъ образомъ Платономъ, по изрѣдка вспоминаетъ и Аристотеля, словомъ мыслить и писать какъ одинъ изъ неоплатониковъ. Объ этомъ комментарий Пьерокла можно сказать то же самое, что онъ сказалъ о произведеніи, которое онъ избралъ для комментирования: почти наравнѣ съ „золотыми стихами“, и комментарий ихъ представляетъ собою прекрасный плодъ самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ мыслей и стремленій человѣческаго духа. Особенно богатъ онъ цѣнными и прекрасными мыслями въ тѣхъ трактатѣхъ, которыя посвящены не изложенію специально-пифагорейскихъ доктринъ, а разъясненію такихъ правилъ, тезисовъ общаго этического характера, которыя вовсе не составляютъ исключительнаго достоинства пифагорейства.

1) Мы нарочно въ этомъ словѣ удерживаемъ строго-греческую орѳографію—дабы показать, что древніе словомъ θεωρία совѣтъ не то желали обозначить, что мы разумѣемъ подъ словомъ теорія, именно не научное познаніе какого-бы то ни было круга предметовъ изъ общихъ понятій, принциповъ или законовъ, а живое умственное богосозерцаніе и всецѣлое устремленіе духа къ божественному. Въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово и нашъ комментаторъ.

мѣстѣ тутъ стоятъ правила практической добродѣтели, на томъ основаніи, что прежде всего слѣдуетъ упорядочить себя отрѣшеніемъ отъ неразумія и нерадѣнія, а потомъ уже можно приступать къ познанію божественнаго, ибо подобно тому какъ глазъ, заплывшій гноемъ, не способенъ глядѣть на очень свѣтлыя предметы, пока не будетъ очищенъ, такъ и душа наша не способна созерцать красоту истины, если она не успѣла еще стяжать добродѣтель, — нечистымъ прикасаться къ чистому нельзя. Отличается же практическая философія отъ теоретической тѣмъ, что первую достигаетъ добродѣтель, а послѣднею истина, какъ и въ томъ стихѣ, въ которомъ заканчивается изложеніе правилъ гражданской добродѣтели, практическая философія отождествляется съ человѣческою добродѣтелью, а теоретическая воспѣвается, какъ божественная добродѣтель.

Вотъ что пусть будетъ предметомъ труда и любви и заботъ твоихъ!  
Вотъ что тебя возведетъ на стези добродѣтели божьей.

Оно и естественно, — прежде слѣдуетъ стать человѣкомъ, а потомъ уже Богомъ: человѣка дѣлаютъ хорошимъ гражданскія добродѣтели, а богоподобнымъ дѣлаютъ знанія, относящіяся къ божественной добродѣтели. Поелику же въ порядкѣ слѣдованія малое всегда предшествуетъ большому, то и пифагорейскія наставленія первое мѣсто даютъ изложенію добродѣтелей, руководя насъ такимъ образомъ отъ достигнутаго умѣнья пользоваться, какъ должно, всѣмъ житейскимъ восходить все выше и выше — до богоподобія. Такое содержаніе и такой порядокъ наставленій имѣютъ цѣлю начертать слушателямъ, прежде всякихъ другихъ уроковъ, характеръ философа. Получили же они названіе „золотыхъ стиховъ“ по той причинѣ, что между произведеніями человѣческими это есть самое лучшее, поистинѣ божественное. Подобнымъ образомъ мы на примѣръ говоримъ о золотомъ вѣкѣ или родѣ людей, какъ о самомъ лучшемъ, пользуясь въ этомъ случаѣ аналогіею веществъ для обозначенія нравственныхъ различій, ибо золото есть вещество неподдѣльно-чистое, не содержащее примѣси земли, какъ металлы близкіе къ нему и низшіе — серебро, мѣдь, желѣзо, между которыми золото своею природою первенствуетъ, потому что оно одно

не подвергается ржавчинѣ, между тѣмъ какъ каждый изъ остальныхъ металловъ подвергается ей именно въ той мѣрѣ, въ какой содержитъ въ себѣ земляную примѣсь. Такимъ-то образомъ въ силу того, что ржа отъ земной примѣси принята за вещественный порокъ, совершенно—правильно золотымъ названъ родъ людей святой и чистый и ихъ нравственный характеръ, очищенный отъ всякой примѣси зла. На этомъ же основаніи и эти наставленія, такъ какъ они въ цѣлости и въ отдѣльности прекрасны, титулуются какъ стихи золотыя и божественныя, ибо нѣтъ тутъ того, какъ въ другихъ произведеніяхъ бываетъ, чтобъ одно было прекраснымъ, другое не было, но всѣ они равно прекрасны, ибо всѣ равно рисуютъ самый чистый нравственный идеаль, всѣ клоняты къ богоподобію и въ то же время раскрываютъ совершеннѣйшій смыслъ Пифагорейской философіи, какъ это будетъ выяснено нами при разборѣ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Итакъ,—начнемъ и мы съ того, что тутъ стоитъ на первомъ мѣстѣ.

### I. 1.

Впервыхъ,—безсмертныхъ боговъ почитай по закону и чину.

Такъ какъ благочестіе есть глава всѣхъ добродѣтелей, какъ добродѣтель, относящаяся къ верховной божественной причинѣ, то въ „золотыхъ стихахъ“ совершенно правильно въ числѣ заповѣдей поставлена на первомъ мѣстѣ заповѣдь благочестія,—заповѣдь, какъ должно почитать боговъ міровыхъ по тому присутствующему имъ чину, который вмѣстѣ съ ихъ природою вызвалъ къ бытію творческій законъ, помѣстившій однихъ изъ нихъ въ первой сферѣ, другихъ—во второй, тѣхъ—въ третьей и такъ—далѣе—до совершеннаго наполненія всѣхъ небесныхъ круговъ. Итакъ, кто желаетъ идти по стезямъ божественнаго закона и надлежаще почитать боговъ, тотъ долженъ признавать и чтить ихъ по тому чину, въ какомъ ихъ поставилъ ихъ Творецъ и Отецъ,—не преувеличивать и не умалять ихъ достоинства въ своихъ помышленіяхъ, но признавать ихъ за то, что они есть и наблюдать въ томъ чинѣ, какой выпалъ на ихъ долю, вознося все почитаніе на Бога—Творца ихъ, котораго

слѣдуетъ признавать Богомъ боговъ—Богомъ высочайшимъ и совершеннѣйшимъ. Сему Богу—Творцу и зиждителю міра мы воздаемъ подобающую честь лишь тогда, когда признаемъ его и причиною боговъ, и творцемъ разумныхъ неизмѣнныхъ существъ, ибо подъ безсмертными богами *стихъ* нашъ разумѣтъ именно тѣхъ, которые въ разумѣ своемъ всегда и неизмѣнно содержатъ идею Бога—Творца, которые постоянно Его благодію преисполняются, которые и бытіе и блаженство воспріемлютъ отъ Него нераздѣльно и неизмѣнно, сами будучи такими образами творческой причины, которые изъяты отъ страстей и золъ. Богу подобало произвести такіе образы самого себя, не ограничиваясь созданіемъ существъ измѣнчивыхъ и склонныхъ къ злу, каковы наприм. души человѣческія, представляющія собою самый низкій родъ разумныхъ существъ, между тѣмъ какъ родъ безсмертныхъ боговъ, о которомъ тутъ рѣчь, есть самый высшій. Они, въ отличіе отъ душъ человѣческихъ вѣроятнo и названы безсмертными, потому что у нихъ никогда ни наслажденіе божественною жизнію не прерывается, ни забвеніе о себѣ и о благодіи Отца своего не появляется, между тѣмъ какъ душа человѣческая подвергается въ этомъ отношеніи измѣнчивости, ибо она иногда носитъ въ мысли своей Бога и сохраняетъ свое достоинство, а иногда теряетъ то и другое. На этомъ основаніи души человѣческія справедливо могутъ быть названы смертными божествами, такъ какъ онѣ то теряютъ божественную блаженную жизнь удаленіемъ отъ Бога, то возвращаютъ ее обращеніемъ къ Богу и такимъ образомъ въ первомъ случаѣ живутъ божественною жизнію, въ послѣднемъ умираютъ, насколько можетъ подвергнуться смерти безсмертное существо,—т. е., не въ смыслѣ потери самаго существованія, а лишь въ смыслѣ лишенія блаженнаго состоянія, ибо въ самомъ дѣлѣ для разумнаго существа какъ бы смерть составляетъ потеря Бога и лишеніе разума, вслѣдъ за которыми паступаетъ чрезмѣрное возбужденіе страстей и служеніе имъ по той простой причинѣ, что съ потерей знанія о лучшемъ, неизбѣжно приходится служить худшему, отъ котораго и освободиться потомъ можно не иначе, какъ возвращеніемъ въ разумъ и обращеніемъ къ Богу. Но, кромѣ божествъ, называе-

мыхъ безсмертными, и тѣхъ смертныхъ божествъ, о которыхъ мы сейчасъ сказали, должно думать, есть еще родъ божествъ высшій въ сравненіи съ человѣкомъ и низшій въ сравненіи съ Богомъ, который занимая средину, служитъ соединительнымъ звеномъ этихъ крайнихъ различій, такъ что весь сонмъ созданныхъ разумныхъ существъ составляетъ изъ себя одно связанное гармоническое цѣлое. Этотъ средній родъ Божествъ обладаетъ въ такой степени боговѣдніемъ, что никогда ни на мгновение не теряетъ его, но не въ томъ, чтобъ оно было неизмѣннымъ, всегда себѣ равнымъ и тождественнымъ,—онъ всегда имѣетъ знаніе о Богѣ, но не всегда одинаковое,—то меньшее, то большее; тѣмъ что такое знаніе всегда и постоянно присуще ему, онъ стоитъ выше человѣческаго рода, а тѣмъ, что оно не есть неизмѣнное и всегда тождественное, онъ стоитъ ниже рода божественнаго, представляя своею природою нѣчто между ними среднее. Но не должно думать, что этотъ родъ образуется или изъ человѣческаго путемъ усовершенія и улучшенія, или изъ божественнаго—путемъ ухудшенія и ниспаденія въ средній родъ,—не должно, потому что Богъ—творецъ и первому, и второму, и третьему роду далъ саму природу различную, такъ что они не могутъ ни смѣшиваться другъ съ другомъ, ни мѣняться положеніемъ въ зависимости отъ степени своего усовершенія, или ухудшенія; каждый изъ нихъ отъ начала имѣетъ свою особую неизмѣнную природу, такъ что и по соотвѣтственному съ нею чину своему они генерически различны, и по аналогіи съ различіемъ произведшихъ ихъ творческихъ причинъ. Ибо какъ тамъ первое, среднее и послѣднее подчинено порядку всесовершенной премудрости,—ибо премудрость по своему существу или понятію въ томъ именно и состоитъ, что все производимое ею она производитъ въ порядкѣ и въ совершенствѣ, такъ что мудрость, порядокъ, совершенство необходимо совпадаютъ другъ съ другомъ,—такъ и въ этой вселенной существа, созданныя по первой мысли Божества суть первыя, созданныя по второй суть среднія, а созданныя по послѣдней изъ мыслей суть послѣднія въ этомъ мірѣ разумныхъ тварей. Этотъ распорядокъ разумныхъ существъ, надѣленныхъ неразрушимыми тѣлами, можетъ быть рассматриваемъ, какъ образъ природы

Бога—Творца, въ ея цѣлости: чистый образъ самой высшей ея части или стороны представляетъ собою первый порядокъ разумныхъ существъ, средній образъ ея середины—второй порядокъ ихъ, а послѣдній образъ конца божественности представляетъ изъ себя третій и послѣдній порядокъ разумныхъ существъ. Нашъ стихъ къ первому изъ этихъ трехъ родовъ, или чиновъ относитъ бессмертныхъ боговъ, ко второму—героевъ дивныхъ или демоновъ, а къ послѣднему—духовъ земныхъ, какъ это мы увидимъ ниже;—теперь же займемся однимъ первымъ порядкомъ. Итакъ, —что за законъ тутъ господствуетъ, какой тутъ порядокъ и какова соотвѣтствующая ему честь? Закономъ тутъ служитъ творческій разумъ и божественная воля, все вѣчно производящая и все вѣчно сохраняющая, а согласующійся съ этимъ закономъ порядокъ истекаетъ въ мѣръ бессмертныхъ боговъ отъ Отца и Творца всяческихъ, дѣлая однихъ изъ нихъ первыми, другихъ—вторыми и т. д., такъ какъ хотя всѣ они въ цѣломъ мѣрѣ разумныхъ существъ заняли первое самое высшее мѣсто, но все таки другъ отъ друга отличаются тѣмъ, что одни обладаютъ божественностию въ большей, другіе—въ меньшей степени. Что это такъ,—что одни изъ нихъ обладаютъ болѣе, другіе менѣе совершенною природою,—доказательствомъ служитъ расположе- ніе небесныхъ сферъ, сообразованное съ природою и силою каждой изъ нихъ такимъ образомъ, что законъ вытекаетъ необходимо изъ самой ихъ природы, а чинъ—изъ степени ихъ совершенства, ибо не случайно произойдя, распредѣлялись потомъ какъ ни попало—небесныя тѣла, но явились къ бытію сразу въ порядкѣ и, представляя собою въ цѣломъ небѣ какъ бы различные члены одного живого существа, сохраняютъ другъ друга и свою взаимную связь тѣмъ, что по виду другъ отъ друга отличаясь и отдѣляясь, они въ то же время между собою согласуются и соединяются, такъ что нельзя допустить и мысли о какомъ либо измѣненіи въ ихъ взаимоположеніи безъ мысли, что такое измѣненіе равнялось бы всеобщему разрушенію. Но такое разрушеніе невозможно дотолѣ, доколѣ существуетъ первая причина всего непреложная и во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣнная, которая и природу свою вѣчною непрерывною энергіею въ тождествѣ сохраняетъ, и благодать не отвнѣ

какъ либо случайно пріобрѣтаетъ, а внутренно и существенно, по самой природѣ, ея обладаетъ и этою благостию все приводитъ не просто только къ бытію, но и къ благому бытію. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь мы не въ состояніи придумать никакой другой довлѣющей причины, по которой Творецъ создалъ все кромѣ этой составляющей само существо его благости: благъ Онъ, говоритъ, <sup>1)</sup> а у Благого нѣтъ мѣста зависти никакой, никогда и ни къ чему; всѣ же другія, указываемыя иногда причины міросозданія приличествуютъ пожалуй человѣческому уровню—но не Богу. Будучи же благимъ по существу, Богъ прежде всего произвелъ родъ существъ природою наиболѣе Себѣ подобныхъ, затѣмъ—второй родъ существъ въ меньшей—въ средней степени себѣ подобныхъ, наконецъ третій и послѣдній родъ—по степени подобія Себѣ низшій всѣхъ, а съ природою ихъ, понятно сообразовался и чинъ ихъ или порядокъ, такъ что болѣе совершенное по природѣ заняло высшее мѣсто надъ менѣе совершеннымъ и это какъ въ цѣломъ твореніи, такъ и въ каждомъ родѣ существъ, имѣющемъ свои виды, потому что всѣ они получили опредѣленное мѣсто въ цѣломъ не по капризу случая и не по различію своихъ собственныхъ желаній, но по творческимъ законамъ произошло это различіе и установился порядокъ, сообразный съ достоинствомъ природъ. По этому,—заповѣдь „почитанія боговъ по чину, въ какомъ они стоятъ“, слѣдуетъ понимать въ примѣненіи не къ однимъ только безсмертнымъ богамъ, но также къ дивнымъ героямъ и душамъ человѣческимъ, такъ какъ въ каждомъ изъ этихъ родовъ есть множество видовъ высшаго и низшаго порядка. Такова природа, таковъ порядокъ разумныхъ существъ. Каковъ же ихъ законъ, и каково должно быть сообразное съ закономъ ихъ почитаніе? Закономъ тутъ служить, повторяемъ, неизмѣнная творческая энергія Божія, которая и производитъ роды божественныхъ существъ и содержитъ ихъ вѣчно и неизмѣнно въ опредѣленномъ для каждаго чинѣ, соотвѣтственное же этому закону почитаніе можетъ не въ иномъ чемъ состоять, какъ

<sup>1)</sup> Тутъ нашъ комментаторъ не счелъ нужнымъ даже назвать Платона, полагая вѣроятно, что приводимое имъ мѣсто изъ Платонова Тимэя всякому образованному читателю должно быть извѣстно.

только въ позваніи почитаемыхъ существъ и въ посильномъ подражаніи и уподобленіи имъ. Это вотъ почему: предъ кѣмъ кто благоговѣетъ, тому и подражаетъ, насколько можетъ, а того, кто вседоволенъ, почитаетъ уже и тѣмъ, что принимаетъ отъ него предлагаемые дары, ибо истинное почитаніе мы воздаемъ Богу не тѣмъ, если Ему отъ себя что нибудь приносимъ, но тѣмъ, если стараемся быть достойными получать отъ Него даруемое намъ. Поэтому-то Пифагорейцы вотъ какъ учили объ этомъ: „самое лучшее почитаніе ты воздашь Богу тѣмъ, если сдѣлаешь подобнымъ Ему свой разумъ, свой духъ; кто почитаетъ Бога (жертвами), какъ нуждающагося (въ нихъ), тотъ самъ того не сознавая, ставитъ себя выше Бога; многоцѣнностію приносимыхъ жертвъ воздается почитаніе Богу лишь подъ тѣмъ условіемъ, если къ этому присоединяется благоговѣйное расположеніе души; дары и жертвы безумныхъ—пища огня, а приношенія—добыча святотатцевъ, между тѣмъ какъ благоговѣйное расположеніе духа, если оно постоянно и прочно, связываетъ насъ съ Богомъ, ибо подобное къ подобному необходимо стремится, почему только мудрецъ есть настоящій священникъ, онъ одинъ Богу любезенъ, одинъ умѣетъ молиться“. Это—такъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ только тотъ воздаетъ истинное почитаніе, кто не смѣшиваетъ достоинства почитаемыхъ, кто прежде всего самого себя приводитъ въ жертву почитаемому, кто изъ собственной души какъ бы созидаетъ божественное изображеніе и разумъ свой дѣлаетъ храмомъ для воспріятія божественнаго свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, —развѣ можно изъ какого либо имѣющагося у насъ вещества сдѣлать изображеніе ли то Божества такое, которое было-бы на него похоже, или даръ, который бы могъ равняться съ нимъ, между тѣмъ какъ то и другое возможно сдѣлать изъ себя разумному существу посредствомъ самоочищенія? Поэтому-то тѣ же Пифагорейцы и прямо учатъ, что Богъ не имѣетъ на землѣ другого болѣе свойственнаго себѣ мѣста, чѣмъ чистая душа, а къ этому ученію присоединяется и Пифейскій <sup>1)</sup>):

Смертныхъ, коль благочестивы, столь-же чту, сколько и небо.

<sup>1)</sup> Т. е. Аполлопъ, или точнѣе, его оракулъ.

Благочестивъ-же тотъ, кто, обладая знаніемъ божественнаго, свое собственное совершенство, какъ наилучшую почесть, приносить виновникамъ всѣхъ благъ, свое стараніе о приобрѣтеніи всякихъ благъ обращаетъ всегда къ тѣмъ, которые одни могутъ даровать ихъ, и дѣлая себя достойнымъ полученія всякихъ благъ, тѣмъ самымъ выражаетъ свое почитаніе тѣхъ, которые ниспосылаютъ ихъ. А кто предпочитаетъ почитать Божество иначе—не изъ самого себя, тотъ приношеніемъ разныхъ внѣшнихъ вещей хочетъ выразить почетъ свой, принося Божеству не свою добродѣтель, а что либо изъ внѣшняго посвящая ему или жертвуя. Принимать подобныя приношенія даже хорошему человѣку непріятно, если они не соединяются съ добрымъ внутреннимъ расположеніемъ. Эту мысль выражаетъ другое изреченіе Пинейскаго, который одному, принесшему гекатомбу безъ благочестиваго расположенія и потомъ вопросившему, какъ приняты его дары, отвѣчалъ:

Больше угодны мнѣ зерна славнаго Герміонея,

другими словами, отдавъ предпочтеніе этой столь малой жертвѣ предъ тою столь громадною и это по той причинѣ, что малая была украшена богобоязненнымъ расположеніемъ духа, въ соединеніи съ которымъ все любезно Богу, а безъ него ничто Ему не любезно. И довольно пока о богопочитаніи и благочестіи.—Поелику же законъ мірового порядка охраняется какъ бы стражею и древніе имѣли обычай блюстителя этой стражи мистически называть клятвою, то вполне естественно въ „стихахъ“ послѣ разсмотрѣнной нами заповѣди непосредственно слѣдуетъ заповѣдь относительно клятвы.

## II. 2.

Клятву блюди, уважай...

Выше законъ мы опредѣлили, какъ такую энергію Божества, которая всегда остается себѣ равною въ томъ, что вѣчно и неизмѣнно все приводитъ въ бытіе. Поэтому, согласно съ такимъ понятіемъ закона, мы можемъ и клятву опредѣлить, какъ такую причину, которая все сохраняетъ въ тождествѣ и этимъ обуславливаетъ незыблемую прочность всего, и которая

какъ бы бывъ связана вѣрностію клятвъ, блюдетъ установленный закономъ порядокъ, такъ что неизблемость созданнаго міропорядка является, какъ слѣдствіе или завершеніе творческаго закона. Божественной же клятвѣ прежде и необходимѣе всего быть клятвою сохранять все въ томъ порядкѣ—какой установленъ закономъ, и эта клятва, понятно, должна быть мыслима, какъ непреложная, потому что вѣдь даже у тѣхъ (тварныхъ) существъ, которыя въ умѣ своемъ всегда имѣютъ Бога, клятва всегда свято соблюдается, и только у тѣхъ, которые иногда знаютъ Бога, иногда забываютъ, клятва нарушается, когда забываютъ, но опять соблюдается, когда они снова къ Богу обращаются. Соблюденіе божественныхъ законовъ названо здѣсь клятвою, потому что ею съ Богомъ творцемъ связываются и обязываются всѣ существа, способныя познавать Его, изъ коихъ тѣ, которые всегда преданы Ему, всегда чтутъ и блюдутъ эту клятву, а тѣ, которые отступаютъ отъ Него иногда, въ это время и по отношенію къ клятвѣ бываютъ нечестивы, нарушая не только установленный божественнымъ закономъ порядокъ, но также и вѣрность божественной клятвѣ. Такъ вотъ какая клятва въ саму природу всѣхъ разумныхъ существъ вложена—клятва быть въ единеніи съ Отцомъ и Творцемъ своимъ и никогда ничѣмъ не варушать законовъ, Имъ установленныхъ. Что же касается клятвы, къ которой мы прибѣгаемъ въ житейскихъ взаимоотношеніяхъ, то она есть какъ бы тѣнь или слѣдъ той клятвы, насколько и она оберегаетъ истину у тѣхъ, которые употребляютъ ее, какъ должно, ибо она человѣческимъ намѣреніямъ, способнымъ склоняться то въ ту, то въ другую сторону, сообщаетъ твердую устойчивость, заставляя человѣка быть твердымъ, себѣ вѣрнымъ какъ въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ, а кромѣ того служить средствомъ удостовѣренія истины какъ того, что было въ прошедшемъ, такъ и того, что имѣетъ быть въ будущемъ. По этимъ-то причинамъ должно всячески чтить клятву, и ту первичную по существу, какъ залогъ всякой неизблемости (богоустроеннаго міропорядка), и нашу человѣческую, къ которой мы прибѣгаемъ въ житейскомъ обиходѣ, насколько она, будучи образомъ той, служитъ опорой твердости, блюстительницею правдивости и можетъ даже хорошія нравственные качества дать научившимся всегда чтить ее. Почти-

таніе же клятвы состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ такомъ возможно-неуклонномъ и точномъ соблюденіи того, въ чемъ кто клянется, въ которомъ чтущіе клятву съ нѣккою добровольною необходимостію приводятъ себя въ согласіе съ неизмѣнностію и правдивостію божественнаго дѣйствованія. Святость той первичной таинственной клятвы (послѣ нарушенія ея) возстановляется обращеніемъ къ Богу,—точнѣе, грѣхъ нарушенія божественной клятвы врачуется добродѣтелями очищающими (еоретическими), между тѣмъ какъ соблюденіе житейскихъ клятвъ охраняется гражданскими добродѣтелями, ибо только люди, обладающіе этими добродѣтелями, могутъ свято клясться относительно разныхъ житейскихъ вещей, тогда какъ (противоположность этихъ добродѣтелей) порочность напротивъ есть именно настоящая мать клятвопреступничества; вслѣдствіе отсутствія тутъ нравственной устойчивости, неизбѣжно попирается клятва. Въ самомъ дѣлѣ,—будетъ ли у корыстолюбиваго скряги святою клятва относительно полученія и отдачи денегъ? Устоитъ ли въ своей клятвѣ невоздержный или трусливый? Не всегда ли скорѣе тотъ и другой, думая, что большее и лучшее получить тамъ, гдѣ находится худшее и меньшее, отложить всякое уваженіе къ клятвѣ и промѣняетъ блага божественныя на смертныя и тлѣнныя? Напротивъ,—въ комъ прочно вѣдрена добродѣтель, въ томъ она естественно охраняетъ уваженіе къ клятвамъ, и ихъ соблюденіе. Самый лучшій способъ соблюдать святость клятвы—это—прибѣгать къ клятвѣ и не часто, и не легкомысленно, и не во всякаго рода дѣлахъ и обстоятельствахъ, и не для восполненія рѣчи, и не для подтвержденія вѣрности рассказываемаго, но приберегать ея употребленіе для тѣхъ случаевъ особенной необходимости и важности, въ которыхъ оказывается невозможнымъ никакой другой способъ спасенія, кромѣ завѣренія истины клятвою. Вѣру же къ себѣ у нашихъ ближнихъ мы можемъ имѣть лишь подъ тѣмъ условіемъ, если весь нашъ нравственный характеръ будетъ сообразенъ съ клятвою, другими словами,—если мы никогда и ничѣмъ не будемъ давать повода къ сомнѣнію въ томъ, что всегда и во всемъ—во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ для насъ ничего нѣтъ выше истины, независимо отъ того, клявемся ли мы для подтвержденія ея, или нѣтъ. Такимъ-то образомъ заповѣдь

„клятву блуди, уважай“ не того только требуетъ отъ насъ, чтобъ мы клялись свято, но также, чтобъ всячески удерживались отъ клятвы, ибо тѣмъ только мы и соблюдемъ святость клятвы, если никогда не будемъ злоупотреблять клятвою. Кто часто клянется, тотъ уже этимъ самымъ больше другаго подверженъ опасности клятвопреступленій, а кто рѣдко, тому легче избѣжать этой опасности. Итакъ, человѣку или совсѣмъ не слѣдуетъ клясться, или должно свято клясться, а это возможно при томъ условіи, если у него съ одной стороны языкъ привыкъ не бѣжать впереди разума, а съ другой самъ разумъ, не извращенный страстями, не впадаетъ въ погрѣшности, или другими словами, когда разумъ управляется и направляется хорошимъ нравственнымъ характеромъ, а языкъ—привычкою удерживаться отъ божбы. Относится же святое соблюденіе клятвы къ богопочтенію, о которомъ у насъ выше шла рѣчь, какъ естественный и постоянный спутникъ благочестія, такъ какъ клятва, видѣли мы, служитъ основою самого божественнаго закона и сохраненія устроеннаго имъ міроваго порядка. Итакъ, прежде всего чтить этотъ законъ, всецѣло подчиняясь устроенному имъ порядку, а затѣмъ чтить и клятву,—не злоупотребляй ею, прибѣгая къ ней безъ надобности и разбора, но или клянись свято, или приучай себя обходиться совсѣмъ безъ клятвы, зная, что святость клятвы составляетъ не маловажную часть въ дѣлѣ благочестія. И только о высшемъ родѣ божествъ, о божественномъ законѣ, управляющемъ міровымъ порядкомъ, и о вытекающей изъ этого закона клятвѣ. Вслѣдъ за этимъ заповѣдуется почитать родъ существъ, который слѣдуетъ послѣ боговъ и который мы можемъ назвать родомъ ангельскимъ.

### III. 2.

Да и демоновъ—дѣвннхъ героевъ (чествуй).

Эти составляютъ средній родъ разумныхъ существъ, который занимаетъ слѣдующее за родомъ бессмертныхъ боговъ мѣсто и который предшествуя роду человѣческому, тѣмъ самымъ соединяетъ этотъ послѣдній родъ съ тѣмъ первымъ. Итакъ, этимъ существамъ—какъ вторымъ, мы должны и честь воздавать вторую, относя и къ нимъ также слова заповѣди: „чти согласно съ закономъ и чиномъ“, ибо весь характеръ почитанія всецѣло

обусловливается знаніемъ природы почитаемыхъ, такъ какъ, зная эту природу, не трудно уже знать и то, какія требуются слова, какія дѣйствія для должнаго почитанія ею обладающихъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, вести бесѣду съ тѣми, кого совсѣмъ не знаешь, или приносить дары тѣмъ, достоинство которыхъ совсѣмъ неизвѣстно? Поэтому, первая и истинная честь, требуемая и по отношенію къ „*дивнымъ героямъ*, или *демонамъ*” есть познаніе ихъ природы, ихъ чина и соотвѣтствующей съ чиномъ дѣятельности, а также разумѣніе той совершенной гармоніи, которая проникаетъ всю вселенную во всѣхъ ея частяхъ. Почитаніе и во всѣхъ случаяхъ должно быть соотвѣтствующимъ природѣ почитаемыхъ, и значить обусловливается познаніемъ ихъ, ибо когда мы узнаемъ природу и чинъ каждаго изъ существъ, тогда будемъ знать и то, какую честь мы должны воздавать имъ, согласно съ закономъ. На этомъ-то основаніи мы не воздаемъ почитанія ничему тому, что ниже человѣка по природѣ, а единственно лишь тому, что выше и совершеннѣе его по природѣ, а изъ стоящаго наравнѣ съ нимъ по природѣ почитаемъ лишь то, что превосходитъ его красотою и добродѣтелью. Изъ существъ же, стоящихъ по природѣ выше человѣка, самое первое, самое высшее и совершеннѣйшее есть Богъ—творецъ, котораго поэтому и почитать должно безъ всякаго сравненія прежде и больше, чѣмъ всѣхъ другихъ существъ. Во вселенной же первое мѣсто занимаютъ тѣ божества, которыя, отъ Него происшедши и послѣ Него занявши мѣсто, представляютъ Его въ себѣ непрерывно, и неизмѣнно и безстрастно владѣютъ всею совокупностію благъ, излитыхъ въ нихъ творческою причиною. Они въ нашемъ стихотвореніи называются богами бессмертными, потому что они не только не умираютъ, но и не теряютъ своего богоподобія, но всегда пребываютъ въ немъ тождественно и неизмѣнно. Средину же по природѣ и чести занимаютъ существа, которыя названы здѣсь *дивными героями*, или *демонами*. Они тоже всегда знаютъ своего Творца и, освѣщаемые лучами Его свѣта, наслаждаются блаженною жизнію, но не въ такой степени и неизмѣнно, ибо стоя въ срединѣ, т. е., будучи соединены съ Богомъ лишь посредственно, они хотя и не могутъ уклоняться къ злу, однако же движутся хоромъ около Творца, то такъ, то иначе напра-

вляясь своими стремленіями, а вслѣдствіе этого неизмѣнную и единую теорію тѣхъ первыхъ божествъ они то раздѣляютъ, то соединяютъ, дѣлая для себя первымъ, началомъ то, что тамъ есть послѣднее, конецъ. Названы они справедливо „дивными“, такъ какъ они суть существа добрыя и свѣтлыя <sup>1)</sup>, изъятые и отъ зла и отъ забвенія, а героями названы, какъ носители любви,—какъ эротическіе и діалектическіе читатели бога, которые и насъ поднимаютъ выше дрязгъ земной жизни и тѣмъ облегчаютъ намъ достиженіе царствія Божія. Называются они обыкновенно еще добрыми *демонами*, какъ вѣдущіе, какъ знатоки божественныхъ законовъ, а иногда ангелами—вѣстниками, такъ какъ они показываютъ и возвѣщаютъ намъ правила, ведущія къ истинному благополучію. Нерѣдко также цѣлыми тремя понятіями хотятъ исчерпать весь объемъ этого третьяго рода и дѣлятъ его на три вида, называя тотъ видъ, который примыкаетъ къ роду небесныхъ божествъ, ангелами, тотъ же, который примыкаетъ къ земнымъ духамъ называя героями, а тотъ, который находится на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ этихъ крайнихъ концовъ, демонами, какъ это и Платонъ <sup>2)</sup> часто дѣлаетъ. Нѣкоторые напротивъ цѣлый этотъ срединный родъ существъ называютъ однимъ изъ этихъ трехъ именъ,—или всѣхъ—ангелами, или всѣхъ демонами, или всѣхъ героями по причинамъ, которыя мы выше указали, какъ и нашъ стихъ однимъ именемъ дивныхъ *героевъ* обозначаетъ весь срединный родъ существъ, представляющій отношеніе къ первому роду аналогическое отношенію блеска къ огню, или сына къ отцу. По этому-то герои справедливо называются еще сынами божіими, такъ какъ они произошли не отъ союза смертныхъ, а отъ единоличной своей причины, подобно тому, какъ свѣтъ истекаетъ изъ субстанціи свѣтящаго тѣла. Свѣтъ же иног-

1) Тутъ нашъ комментаторъ дѣлаетъ большую этимологическую натяжку, уравнивалъ значеніе слова *ἀγαθός* съ значеніемъ слова *ἀγαθός* и дѣлая ихъ взаимно синонимами, еще болѣе натянуто и неестественно уравниваетъ слово *ἥρωας* съ словомъ *ἕρωας*. Болѣе уже допустимо уравниваніе слова *ἀγαθός* съ *φωτεινός*, а равно слова *δαίμων* съ словомъ *δαήμων*.

2) Трудно сказать, какія именно мѣста въ Платона разумѣетъ тутъ нашъ комментаторъ—изъ Тимэя (40—42), или изъ Фэдра (246—247) или, вѣроятно же всего изъ Елпномиса (984—985)—изъ сочиненія, которое Церковль могъ считать подлиннымъ произведеніемъ—Платона.

да бываетъ совершенно ясенъ и чистъ, а иногда заслоняется тѣнію и содержитъ въ себѣ примѣсь темноты. Аналогію съ этимъ послѣднимъ представляетъ изъ себя и третій родъ <sup>1)</sup> и родъ человѣческій тѣмъ, что у того и другого не отнята возможность впадать въ грѣхъ и забвеніе. Впадая въ то и другое, человѣкъ тѣмъ самымъ теряетъ непрерывность въ своемъ знаніи Бога и такимъ образомъ онъ стоитъ съ одной стороны ниже существъ, всегда Бога знающихъ, тѣмъ, что иногда забываетъ Его, а съ другой—выше всѣхъ неразумныхъ тварей—тѣмъ, что хоть иногда знаетъ Бога, а послѣ потери боговѣдѣнія можетъ возвратитъ его себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сподобиться сопричтенія къ божественному хору, послѣ того какъ освободится отъ тѣлесныхъ скверныхъ и страстей свойственныхъ смертнымъ. А коль скоро онъ удостоенъ этого принятія отъ божествъ, онъ достоинъ и нашего почитанія за то, что такую же, какъ и у насъ, природу свою украсилъ причастіемъ высшему совершенству, ибо тому, кто любитъ Бога, свойственно почитать даже существа сколько нибудь подобныя Богу, не соображаясь съ тѣмъ, обладаютъ ли они богоподобіемъ отъ начала и всегда, или приобрѣли его себѣ съ нѣкотораго времени путемъ подвига, каковы напримѣръ тѣ люди, которые превосходили другихъ своею добродѣтелію. О нихъ-то и будетъ сейчасъ рѣчь въ слѣдующемъ стихѣ.

## IV. 3.

Чествуй духовъ земныхъ, также блюдя, какъ они, всѣ законы.

Этотъ стихъ тѣ души человѣческія, которыя украсили себя истиною и добродѣтелію, называетъ духами или *демонами*, характеризуя ихъ этимъ терминомъ, какъ исполненныя знанія, разума, а чтобъ отличить ихъ отъ тѣхъ духовъ, которые и по природѣ суть демоны и составляютъ изъ себя срединный родъ, называетъ ихъ *земными*, такъ какъ онѣ способны на землѣ жить, облакаясь въ земныя тѣла и потомъ на землѣ оставаться, такимъ образомъ съ одной стороны именемъ демоновъ отличаетъ ихъ отъ людей дурныхъ, какъ отъ не демоновъ, т. е.,

<sup>1)</sup> Подъ третьимъ родомъ Героклъ тутъ разумѣетъ тотъ, о которомъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ, т. е., не третій видъ вышечеловѣческихъ существъ, а души людей, прославившихся добродѣтелію.

отъ невѣдущихъ, несмысленныхъ, а съ другой эпитетомъ земныхъ отличаетъ отъ тѣхъ демоновъ, которые никогда не теряютъ званія и разума, ибо подъ понятіе земного духа никакое другое существо не подходитъ, кромѣ такого, которое, по природѣ будучи человѣкомъ, по нравственному характеру можетъ стать демономъ. Этотъ родъ земной справедливо поставленъ на третьемъ мѣстѣ, потому что онъ есть послѣдній въ ряду разумныхъ существъ, и кромѣ того такой, которому опредѣлена жизнь на землѣ, между тѣмъ какъ первымъ былъ у насъ родъ небесный, а вторымъ родъ воздушный. Поелику же всѣ люди суть земныя разумныя существа, но не всѣ демоны и не всѣ мудрецы, то понятно, что стихъ подъ соединеннымъ терминомъ *земныхъ демоновъ* разумѣетъ только людей мудрыхъ, потому что какъ не всѣ люди мудры, такъ и не всѣ мудрецы суть только люди, ибо и герои славные и тѣмъ болѣе боги бессмертныя, будучи гораздо выше человека по природѣ, тоже вѣдъ и мудры, и благи. Итакъ, стихъ этотъ предписываетъ намъ почитать людей, сопричтенныхъ къ божественнымъ родамъ, какъ равныхъ съ ангелами, демонами и славными героями. Но не должно думать, что это есть какойнибудь злой родъ демоновъ, которыхъ предписывается почитать, какъ это ктонибудь можетъ подуматъ вслѣдствіе привычки къ извѣстному значенію словъ, <sup>1)</sup> потому что кто любить Бога и сознаетъ свое достоинство, тотъ не станетъ-же почитать что либо такое, что по природѣ своей еще ниже и хуже, чѣмъ человѣкъ. Напротивъ и людей за ихъ выдающіяся достоинства мы склонны почитать лишь тогда, когда знаемъ, что они стали подобны высшимъ существамъ и сопричтены божественному хору. Какъ-же, спрашивается, должно почитать ихъ? „Блюдя, какъ они, всѣ законы“ отвѣчаетъ стихъ. Это значитъ, что мы должны повиноваться тѣмъ наставленіямъ, которыя они оставили для насъ, твердо соблюдать словеса ихъ, какъ законы, и шествовать всю жизнь тѣмъ самымъ путемъ, которымъ они ее проходили и, пройдя, не скрыли его отъ насъ изъ зависти, но непрерывнымъ подвигомъ стяжали на немъ какъ бы нѣкое отцовское бессмертное наслѣдіе на храненіе по-

<sup>1)</sup> Только въ одномъ этомъ мѣстѣ можно видѣть слабый намекъ нашего комментатора на христіанство, точнѣе,—на христіанскихъ писателей, отождествлявшихъ понятіе демона съ понятіемъ злого духа.

томкамъ, заключивъ въ письма на общее для всѣхъ пользование начала добродѣтели и правила истины, которымъ повиноваться и согласовать съ ними всю жизнь и значить выражать почитаніе къ тѣмъ духамъ, о которыхъ у насъ рѣчь, почитаніе, понятно, гораздо болѣе истинное и правильное, чѣмъ если кто дѣлаетъ въ честь ихъ обильвѣйшія возліянія и роскошные поминки.—Вотъ каково должно быть наше почитаніе высшихъ существъ, начиная отъ Творца, продолжая родами существъ небесныхъ и воздушныхъ и кончая совершеннѣйшими изъ людей. Поелику же нельзя никакъ обойти молчаніемъ и тѣхъ, которые необходимы для насъ въ житейскихъ отношеніяхъ, каковы прежде всего родители и родственники, которые хотя не всегда бываютъ хороши, но всегда имѣютъ право на наше почтеніе въ силу своего важнаго значенія для насъ,—то слѣдующій стихъ гласитъ:

## V. 4.

Здѣсь же родителей чти, да и сродниковъ тѣхъ, что поближе.

Лучшихъ изъ людей предписывалось выше почитать за ихъ сходство съ демонами, за ихъ богоподобіе, родителей же и ближайшихъ къ намъ по плотскому родству предписывается почитать независимо отъ того, каковы они, единственно въ силу самого того особеннаго положенія, которое имъ принадлежитъ по природѣ, ибо подобно тому, какъ въ нашемъ вѣчномъ сродствѣ высшія божества—небесныя суть для насъ какъ бы отцы, а демоны, или герои какъ бы почтенные родственники, такъ и въ нашемъ смертномъ, или плотскомъ родствѣ: прежде всего стоятъ родители, а затѣмъ наиболѣе близкіе послѣ нихъ родственники, которыхъ и почитать должно вслѣдъ за родителями. Вопросъ въ томъ, какъ именно мы должны почитать тѣхъ и другихъ? Такъ ли, что станемъ сообразовать свою собственную жизнь съ образомъ ихъ мыслей и желаній и дѣлать лишь то, что имъ пріятно и любезно? Но тогда упражненіе и преуспѣяніе въ добродѣтели превратится въ приумноженіе пороковъ, если случатся у кого родителями люди дурные. Лишимъ ли ихъ во всемъ нашего почтенія, принимая во вниманіе ихъ порочность? Но тогда развѣ будетъ какъ либо выполнена нами эта заповѣдь? Разъ намъ извѣстно, что божества (небесныя)

суть для насъ первообразы родителей, а герои-первообразы родственниковъ, то какъ не окажемся мы нечестивыми предъ самими этими первообразами, не чтя родителей и родственниковъ, представляющихъ ихъ подобіе (на землѣ)? Выходить, что порѣшивъ искать добродѣтели путемъ неповиновенія родителямъ, мы впали бы только въ большій грѣхъ нечестія, безбожія. А если напротивъ мы рѣшимъ во всемъ повиноваться родителямъ, то какимъ образомъ мы не лишимся благочестія, да и всякой другой добродѣтели въ томъ случаѣ, если родители, вслѣдствіе своей нравственной извращенности, не на то наставляютъ насъ, что истинно хорошо, не того отъ насъ требуютъ? Когда то, что требуется отъ насъ родителями, есть истинное и доброе, тогда повиновеніе или почтеніе имъ оказываемое, понятно, оказывается въ полномъ согласіи съ тѣмъ почитаніемъ, которымъ мы обязаны по отношенію къ высшимъ существамъ. Но, когда воля родителей бываетъ такова, какъ будто она ничего не знаетъ о божественныхъ законахъ, то намъ, натолкнувшись на такое противорѣчіе въ требованіяхъ двухъ законовъ, что остается иное дѣлать, какъ не то же самое, что наблюдается и въ другихъ случаяхъ подобнаго столкновенія противоположныхъ обязанностей и интересовъ? Когда намъ одновременно предлежать на одной сторонѣ блага большія, на другой меньшія,—понятно, мы должны отдать предпочтеніе большимъ предъ меньшими, если не можемъ приобрѣсти разомъ тѣ и другія. Такъ наприм. повиновеніе Богу есть благо, и повиновеніе родителямъ—тоже—благо. Итакъ, когда отъ обѣихъ этихъ сторонъ предъявляется одинаковое требованіе, то выполненіе его для насъ обойдется безъ борьбы и будетъ вдвойнѣ прибыльно. Когда же Законъ Божій одно предписываетъ, а родители требуютъ совсѣмъ другого, противнаго, и возникаетъ столкновеніе между влеченіями въ ту и другую сторону, тогда слѣдуетъ давать предпочтеніе той сторонѣ, которая выше, т. е., не оказывать повиновенія родителямъ въ томъ самомъ, въ чемъ они сами не повинуются божественнымъ законамъ, ибо желающему соблюдать правила добродѣтели нѣтъ возможности согласоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ тѣми, которые нарушаютъ эти правила. Но во всемъ остальномъ мы, конечно должны всячески почитать родителей, и услуживая имъ всячески съ полною охо-

тою, и помогая имъ щедро изъ своихъ средствъ, ибо они вправѣ всего этого ожидать отъ тѣхъ, которыхъ родили и воспитали, а что нами отъ нихъ не получено (т. е. душа), то законъ оставляетъ свободнымъ отъ подчиненія ихъ власти и предписываетъ намъ искать Отца истиннаго, Его всегда держаться и уподобленіе себя Ему ставить предметомъ наибольшей и постоянной заботы. Только такимъ образомъ мы въ состояніи будемъ сохранять для себя и блага божественныя, и блага человѣческія, именно и не умаляя подобающаго родителямъ почитанія, подъ предлогомъ добродѣтели, и не впадая въ величайшій грѣхъ—нечестія безразсуднымъ повиновеніемъ всѣмъ ихъ требованіямъ. Поэтому, если бы родители за неповиновеніе даже смертію угрожали, или лишеніемъ наслѣдства, то и этого не слѣдуетъ намъ страшиться, принимая въ соображеніе, что именно отъ этого пострадаетъ, и зная, что они угрожаютъ лишь той части нашей природы, которую они произвели, ту же часть, которая отъ этого пострадать не можетъ, должно сохранять свободно и во всемъ покорною лишь одному Богу. Коротче говоря,—почитаніе родителей лишь подъ тѣмъ условіемъ бываетъ истиннымъ, если оно согласуется съ цѣлями и видами добродѣтели. Такъ напримѣръ не можетъ быть и рѣчи, что мы подчинены ихъ власти во всемъ, что касается внѣшнихъ условій жизни и должны для нихъ не щадить ни трудовъ, ни средствъ своихъ; мало того, что не должны отказываться отъ услуги имъ трудами рукъ своихъ, но слѣдуетъ труды эти считать тѣмъ болѣе высокими, чѣмъ они тяжеле и низменнѣе, не должно также скупиться въ помощи имъ средствами, но все потребное для нихъ доставлять съ полною готовностію, радуясь своими на пользу ихъ трудами и издержками, ибо кто дѣлаетъ это съ добрымъ сердцемъ, тотъ и законъ добродѣтели соблюдаетъ, и природѣ воздаетъ должную благодарность. Вотъ какимъ должно быть почитаніе родителей. Что же касается заповѣдуемаго послѣ него почитанія родственниковъ, то понятно, что оно должно соразмѣряться со степенью близости плотскаго родства. Другими словами,—должно, послѣ родителей, почитать каждаго изъ родственниковъ, въ такой степени, въ какой онъ родственно-близокъ намъ послѣ родителей. Понятно,

что и тутъ добродѣтель должна оставаться свободною, неподвластною родственнымъ связямъ.

#### VI. 5.

Въ прочихъ же, друга лица себѣ въ томъ, кто по доблести выше.

Послѣ заповѣди о чести, подобающей отъ насъ роднѣ высшего порядка, а также заповѣди о почитаніи родителей и сродниковъ по плоти слѣдуетъ заповѣдь о приобрѣтеніи друзей, предписывающая, чтобъ мы внѣ круга родныхъ избирали себѣ въ друзья только лучшаго изъ людей, чтобъ вступали съ нимъ въ дружескую связь единственно ради общенія въ добродѣтеляхъ, чтобъ пользовались дружбой хорошаго человѣка по добрымъ и чистымъ мотивамъ, а не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ. Эта заповѣдь, очевидно, походитъ на извѣстную уже намъ заповѣдь объ отшедшихъ изъ сей жизни добродѣтельныхъ мужахъ, ибо какъ въ той заповѣди предписывается почитать изъ всѣхъ людей только превосходнѣйшихъ по знанію, такъ эта совѣтуетъ избирать въ друзья только лучшихъ, предоставляя намъ выборъ по отношенію къ чужимъ, родителей же и родственниковъ ставя въ зависимость отъ природы. И—это вполне справедливо, потому что лицо отца или брата само по себѣ по самому существу своему для насъ почтенно, между тѣмъ какъ чужихъ и постороннихъ дѣлаетъ для насъ почтенными только ихъ добродѣтель, а равно и отшедшихъ изъ сей жизни. Тѣ же существа, о которыхъ рѣчь была выше, почтенны для насъ по самой природѣ своей—тамъ на небѣ божества и демоны, здѣсь на землѣ—родители и родственники, которые въ смертной природѣ представляютъ собою образы той нашей безсмертной родни. Такъ вотъ какимъ образомъ прежде всего слѣдуетъ искать и прибрѣтать себѣ друга, а какъ должно сохранять его дружбу и наслаждаться чрезъ нее общеніемъ благъ духовныхъ, а равно какъ освободиться отъ дружбы человѣка, который измѣняется къ худшему и не слушается совѣтовъ, направляющихъ его на лучшее,—объ этомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

#### VII. 6—8.

Къ доброму словомъ пль дѣломъ виушепью не будь ты обидчивъ.

Злобѣ на друга, коль вины малы, не поддавайся,

Сколько есть мочи, мощь же велика, какъ необходимость.

Тутъ рѣчь идетъ о томъ, какъ мы должны поступать въ отношеніи къ друзьямъ, и прежде всего требуется, чтобы мы были къ нимъ не обидчивы, а благосклонны и уступчивы, когда они или даютъ намъ мягко добрый совѣтъ, или дѣлаютъ что либо для насъ полезное, потому что самъ законъ, связывающій насъ союзомъ дружбы съ другими, никакой иной цѣли не имѣетъ, кромѣ достиженія этого общаго обѣимъ сторонамъ блага, т. е., чтобы и мы сами чрезъ друзей обогащались въ добродѣтели, и друзья чрезъ насъ. Такъ какъ друзья для достиженія этой главной и существенной цѣли, должны шествовать однимъ и тѣмъ же путемъ добродѣтельной жизни, то понятно, что то лучшее, которое одинъ изъ нихъ увидитъ и найдетъ на этомъ пути, должно обращаться въ общее обоимъ достояніе, и что другой долженъ благосклонно подчиняться всякому подобному указанію, какъ равно и съ своей стороны благодушно предлагать тому въ пользованіе все свое лучшее. Изъ за денегъ-же, почестей и прочихъ тлѣнныхъ вещей между друзьями не должно быть никакихъ разногласій и споровъ, потому что это и значило бы изъ-за малыхъ провинностей и дразгъ возбуждать въ себѣ и питать вражду къ тѣмъ, которые, будучи нашими друзьями, могутъ доставить намъ величайшія блага. Итакъ, когда насъ связываетъ союзъ дружбы, какъ бы нѣкая необходимость, мы во всемъ будемъ уступчивы друзьямъ, кромѣ одного: мы не покажемъ имъ уступчивости, когда они нравственно портятся, мы не послѣдуемъ за ними, когда они, вмѣсто преуспѣванія въ мудрости, ставятъ нѣчто совсѣмъ иное цѣлію своей жизни, мало того, мы употребимъ всѣ возможныя старанія, чтобъ воз-  
возвратить друга на правый путь въ томъ и другомъ случаѣ, а если намъ не удастся его переубѣдить, тогда оставимъ его въ покоѣ и не будемъ его имѣть ни за врага, во имя прежней дружбы, ни за друга вслѣдствіе его перемѣны къ худшему. Короче говоря,—мы можемъ совсѣмъ отступить отъ друга лишь тогда, когда онъ становится совсѣмъ неспособнымъ соучаствовать съ нами въ добродѣтели, ради которой единственно мы и избрали его прежде себѣ въ друзья. Но слѣдуетъ остерегаться, чтобъ это отстраненіе его отъ дружбы не превратилось во вражду. Напротивъ, хотя онъ поведеніемъ своимъ самъ себя исключилъ изъ союза дружескаго, но мы должны прилагать

всяческое стараніе къ тому, чтобы снова направить его на путь долга; вмѣсто того, чтобъ радоваться его паденію, и глумиться надъ его неразуміемъ, мы напротивъ скорѣе должны печалиться, плакать и сокрушаться о немъ, молиться за него, и все стараться дѣлать, чтобъ довести до раскаянія и привести къ спасенію. А о томъ уже и говорить нечего, что мы не должны ни спорить съ другомъ изъ-за денегъ, или почестій, ни лишать его общенія съ собою изъ одной лишь гордости, ни извлекать пищу своему честолюбію изъ его несчастья. Поелику же все это—и долгое сохраненіе друга, и основательное отстраненіе его, и неослабное стараніе о его раскаяніи и исправленіи больше всего зависитъ отъ такой нашей собственной выносливости или терпѣливости къ обидамъ, при которой мы не только были бы свободны отъ споровъ съ друзьями изъ за всякихъ пустяковъ, отъ мелочной къ нимъ требовательности, взыскательности, придирчивости, но и могли все сносить, все терпѣть,—то стихъ говоритъ: *враждѣ не поддавайся, сколько можешь*. А чтобъ этой мощи или способности нашей воли не сталъ всякій измѣрять своею произвольною мѣркою, но тою мѣрою выносливости нашей природы, которая требуется необходимостію, стихъ прибавляетъ: *мощь же велика, какъ необходимость*,—на томъ основаніи, что обыкновенно всякій изъ людей, подъ давленіемъ неотвратимой необходимости, оказывается могущимъ гораздо больше, чѣмъ насколько самъ себя считалъ могущимъ. Это значитъ, что мы должны стараться быть настолько терпѣливыми и выносливыми по отношенію къ друзьямъ, насколько способности къ этому въ насъ можетъ вызвать и обнаружить необходимость, и такимъ образомъ въ силу необходимости дружбы превращать въ сносное все то, что на первый взглядъ казалось невыносимымъ. Было-бы заблужденіемъ думать, что онъ насъ требуется лишь то переносить мужественно, что отъ насъ насильственно насъ постигаетъ; напротивъ, все, чѣмъ можно сохранить или возвратитъ друзей, слѣдуетъ считать предметомъ достойнымъ еще большей, болѣе непреклонной выносливости, какъ одно изъ требованій высшей божественной необходимости, ибо для тѣхъ, которые правильно мудрствуютъ, необходимость, вытекающая изъ разума, всегда могущественнѣе, чѣмъ какая бы то ни было вѣшняя сила. Такимъ образомъ, будемъ ли мы разумѣть

ту необходимость, которая вытекаетъ изъ неизмѣннаго порядка вещей, или ту произвольную, которая слѣдуетъ изъ основаній и посылокъ разума,—во всякомъ случаѣ мы найдемъ въ себѣ ту присущую намъ мѣру силы, которой стихъ нашъ требуетъ отъ насъ въ нашихъ отношеніяхъ къ друзьямъ, когда запрещаетъ намъ вдругъ впасть во вражду къ нимъ *изъ-за всякой* маловажной вины, и даетъ понять, что вещи внѣшнія нашему духу не имѣютъ тутъ никакой цѣны и что поэтому намъ не слѣдуетъ изъ за пристрастія къ нимъ и сбереженія ихъ друга своего превращать во врага, а напротивъ слѣдуетъ, не щадя всего этого, стараться даже отпадающаго друга снова себѣ возвращать. Только подъ этимъ условіемъ у насъ можетъ быть пріятное сознаніе, что мы, насколько это отъ насъ зависѣло, друзей сохраняли, а когда они, портясь, отъ дружбы отбивались, снова къ ней возвращали, и такимъ образомъ не только никому сами перваго повода къ враждѣ не подали, но и никогда тому, кто по собственной волѣ сталъ намъ врагомъ, равнымъ не воздали. Вотъ что предписываетъ законъ дружбы, или любви, которая есть величайшая изъ всѣхъ добродѣтелей и вмѣстѣ какъ бы завершеніе каждой изъ нихъ, ибо если началомъ всѣхъ добродѣтелей служитъ благочестіе, то конецъ или вершину ихъ составляетъ любовь, или, если разумѣніе благочестія есть для насъ сѣмя всѣхъ благъ, то обладаніе любовью есть совершеннѣйшій плодъ добродѣтелей. Подобно тому, какъ справедливость мы должны наблюдать не по отношенію къ тѣмъ только, которые съ нами справедливо поступаютъ, но и по отношенію къ тѣмъ, которые стараются наносить намъ обиды, чтобы мщеніемъ имъ за свои обиды не впасть въ общій съ ними порокъ,—точно также должны мы и дружбу, или челоѣколюбіе простирать на всѣхъ, имѣющихъ одинаковую съ нами природу. Должный же порядокъ и мѣру въ дружелюбіи мы соблюдемъ, если людей хорошихъ, какъ сохраняющихъ свойственное челоѣку совершенство, будемъ любить всячески за общность природы и за добрый нравственный характеръ, дурныхъ же, такъ какъ они ничего отъ своей души и воли не предлагаютъ для достиженія нашей дружбы, будемъ любить лишь за общность природы. Поэтому справедливо говорится, „для добраго никто не врагъ, но только добрый до-

броду другъ“, потому что добрый, любя челоѡка, какъ челоѡка, не считаетъ за врага и дурного, ища же для дружественнаго общенія такого, который украсенъ добродѣтелию, выбираетъ изъ всѣхъ только добраго. Соблюдая такую мѣру въ дружбѣ, челоѡкъ подражаетъ Богу, который никого—ни одного изъ людей не ненавидитъ, но въ то же время всякаго добраго отличаетъ своею любовію и который, предлагая блага своего челоѡколюбія безразлично всему челоѡческому роду, однако же различную различнымъ людямъ назначаетъ долю,—добрыхъ къ себѣ возводитъ, а тѣхъ, которые бѣгутъ добродѣтели, справедливыми карами направляетъ на путь долга,—одно сообразно и полезно однимъ, другое—другимъ. Подобнымъ образомъ и мы свое дружелюбіе должны съ одной стороны простираетъ на всѣхъ людей, а съ другой соразмѣрять его со степенью достоинства людей.

Да и умѣренность и справедливость мы должны наблюдать по отношенію ко всѣмъ—а не по отношенію только къ справедливымъ и умѣреннымъ, и вообще мы должны быть добрыми не съ одними только добрыми, а также и со злыми, потому что если бы въ самомъ дѣлѣ мы стали измѣнять себя всякій разъ примѣнительно къ случаю, то наконецъ никакого своего собственнаго добра не имѣли бы, которое нужно хранить всегда и для всѣхъ. Напротивъ когда добродѣтель обращается у насъ въ постоянный характеръ, тогда никто не въ силахъ отвратить насъ отъ нея, какъ бы онъ этого ни желалъ, да и никакія внѣшнія случайности не въ состояніи поколебать и измѣнить нашего расположенія, если мы наслаждаемся обладаніемъ твердой добродѣтели. Но что должно быть наблюдаемо относительно всѣхъ добродѣтелей, то должно наблюдать тѣмъ болѣе относительно дружбы, которая, какъ мы сказали, есть величайшая изъ добродѣтелей и которая въ своемъ тѣсномъ смыслѣ простирается только на добрыхъ, въ широкомъ же смыслѣ челоѡколюбія—на всѣхъ, такъ что это послѣднее имя, пожалуй, ей даже болѣе приличествуетъ. Но—довольно объ этомъ; перейдемъ къ тому, что слѣдуетъ далѣе.

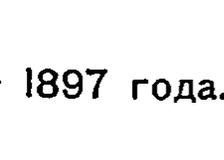
*Профес. Г. В. Малеванскій.*

(Продолженіе будетъ).

# ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

## ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Августа  № 16.  1897 года.

---

Содержаніе. Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 18<sup>95</sup>/<sub>96</sub> учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

---

### Епархіальныя извѣщенія.

Безмѣстный священникъ, Григорій *Любинскій*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви хутора Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда.

— Священникъ церкви сл. Бѣлаго Колодезя, Волчанскаго уѣзда, Теодоръ *Дзюбановъ*, волею Божіей, умеръ.

— Діаконъ Вознесенской церкви сл. Шпотинной, Старобѣльскаго уѣзда, Филиппъ *Аксененковъ* 31 іюля н. г. перемѣщенъ, согласно прошенію, къ Теодоро-Стратилатовской церкви с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда.

— Опредѣленный 21 февраля н. г., согласно прошенію, штатнымъ діаконъ къ Архангело-Михайловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, учитель Краснопольскаго народнаго училища Матвѣй *Лысенко* 22 іюля н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Опредѣленный 30 іюня н. г. на праздное діаконское мѣсто къ Рождество-Богородичной церкви с. Николаевки, Сумскаго уѣзда, согласно прошенію, псаломщикъ Іоанно-Предтеченской церкви с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда, Василій *Поликартовъ* 27 іюля н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Опредѣленный 12 іюня н. г., согласно прошенію, штатнымъ діаконъ къ Покровской церкви сл. Покровскаго, Ахтырскаго уѣзда, псаломщикъ сл. Жихора, Харьковскаго уѣзда, Василій *Лобковскій*, 6 августа н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Псаломщикъ Пророко-Ильинской церкви с. Лозоватаго, Изюмскаго уѣзда, Андрей *Поповъ* 30 іюля н. г. опредѣленъ на штатное діаконское мѣсто къ Димитріевской церкви с. Рыснаго, Ахтырскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Петро-Павловской церкви, сл. Петро-Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Поповъ*, опредѣленъ на діаконое мѣсто при Вознесенской церкви, сл. Шпотинной, того же уѣзда.

— Сынъ діакона, Феодоръ *Труфановъ*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Троицкой церкви сл. Черниговки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Діаконъ—псаломщикъ церкви сл. Зориковки, Старобѣльскаго уѣзда, Валеріанъ *Щепинскій* и псаломщикъ Покровской церкви, города Чугуева, Зміевскаго уѣзда, Павелъ *Бородаевъ*, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Псаломщикъ Старобѣльской соборной Покровской церкви Иванъ *Мухинъ* рукоположенъ въ санъ діакона съ оставленіемъ на псаломщицкой ваканціи.

## ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Пребываніе Президента Французской республики въ С.-Петербурѣ. — Франко-русское сближеніе въ религіозномъ отношеніи. — Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами г. Варшавы. — Миссіонерскій съѣздъ въ Кіевѣ. — Способы улучшенія миссіонерскаго дѣла. — Непріязненные отношенія китайцевъ къ миссіонерамъ. — Открытіе новыхъ братствъ. — Заботы о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа. — Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства. — Новая духовная семинарія.

11 августа прибылъ въ Новый-Петергофъ, Президентъ Французской республики Феликсъ Форъ. Въ 9<sup>1/2</sup> часовъ утра Государь Императоръ, съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, лицами ближайшей свиты Государя, дежурствомъ и лицами, назначенными состоять при Президентѣ Форѣ, отбылъ изъ Петергофа на Малый Кронштадскій рейдъ. Для встрѣчи отпразднаны также управляющій морскимъ министерствомъ, вице-адмиралъ Тыртовъ и начальникъ главнаго морскаго штаба, вице-адмиралъ Авеланъ. Въ 9 час. 37 мин. утра съ Большаго Кронштадскаго рейда замѣченъ былъ французскій броненосецъ „Rothuaui“, шедшій на полныхъ парахъ подъ штандартомъ Президента французской республики. Въ этотъ самый моментъ съ военныхъ судовъ и кронштадтскихъ фортовъ грянулъ салютъ въ честь французской націи въ 21 пушечный выстрѣлъ; на близъ стоящихъ частныхъ судахъ раздались звуки марсельезы и воздухъ огласился кликами „ура“. Съ „Rothuaui“ отвѣчали на салютъ салютами изъ пушекъ, команда была выведена на верхъ, судовой караулъ взялъ ружья на караулъ и музыка заиграла русскій гимнъ. Президентъ Форъ стоялъ на капитанскомъ мостикѣ, окруженный своей свитой. Онъ былъ въ черномъ

фрактъ и бѣломъ жилетѣ, поверхъ котораго тянулась голубая лента ордена св. Андрея Первозваннаго, на фрактѣ была звѣзда ордена Почетнаго Легіона, стоялъ съ непокрытой головой и все время кланялся привѣтствовавшей его публикѣ. Въ 10 ч. 12 м. утра французскій броненосецъ „Rothuau“ сталъ быстро приближаться къ Малому рейду; въ это время со стороны Петергофа показалась Императорская яхта „Александрія“, которая, прибывъ на Малый рейдъ, бросила якорь вблизи яхты „Штандартъ“. Когда „Rothuau“ сталъ на указанное по дистанціи мѣсто между крейсеромъ „Азія“ и яхтой „Штандартъ“, отъ борта яхты „Александрія“ отвалилъ гребной катеръ Его Величества, на носовой части котораго былъ поднятъ флагъ Августѣйшаго генераль-адмирала. При приближеніи гребнаго катера къ французскому броненосцу, Президентъ Форъ сошелъ съ капитанскаго мостика и подошелъ къ трапу для встрѣчи Августѣйшаго генераль-адмирала. Къ этому времени всѣ частныя суда стянулись къ французскому броненосцу и образовали сплошную массу. На частномъ пароходѣ „Любезный“ навстрѣчу дорогимъ гостямъ выѣхалъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Войдя на палубу „Rothuau“, послѣ обмѣна привѣтствій, Августѣйшій генераль-адмиралъ съ Президентомъ Форомъ обошелъ судовою караулъ. Въ 10<sup>1</sup>/<sub>2</sub> ч. Президентъ, въ сопровожденіи Августѣйшаго генераль-адмирала, генераль-адъютанта Фредерикса, министра иностранныхъ дѣлъ и своей свиты сошелъ при крикахъ „ура“ и звукахъ марсельезы въ гребной катеръ Его Величества, на носовой части котораго сейчасъ же былъ поднятъ штандартъ Президента. Войдя въ катеръ, Президентъ всталъ, снялъ цилиндръ и долго кланялся привѣтствовавшей его публикѣ. Въ 10 часовъ 35 минутъ гребной катеръ причалилъ къ борту Императорской яхты „Александрія“ и Государь Императоръ подошелъ къ трапу и, спустившись съ него, ожидалъ Президента Фора. Прошло еще мгновение и на трапѣ Императорской яхты состоялась встрѣча столь желаннаго гостя, носившая самый сердечный характеръ: Государь Императоръ дважды облобызался съ Президентомъ французской республики и затѣмъ ввелъ его на палубу „Александрія“, гдѣ вслѣдъ затѣмъ были представлены Президенту лица Государевой свиты и морское начальство. Въ 10 ч. 40 м. Императорская яхта „Александрія“ снялась съ якоря и ушла въ Новый Петергофъ. Въ 11 часовъ 24 минуты Президентъ Форъ съ Государемъ Императоромъ сошелъ съ яхты „Александрія“, музыка заиграла встрѣчу и знамя склонилось, салютуя. Послѣ обмѣна

привѣтствій съ Великими Князьями, Президентъ съ Государемъ Императоромъ обходилъ фронтъ караула, въ это время музыка играла марсельезу и гвардейскіе моряки привѣтствовали гостя Монарха восторженными кликами „ура“; послѣ этого караулъ прошелъ мимо Президента церемониальнымъ маршемъ. Затѣмъ, Государь Императоръ съ Президентомъ Форомъ сѣли въ коляску съ русской упряжкой и при восторженныхъ кликахъ „ура“ и звукахъ марсельезы отбыли въ Большой дворецъ. Государь Императоръ, проводивъ Президента до приготовленныхъ для него апартаментовъ въ Большомъ дворцѣ, отбылъ въ Александрію. Спустя темного времени Президентъ Форъ отбылъ въ Александрію съ визитомъ къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ; визитъ носилъ самый сердечный характеръ. По возвращеніи Президента Фора въ Большой дворецъ, во второмъ часу дня въ роскошномъ Бѣломъ залѣ дворца, художественно убранномъ экзотической зеленью и цвѣтами, состоялся Высочайшій завтракъ, сервированный на 34 куверта. Вечеромъ былъ данъ парадный обѣдъ въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ въ честь Президента Французской республики, во время котораго Государь Императоръ сказалъ слѣдующую рѣчь на французскомъ языкѣ:

*„Вашъ пріѣздъ, господинъ Президентъ, доставляетъ Мнѣ особое удовольствіе и Я благодарю Васъ за Ваше посѣщеніе, приветствуемое всей Россіей съ живою и единодушною радостью. Прекрасное воспоминаніе о слишкомъ короткихъ дняхъ, проведенныхъ во Франціи въ прошломъ году, остается неизгладимо-запечатланнымъ въ нашихъ сердцахъ, Моемъ и Императрицы. Мы рады надѣяться, что Ваше пребываніе среди насъ и искренность чувствъ, вызванныхъ имъ, могутъ лишь укрѣпить узы дружбы и глубокой симпатіи, соединяющія Францію и Россію. Я нынѣ за Ваше здоровье, господинъ Президентъ, и за процвѣтаніе Франціи“.*

Послѣ рѣчи Государя, музыка исполнила марсельезу. На рѣчь Государя Президентъ Форъ отвѣтилъ слѣдующей рѣчью: „Вашему Императорскому Величеству угодно было вспомнить слишкомъ короткіе дни, проведенные Вашимъ Величествомъ и Государынею Императрицею въ Парижѣ въ октябрѣ прошлаго года. Вся Франція, съ своей стороны, сохранила объ этомъ пребываніи самыя дорогія воспоминавія. Побуждаемый глубокимъ чувствомъ всей націи, Президентъ республики явился въ столицу Имперіи Вашего Величества, чтобы утвердить и еще больше скрѣпить столь

могучія узы, соединяющія наши страны. Вступивъ на русскую землю въ моментъ, когда сердца обохъ народовъ сливаются въ мысли о взаимной вѣрности и мврѣ, я поднимаю бокаль въ честь Его Величества Императора Всероссійскаго, Ея Величества Государыни и всей Россіи“.

Послѣ рѣчи Фора музыка исполнила гимнъ. Послѣ обѣда Президенту Фору представлялись: министры, предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта, первые чины Высочайшаго двора и статсъ-секретари.

12 августа, въ день пріѣзда Президента, въ Петербургѣ несмѣтная толпа народа, чуть-ли не съ самаго разсвѣта наполнила всѣ улицы, по которымъ долженъ былъ слѣдовать Высокій Гость Монарха и всей Россіи. Нева была полна красиво убранными судами; на пристани собралась для встрѣчи Президента Фора депутація отъ городского общественнаго управленія во главѣ съ городскимъ головою Ратьковымъ-Рожновымъ, тамъ-же находились петербургскій градоначальникъ, губернаторъ, комендантъ и войсковое начальство, на пристань также прибыли управляющій морскимъ министерствомъ, начальникъ главнаго морскаго штаба съ его помощникомъ и командиръ петербургскаго порта, туда же прибыло французское посольство во главѣ съ посломъ. Въ 11 часовъ 45 минутъ утра яхта „Александрія“ подъ штандартомъ Президента Французской республики прибыла въ Петербургъ; ее привѣтствовали со всѣхъ стоящихъ судовъ восторженными криками „ура“; при сходѣ съ яхты Форъ былъ встрѣченъ всѣми собравшимися. Когда Президентъ сошелъ съ пристани, его встрѣтила дѣвочка-подростокъ и, сказавъ привѣтствіе, поднесла роскошный букетъ живыхъ цвѣтовъ. Сѣвъ въ экипажъ вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ Вильдерлингомъ, Президентъ при ликованіи толпы отбылъ въ Петропавловскую крѣпость. При входѣ въ Петропавловскій соборъ, Президентъ былъ встрѣченъ комендантомъ крѣпости съ состоящими при немъ чинами, Президента сопровождали всѣ лица его свиты. Къ пріѣзду Президента въ соборъ были внесены вѣнки, возложенные на гробъ Императора Александра III. Подойдя къ гробницѣ, Президентъ Форъ тихо молился и затѣмъ возложилъ на гробницу эмблему мпра—золотую миртовую вѣтвь, изящной работы; послѣ этого, посѣтивъ гробницы покоящихся тамъ членовъ Императорской Фамиліи, Высокій Гость подробно осмотрѣлъ соборъ и въ 12 часовъ 20 минутъ дня отбылъ изъ Петропавловской крѣпости. Изъ Петропавловской крѣпости Президентъ Форъ проѣхалъ въ домъ

французскаго благотворительнаго общества, гдѣ собралась членами французскихъ колоній Россіи, а также высокопоставленныя лица, среди которыхъ находился и министръ внутреннихъ дѣлъ. При входѣ Президентъ былъ встрѣченъ графиней Монтебелло, председателемъ французскаго благотворительнаго общества и членами комитета. Форъ зашелъ въ домовую церковь, затѣмъ въ предшествіи духовенства прошелъ къ мѣсту закладки новаго флигеля; здѣсь было совершено молебствіе, послѣ чего прочтена закладная доска и затѣмъ положена вмѣстѣ съ монетами; мѣсто было закрыто: первый камень положила графиня Монтебелло, послѣ нея Президентъ Форъ, за нимъ клали камни Ганато, Буадеффръ, Жерве, министръ внутреннихъ дѣлъ и члены французской колоніи. По окончаніи закладки исполнены русскій гимнъ и марсельеза. Затѣмъ Форъ отбылъ въ домикъ Петра Великаго, гдѣ встрѣтился съ Государемъ и Великими Князьями, послѣ чего Государь съ Президентомъ, министромъ Ганато, адмираломъ Жерве, генераломъ Буадеффромъ и французскимъ посломъ отбылъ на первомъ катерѣ къ мѣсту закладки новаго Троицкаго моста при салютахъ со стѣнки Петропавловской крѣпости. На специально устроенныхъ трибунахъ помѣщалась масса публики; въ специально устроенномъ красивомъ патрѣ находились представители дипломатическаго корпуса, министры и другія высокопоставленные лица, гласные петербургской думы. По прибытіи Государя и Президента Форъ митрополитъ Палладій съ духовенствомъ прошелъ къ мѣсту закладки, за нимъ слѣдовали Государь, Президентъ Форъ, Великіе Князья, высокопоставленныя особы. Митрополитъ Палладій прочелъ закладную доску, окропивъ мѣсто закладки, положилъ доску въ приготовленное мѣсто и опустилъ туда золотую монету, туда-же клали монеты Президентъ Форъ, Государь Императоръ, Великіе Князья, также городской голова и другіе. Затѣмъ первые камни задѣлали Государь Императоръ, Президентъ, Великіе Князья; этимъ закончилась закладка. Духовенство, возвратившись въ матеръ, въ присутствіи Государя совершило молебствіе съ возглашеніемъ Царскаго многолѣтія. Въ два часа дня Государь Императоръ сошелъ на паровой катеръ и отбылъ съ мѣста закладки. Затѣмъ Президентъ Форъ со свитой посѣтилъ заводы франко-русскаго общества, гдѣ ему рабочіе устроили шумвую овацію. Принявъ отъ рабочихъ хлѣбъ-соль, Президентъ, осмотрѣвъ заводъ, отправился въ экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ, гдѣ Высокаго Гости встрѣтилъ министръ финансовъ; послѣ представленія Президенту начальствующихъ въ экспедиціи лицъ,

послѣдній въ сопровожденіи министра финансовъ осматривалъ всѣ мастерскія экспедиціи, приче́мъ Президенту были поднесены образцы работъ экспедиціи. Осмотрѣвъ это правительственное учрежденіе, Высокій Гость былъ съ визитомъ у всѣхъ иностранныхъ пословъ и затѣмъ уже возвратился въ Зимній дворець, гдѣ въ желтой гостинной запасной половины къ этому времени собрался весь иностранный дипломатическій корпусъ. Французскій посоль предсталъ Президенту сначала пословъ, а затѣмъ посланниковъ и прочихъ членовъ дипломатическаго корпуса. Послѣ дипломатическаго пріема Президентъ Форъ съ своей свитой пришелъ въ Гербовое зало; въ этомъ залѣ стали депутаціи отъ петербургскаго и московскаго дворянства, петербургскаго земства, городскихъ управленій Петербурга, Москвы, Новой Ладогы, Ораніенбаума, Луги, Шлиссельбурга, Гдова, Нарвы, Ямбурга, Колпинскаго посада, Новгорода и Кронштадта, петербургскихъ купеческаго и ремесленнаго общества и крестьянъ всѣхъ волостей Петербургскаго уѣзда. Каждая депутація держала въ рукахъ подношенія; между ними были: хлѣбъ-соль, братина, альбомы, адреса и икона. Депутатовъ представлялъ вошедшему въ Гербовое зало Президенту Фору министръ внутреннихъ дѣлъ, здѣсь же присутствовали петербургскіе губернаторъ, градоначальникъ и комендантъ. Во время ихъ представленія Президенту говорились депутатами привѣтственныя рѣчи. Президентъ благодарилъ всѣхъ за оказанную честь и вниманіе. Въ 7 часовъ вечера пріемъ окончился и Президентъ при восторженныхъ кликахъ „ура“ отбылъ изъ дворца во французское посольство, гдѣ ему представились депутаты отъ французскихъ колоній различныхъ городовъ Россіи.

13 августа Президентъ Форъ посѣтилъ Красное Сло. Во время состоявшагося Высочайшаго завтрака, Государь поднялъ бокалъ и обратился къ Президенту и представителямъ французской арміи со слѣдующими словами:

*„Я поднимаю бокалъ въ честь нашихъ сотоварищей доблестной арміи, которою Я былъ счастливъ любоваться въ Шалонъ и которой достойныхъ представителей Я радуюсь видѣть здѣсь“.*

Президентъ отвѣтилъ: „И въ Парижѣ, и на Альпахъ во время моего послѣдняго путешествія и наконецъ, въ Дюнкверхенѣ, когда я отплывалъ, чтобы принести привѣтъ Россіи и Ея Августѣйшему Государю, вездѣ французская армія выражала мнѣ единодушное желаніе, чтобы я повторилъ вновь русской арміи искреннія увѣренія въ ея задушевной дружбѣ. Съ восторгомъ и волненіемъ

выражаю Вашему Величеству эти увѣренія и прошу передать ихъ войскамъ Вашего Величества. Ихъ военныя доблести намъ давно были извѣстны; незабвенное зрѣлище, котораго мы только что были свидѣтелями, убѣдило насъ въ ихъ достоинствахъ, выносивости и въ ихъ могучемъ устройствѣ. Французская армія, которую Ваше Величество видѣли въ Шалонѣ, привѣтствуетъ издалека русскую армію и выражаетъ въ этотъ торжественный день чувства взаимнаго довѣрія и братства по оружію. Я подымаю бокаль въ честь Вашего Императорскаго Величества, Государыни Императрицы и Всея Августѣйшей Семьи. Отъ имени французской арміи пью армію русскую“. Ихъ Величества и Президентъ Форъ въ три часа отбыли въ Новый Петергофъ.

Въ Новомъ Петергофѣ вечеромъ въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ состоялся парадный обѣдъ въ честь французской эскадры.

Во время обѣда Государь сказалъ на французскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь:

*„Мнѣ въ высшей степени отрадно пить за процвѣтаніе французскаго флота среди его достойнѣйшихъ представителей. Я съ удовольствіемъ вспоминаю, что блестящая эскадра представлявшаяся въ Шербурѣ, положила начало въ ряду незабвенныхъ впечатлѣній, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ теченіе всего Нашего пребыванія во Франціи“.*

На этотъ тостъ Президентъ Форъ отвѣтилъ слѣдующими словами: „Я съ удовольствіемъ вижу еще разъ въ братскомъ единеніи представителей русскаго и французскаго флотовъ. Да позволитъ мнѣ Ваше Величество слить ихъ въ чувствѣ одинаковой любви. Я подымаю бокаль въ честь русскаго флота“.

14 августа Государь, Государыня Александра Ѳеодоровна, Президентъ, Великія Князья и Великія Княгини въ 11 час. утра отбыли на яхтѣ «Александрія» изъ Петергофа на Кронштадтскій рейдъ, гдѣ состоялся смотръ французской эскадры и завтракъ на „Rothuaan“ у Президента. Послѣ завтрака Государь, Государыня, Великія Княгини и Великіе Князья простились съ Президентомъ и всѣми французскими гостями. Загремѣлъ салютъ съ крѣпости, фортовъ, стоявшихъ на рейдѣ военныхъ судовъ; французская эскадра направилась въ море. Ихъ Величества на „Александрію“ отбыли обратно въ Петергофъ. Во время завтрака на „Rothuaan“ Президентъ обратился къ Ихъ Величествамъ съ слѣдующими словами: „Я благодарю Ваше Императорское Величество и Ея Величество Государыню Императрицу за столь милостивое согласіе посѣтить

одно изъ судовъ нашего флота. Я тѣмъ болѣе счастливъ, что это даетъ мнѣ возможность сказать Вашему Величеству подъ сѣнью нашихъ флаговъ, какъ я тронутъ гостепріимствомъ, оказаннымъ намъ Вашимъ Величествомъ и насколько мы благодарны русскому народу за великолѣпный пріемъ, который былъ оказанъ Президенту французской республики. Ваше Величество пожелали прибыть во Францію въ сопровожденіи русскихъ и французскихъ моряковъ: среди нихъ же я, глубоко тронутый, шлю Россіи прощальный привѣтъ. Французскій флотъ и русскій флотъ могутъ гордиться тѣмъ, что съ перваго же дня принимали участіе въ великихъ событіяхъ, послужившихъ началомъ къ тѣсной дружбѣ Франціи и Россіи. Они сблизили протягивавшіяся руки и дали возможность двумъ дружественнымъ и союзнымъ народамъ, руководимымъ однимъ общимъ идеаломъ цивилизаціи, законности и справедливости, соединиться какъ братья въ самомъ чистосердечномъ и искреннемъ объятіи. Я поднимаю бокалъ въ честь Вашего Величества и Ея Величества Государыни Императрицы въ минуту разлуки и прошу принять горячія пожеланія счастья Вашему Величеству и всей Царской Семлѣ. Отъ имени Франціи, я пью за величіе Россіи“.

Государь отвѣтилъ: *„Слова, съ которыми Вы только что обратились ко Мнѣ, господинъ Президентъ, находятъ живой откликъ въ Моемъ сердцѣ и совершенно соответствуютъ чувствамъ, которыя воодушевляюшъ какъ Меня, такъ и всю Россію. Я счастливъ, что Ваше пребываніе между Нами создаетъ новыя узы между нашими двумя народами, дружественными и союзными, одинаково рѣшившимися сдѣйствовать всѣми своими силами сохраненію всеобщаго мира, основаннаго на законности и справедливости. Позвольте Мнѣ благодарить Васъ за Ваше посѣщеніе, господинъ Президентъ, и осушить бокалъ въ честь Васъ и за процвѣтаніе Франціи“.*

«Рос. Тел. Аг.».

— По поводу пребыванія въ Россіи Президента французской республики Феликса Фора «Моск. Вѣд.» пишутъ слѣдующее. „На дняхъ вся Россія, начиная отъ Царя и кончая бѣднымъ крестьяниномъ, привѣтствовала прибывшаго къ намъ дорогого гостя—главу дружественной намъ націи—Президента Французской республики, г. Феликса Фора. Всѣ газеты, безъ различія направленій и взглядовъ, посвятили самыя горячія статьи и привѣты Высокому Гостю нашего Державнаго Вождя, но до сихъ

поръ нигдѣ еще не было упомянуто, что это высоко знаменательное посѣщеніе имѣетъ, кромѣ политическаго, и другое, не менѣе важное значеніе. Сближеніе двухъ могущественныхъ народовъ восточной и западной окраинъ Европы, составляющее прочное обезпеченіе европейскаго мира, безъ сомнѣнія, послужитъ, и отчасти уже послужило поводомъ къ проявленію добрыхъ религіозныхъ чувствъ во французскомъ католическомъ духовенствѣ. Враждебное положеніе, котораго католицизмъ, подѣ влияніемъ и давленіемъ римской курии, такъ давно и упорно держался относительно Православной Церкви, начало очевидно смягчаться, и, Богъ дастъ, не далеко то время, когда чувство взаимнаго уваженія, возникшее первоначально на почвѣ политической, превратится въ братскій союзъ и въ отношенія религіозномъ. Еще во дни братанія двухъ великихъ народовъ, когда самыми горячими выраженіями взаимнаго привѣта, дружбы и братства обмѣнивались представители Россіи и Франціи въ Кронштадтѣ, Тулонѣ и Парижѣ, которое глубоко проникло въ самую душу народовъ, духовенство обѣихъ церквей, которое болѣе чѣмъ кто-либо иной заключаетъ въ себѣ основу для единенія и мира, не осталось чуждымъ этому великому движенію. Хотя Россія и Франція принадлежатъ къ двумъ отдѣльнымъ церквамъ, имѣющимъ много недоразумѣній между собой, но въ сознаніи Русской Церкви всегда существуетъ убѣжденіе, что эти церкви—родныя сестры между собой, и она никогда не превращаетъ молитвъ своихъ о соединеніи ихъ между собой, чего нельзя сказать о католической церкви. Но вотъ, когда, въ 1893 году, союзъ двухъ народовъ, подавшихъ другъ другу руки дружбы, провозглашенъ былъ съ высоты Царскаго Престола Царемъ-Самодержцемъ, какъ союзъ мира на землѣ, Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ Европой, исчезъ, весь христіанскій цивилизованный міръ вздохнулъ свободно, у всѣхъ отлегло на душѣ, и французское духовенство стало приходить къ сознанію о единствѣ Церквей. Многіе римско-католическіе пастыри съ неподдѣльною сердечностью начали громко высказываться въ этомъ смыслѣ—желанномъ для всѣхъ. Вспомнимъ письмо каноника Аррасской епархіи и настоятеля церкви Св. Николая въ Булонѣ Жюнкэ (Jonquet) къ протопресвитеру придворнаго духовенства І. Л. Янышеву, переписку между генераломъ Е. В. Богдановичемъ и архіепископомъ города Парижа кардиналомъ Ришаромъ, напечатанныя въ свое время въ «Церк. Вѣст.», и тогда каждый можетъ убѣдиться, что франко-русское сближеніе не только оказало сильный толчекъ въ дѣлѣ

единенія церквей, но и благотворное вліяніе внутри самой Франціи, тѣмъ, что оно содѣйствовало возстановленію подобающаго обаянія французскаго духовенства въ глазахъ своего народа. Соперничество различныхъ партій во Франціи со времени франко-русскаго сближенія утратило свой черезчуръ острый характеръ, а участіе духовенства въ бывшихъ въ 1893 и 1896 гг. празднествахъ во Франціи, по поводу посѣщенія ея Русскими и Русскимъ Царемъ, возвратило подобающее ему мѣсто въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій. Давно, очень давно не было того, чтобы католическое духовенство было предметомъ такой почтительной предупредительности, какою пользовались римско-католическіе епископы во время русскихъ торжествъ въ Тулонѣ, Ліонѣ, Марселѣ и Парижѣ, и съ тѣхъ поръ отношенія духовенства къ французскому правительству стали замѣтно улучшаться. Примѣры уваженія, поданные не только русскими моряками, офицерами и солдатами, но даже и самимъ Русскимъ Царемъ при посѣщеніи Имъ въ прошломъ году Парижа, не прошли незамѣченными, и одинъ изъ французскихъ архіепископовъ, Гуть-Суларъ, тогда еще сказалъ про Русскихъ: „общеніе съ такимъ религіознымъ и вѣрующимъ народомъ сдѣлало насъ по крайней мѣрѣ болѣе склонными къ терпимости“. Другія лица высшаго духовенства во Франціи тоже высказывали, что послѣ франко-русскаго сближенія уваженіе къ духовенству значительно поднялось. По свидѣтельству каноника Жонкэ, „Франція, истинная Франція, глубоко проникнута христіанствомъ и молилась отъ всей души за Россію“. То же лицо писало протопресвитеру Янышеву: „Если бы Вашему Высокопреподобію случилось быть во Франціи, то я счелъ бы за величайшую честь и былъ бы какъ нельзя болѣе счастливъ принять Васъ и доказать Вамъ, какъ велика наша любовь къ нашимъ братьямъ—членамъ русскаго духовенства. Благоволите извѣстить окружающихъ Васъ о нашихъ чувствахъ и сообщить, что Россія на жизнь и смерть можетъ разчитывать на насъ“. Архіепископъ Парижскій кардиналъ Ришаръ, между прочимъ, писалъ: „что же касается меня, то со дня, въ который мы увѣнчали франко-русскія празднества торжественнымъ религіознымъ актомъ, я не переставалъ молить Бога о ниспосланіи благословенія на союзъ двухъ великихъ народовъ, чтобы, согласно обѣщанію Божественнаго Учителя въ Евангеліи, въ мірѣ было одно стадо и одинъ пастырь“. Прибавивъ къ этому, что все французское духовенство, о чемъ такъ ясно высказалъ епископъ Нимсскій, было поражено набожностью Русскихъ, не

трудно будетъ согласиться, что франко-русское соглашеніе можетъ оказать великую пользу духовенству Франціи, поднять упавшее тамъ уваженіе къ религіи и духовенству и оказать не малую заслугу и дѣлу единенія церквей. И теперь, когда взрывъ взаимныхъ привѣтовъ, вновь охватилъ представителей всѣхъ сословій, состояній, возрастовъ и половъ, остается только пожелать, чтобы французское католическое духовенство сплотилось воедино еще болѣе для сохраненія и распространенія въ своей средѣ того, что всегда и всюду было признаваемо христіанами за „единое на потребу“. И еслибы французскія сердца за это „единое на потребу“ бились такъ же пламенно и дружно, какъ это обнаруживается въ настоящія празднества подъ вліяніемъ національныхъ и патриотическихъ стремленій, то какія произошли бы неисчислимыя блага, какой несокрушимый миръ установился бы между Франціей и Россіей? Нельзя не пожелать, чтобы скорѣе настало то золотое время, когда Французскій народъ присоединился бы къ Русскому, дабы въ общей молитвѣ перелъ Святымъ Алтаремъ и „единымъ сердцемъ и едиными устами“ возблагодарить Бога за это братство во Христѣ!“

— 19 августа Государь и Государыня посѣтили г. Варшаву Императорскій поѣздъ подошелъ къ платформѣ въ 4 час. 55 м. веч. Музыка заиграла встрѣчу. Государь Императоръ былъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка и бѣлой фуражкѣ. Выйдя изъ вагона, Государь принялъ рапортъ и обошелъ фронтъ почетнаго караула подъ звуки гимна. На лѣвомъ флангѣ Государь, принявъ ординарцевъ, подошелъ къ городской депутаціи. Президентъ города поднесъ Его Величеству хлѣбъ-соль, сказавъ при этомъ привѣтствіе. Послѣ приема депутаціи на вокзалѣ и начальствующихъ лицъ, Ихъ Величества, сѣвъ въ открытый экипажъ, при восторженныхъ кликахъ, при пѣніи и звукахъ гимна и Императорскомъ салютѣ съ Варшавскихъ укрѣпленій отбыли съ вокзала въ Лазенковскій дворецъ. Изъ православныхъ соборовъ на встрѣчу Ихъ Величествамъ вышло духовенство съ хоругвями, крестами и иконами. При проѣздѣ Ихъ Величествъ отъ вокзала до дворца ликованіе народа было необычайное. Вечеромъ во всѣхъ улицахъ Варшавы была зажжена художественная иллюминація. Многотысячныя толпы народа гуляли по иллюминированнымъ улицамъ, стягиваясь къ Лазенковскому дворцу, гдѣ хоровое общество Варшавы „Лютню“ съ Калишскимъ гребнымъ обществомъ устроили на Дворцовомъ пруду серенаду: сидя на

веслахъ гребцы стройно пѣли, сотни огней красиво переливались въ зеркальной поверхности озера; всѣ суда были залпты яркимъ свѣтомъ бенгальскихъ огней. Государь благодарилъ всѣхъ участниковъ за этотъ праздникъ. 20 августа въ десятомъ часу утра Государь и Государыня въ сопровожденіи Великихъ Князей Владиміра Александровича, Павла Александровича и лицъ свиты прибыли въ кафедральный соборъ Троицы. Въ соборѣ собрались воспитанницы и воспитанники среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Варшавы; при входѣ въ соборъ Ихъ Величества были встрѣчены архіепископомъ Варшавскимъ и Холмскимъ, высокопреосвященнымъ Флавіаномъ съ архимандритами и соборнымъ духовенствомъ. Архіепископъ привѣтствовалъ Ихъ Величества рѣчью. Ихъ Величества въ соборѣ прослушали молебствіе съ Царскимъ многолѣтіемъ. Послѣ посѣщенія Троицкаго собора, Ихъ Величества проѣхали къ строящемуся собору Александра-Невскаго. Осмотрѣвъ соборъ, Ихъ Величества при ликованіяхъ народа проѣхали на Мокотовское поле, гдѣ выстроились войска 43, 44, 48 резервныхъ пѣхотныхъ бригадъ и 20-я батарея конной артиллеріи. Послѣ осмотра Ихъ Величества проѣхали въ Лазенковскій дворецъ, гдѣ состоялся Высочайшій завтракъ. Въ Лазенковскомъ дворцѣ въ 4 часа дня собрались для представленія Государю и Государынѣ духовныя лица, придворныя, гражданскіе чины, иностранныя генеральныя консулы и члены комитета по сбору пожертвованій на учрежденіе благотворительнаго заведенія въ ознаменованіе посѣщенія Ихъ Величествами Варшавы. Во главѣ послѣдней находился маркизъ Велепольскій, который прочелъ рѣчь, гдѣ передалъ, что населеніе собрало милліонный капиталъ, съ цѣлью ознаменовать благотворительнымъ дѣломъ пріѣздъ Ихъ Велиществъ въ Варшаву.

Государь соизволилъ отвѣтить на иривѣтственную рѣчь председателя комитета:

*» Отъ имени Императрицы и Моего выражаю вамъ, господа, Нашу искреннюю благодарность за тотъ щедрый даръ, участіе въ которомъ приняли все слои польскаго населенія и за чувства преданности, о которыхъ вы Намъ заявили; Я вѣрю въ искренности ихъ. Вчера Мы были глубоко тронуты горячимъ пріемомъ, оказаннымъ Намъ здѣсь. Встрѣча Варшавы оставитъ въ насъ самое отрадное воспоминаніе о Нашемъ первомъ посѣщеніи ея. Еще разъ сердечно благодарю васъ, господа!«*

21-го августа въ 9 часовъ утра Государь съ Великимъ Князья-

ив Владиміромъ Александровичемъ, Павломъ Александровичемъ, Николаемъ Николаевичемъ, Михаиломъ Николаевичемъ, военнымъ министромъ, управляющимъ министерствомъ Императорскаго двора и лицами свиты, при восторженныхъ кликахъ собравшагося народа отбылъ въ Новогеоргіевскъ. Послѣ осмотра укрѣплений Государь съ особами Императорской Фамиліи прослѣдовалъ въ Императорскіе покои, гдѣ состоялся Высочайшій завтракъ. Послѣ завтрака Государь съ Великими Князьями отбылъ въ укрѣпленіе Зегрежъ. Государь подробно осмотрѣлъ укрѣпленія, затѣмъ отбылъ обратно въ Варшаву. По всему пути слѣдованія Его Величества отъ вокзала до Лазенковскаго дворца стояли несмѣтныя толпы восторженно привѣтствовавшаго народа. Государыня 21 августа посѣтила общину Краснаго Креста, благотворительное общество, приютъ Младенца Іисуса, институтъ глухо-нѣмыхъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ; по пути слѣдованія стояли толпы народа; дѣти пути Государыни усыпали цвѣтами. Осмотрѣвъ всѣ эти учрежденія, Государыня возвратилась въ Лазенковскій дворецъ. 22-го августа утромъ Государь съ Великими Князьями осматривалъ всѣ варшавскія укрѣпленія. Послѣ осмотра Государемъ варшавскихъ укрѣплений Ихъ Величества посѣтили Уздовскій военный госпиталь. Послѣ высочайшаго завтрака въ Лазенковскомъ дворцѣ Ихъ Величества проѣхали въ католическій костелъ св. Александра: навстрѣчу вышелъ архіепископъ Поппель съ епископами и многочисленнымъ духовенствомъ; собравшаяся публика восторженнымъ образомъ привѣтствовала Ихъ Величествъ, многія изъ дамъ усыпали Царскій путь цвѣтами. Послѣ посѣщенія костела св. Александра Ихъ Величества посѣтили Маріинскій дѣвичій институтъ и затѣмъ проѣхали въ офицерскій лазаретъ общества Краснаго Креста; предъ отъѣздомъ въ Лазенковскій дворецъ Ихъ Величества посѣтили классическія мужскія гимназіи. 23 августа Ихъ Величества съ Великими Князьями Владиміромъ Александровичемъ, Павломъ Александровичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ отбыли изъ Варшавы къ платформѣ, устроенной на шоссе между ставціями Лапы и Бѣлостокъ. Проводить Ихъ Величествъ на вокзалѣ собралось все высшее общество Варшавы; несмотря на ранній часъ, улицы были полны народа, который провожалъ Ихъ Величествъ нескончаемыми кликами „ура“. Въ 9 ч. утра Императорскій поѣздъ тронулся въ районъ большихъ маневровъ. Послѣ завтрака въ вагонѣ Ихъ Величествъ на ст. Лапы сѣли

въ экипажъ и прослѣдовали на маневры у деревни Старой Лупянки. По окончаніи маневра Ихъ Величества отбыли въ Бѣлостокъ.

«Рус. Тел. Аг.»

— Первое засѣданіе бывшаго въ городѣ Казани съѣзда миссіонеровъ происходило, какъ сообщаютъ «Цер. Вѣд.», 22-го іюля, въ 7 часовъ вечера, въ присутствіи преосвященнаго Владиміра, епископа Оренбургскаго, и Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, сенатора В. К. Саблера. По открытіи засѣданія молитвою Святому Духу, съѣздъ утвердилъ намѣченныхъ имъ наканунѣ должностныхъ лицъ въ ихъ званіяхъ—ректора академіи архимандрита Антонія—предсѣдателемъ съѣзда, заслуженнаго профессора Н. И. Ивановскаго и профессора богословія въ Харьковскомъ университетѣ протоіерея Т. И. Буткевича—товарищами предсѣдателя, редактора журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» В. М. Скворцова—секретаремъ съѣзда, Донскаго епархіальнаго миссіонера священника Н. Кутепова и преподавателя Рязанской духовной семинаріи П. Добромыслова—помощниками секретаря съѣзда. В. К. Саблеръ, взоидя на кафедру, далъ совѣтъ съѣзду принимать во вниманіе постановленія и двухъ предшествовавшихъ съѣздовъ въ Москвѣ, дополняя то, что было тогда опущено, и исправляя тѣ мѣропріятія, которыя почему-либо мало достигали цѣли,—такъ, чтобы впослѣдствіи всѣ три съѣзда можно было разсматривать совмѣстно, какъ одно органическое цѣлое. Сказавъ это онъ уступилъ свое мѣсто товарищу предсѣдателя съѣзда, заслуженному профессору академіи Ивановскому, который, поблагодаривъ съѣздъ за довѣріе и высказавъ всю важность возложенныхъ на него обязанностей, открылъ совѣщенія съѣзда рѣчью о существенныхъ задачахъ и характерѣ миссіонерскаго съѣзда. По окончаніи рѣчи, на кафедру взошелъ секретарь съѣзда, издатель журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» В. М. Скворцовъ. Въ обстоятельной рѣчи онъ развилъ мысль о государственномъ вредѣ сектантства, оживляя и иллюстраціями изъ жизни сектантовъ. Раскрытіе этой стороны особенно важно въ томъ отношеніи, что люди свѣтскіе какъ-то мало сознаютъ тотъ общественный вредъ, какой происходитъ отъ разнообразныхъ сектъ съ оттѣнкомъ соціализма, хотя и на религіозной почвѣ; напротивъ, они видятъ въ нихъ нѣчто болѣе высокое, благотворное и потому симпатичное. По окончаніи его рѣчи, профессоръ Ивановскій, занявъ свое мѣсто, ознакомилъ съѣздъ съ вопросами, которые предстояло рѣшить съѣзду; при этомъ онъ пояснилъ смыслъ и

практическое значеніе каждаго вопроса, или ряда вопросовъ. Всѣ вопросы приведены въ систему и освѣщаютъ задачи съѣзда съ тѣхъ сторонъ, какія онъ указалъ въ своей рѣчи. Окончивъ свои объясненія, онъ спросилъ членовъ съѣзда, угодно-ли будетъ съѣзду принять составленные вопросы и обсуждать ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они изложены. Съѣздъ изъявилъ свое полное согласіе. По порученію членовъ съѣзда, другой товарищъ предсѣдателя, протоіерей Буткевичъ, взоиди на кафедру, выразилъ Товарищу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблеру глубокую отъ всѣхъ миссіонеровъ благодарность за его живую отзывчивость къ миссіонерскому дѣлу, доброту и ласку-въ отношеніи ко всѣмъ миссіонерамъ. Знаменательный день 22-го іюля былъ большимъ миссіонерскимъ праздникомъ. Много разъ раздавалось «Многая лѣта» Государю Императору съ Августѣйшею Супругою Государынею и Августѣйшей Императрицею и высокими покровителямъ и ревнителямъ миссіонерскаго дѣла.

— Епархіальными преосвященными, мѣстными миссіонерскими учрежденіями и братствами, при содѣйствіи приходскаго духовенства, постепенно увеличиваются средства и способы религіознаго просвѣщенія мѣстнаго населенія. Давно испытанное въ сибирскихъ, миссіяхъ и оказавшееся весьма полезнымъ учрежденіе такъ наз. походныхъ священниковъ начинаетъ вводиться, гдѣ нужно, и въ Европейской Россіи. Нынѣ, по словамъ «Цер. Вѣст.», екатеринбургск. епархіальнымъ начальствомъ учреждается походный причтъ для приходовъ сѣверной окраины верхотурскаго уѣзда. Согласно ходатайству екатеринбургскаго комитета миссіонерскаго общества, въ кругъ обязанностей этого причта включено недавно посѣщеніе имъ вогульскихъ юртъ и селеній, въ которыхъ находятся миссіонерскія школы, для совершенія богослуженій, исполненія требъ и вообще для удовлетворенія духовнонравственныхъ потребностей вогуль, за особое вознагражденіе отъ комитета. О своихъ посѣщеніяхъ вогуль причтъ долженъ представлять комитету подробные отчеты.

— Миссіонерское служеніе вездѣ болѣе или менѣе трудно и исполнено разнаго рода опасностей, но въ Китаѣ провозвѣстникомъ Евангелія по временамъ, въ дни народныхъ возбужденій, положительно приходится дрожать за свою жизнь. Недавно такое именно возбужденіе, какъ сообщаетъ «Цер. Вѣст.», возникло въ китайскомъ городѣ Тянциниѣ. Ближайшимъ поводомъ къ возбужденію этому послужили кражи дѣтей въ городѣ. Кражи дѣтей въ сущности производятся здѣсь каждую весну. Занимаются этимъ люди, привозящіе съ юга рисъ.

Они ищутъ купить дѣтей, но не задумываются и украсть ихъ. Увозится этотъ товаръ въ Каптонъ, гдѣ ему главный рынокъ. Болѣе образованные китайцы все это отлично знаютъ, но не мѣшаютъ народу приписывать кражи миссіонерамъ, которыхъ они ненавидятъ. Кражи дѣтей были всегда предлогомъ для нападеній на европейцевъ, настоящею причиною которыхъ были ненависть высшихъ классовъ къ миссіонерамъ и желаніе черни грабить. Предварительно передавались разные рассказы, которымъ вѣрили не только простой народъ, но и болѣе образованные и имѣющіе дѣла съ европейцами китайцы. Рассказывали, напр., что миссіонеры, увиди подходящаго ребенка, выливаютъ на его голову нѣсколько капель какой-то воды, и ребенокъ слѣдуетъ добровольно за похитителемъ, не слушаясь болѣе ни знакомыхъ, ни родителей, и даже не узнавая ихъ. Нашлись конечно люди, которые видѣли, какъ миссіонеры вводили такимъ образомъ дѣтей. Были напечатаны прокламаціи, призывающія народъ къ истребленію р.-католиковъ, а въ результатѣ—совершенно нѣсколько убійствъ ни въ чемъ неповинныхъ китайцевъ. Одинъ китаецъ-католикъ шелъ по улицѣ, а позади него шелъ мальчикъ лѣтъ десяти. Имъ на встрѣчу попалась возбужденная толпа, которая накинулась на китайца съ крикомъ: „вотъ воръ дѣтей, мы поймали его съ полчинымъ, онъ приворожилъ къ себѣ мальчика“. Китаецъ посоветовалъ толпѣ спросить мальчика куда онъ идетъ: толпа такъ и сдѣлала, но мальчикъ вспугнулся и не могъ вымолвить ни слова. Это дало поводъ толпѣ думать, что мальчикъ зачарованъ, и толпа закричала: „надо посмотрѣть, нѣтъ ли у него на головѣ католическаго креста, поставленнаго масломъ“. Толпа сильно желала увидѣть этотъ крестъ—и конечно увидѣла. Тогда китаецъ, на бѣду оказавшійся прислужникомъ рим. католическаго монастыря, былъ схваченъ и отведенъ въ полицію. Тамъ его допросили, но сейчасъ же выпустили, сказавъ толпѣ: „коли хотите, допрашивайте его сами, а мы считаемъ его невиннымъ“. Тогда толпа приступила къ допросу, а потомъ распоролъ ему животъ. Одинъ изъ зрителей, пораженный этою казнью, побѣжалъ изъ толпы; его схватили, признали соучастникомъ и распоролъ животъ и ему. Мандарины и богатые китайцы смотрѣли на всѣ эти безпорядки въ китайскомъ городѣ очень спокойно, видя, что они направлены противъ европейцевъ. Но недавно положеніе измѣнилось. Стали ходить слухи, что безпорядки поддерживаются, даже происходятъ отъ тайнаго общества Бей-ляве-дзіау, которое, какъ говорятъ, имѣетъ больше

50.000 членовъ. Про это общество очень мало извѣстно, но оно преслѣдуется правительствомъ и наказываются смертью тѣ, о комъ докажутъ, что они состоятъ членами его. Одно извѣстно, что общество состоитъ изъ людей недовольныхъ, несостоятельныхъ, и что главная цѣль его—производить безпорядки, бунты противъ правительства и грабить гдѣ только можно. Вслѣдствіе этого богатые китайцы теперь очень беспокоятся, какъ бы не добрались до нихъ, что во всякомъ случаѣ было бы выгоднѣе, чѣмъ нападать на миссіонеровъ.

— Въ религіозно-нравственномъ трудѣ, въ томъ его объемѣ, какой намѣчается потребностями новаго времени, принимаютъ нынѣ довольно живое участіе или готовы принять такое участіе, кромѣ духовенства, многіе изъ мірянъ, притомъ не только въ центрахъ епархіальной жизни, но и въ дали отъ нихъ. Вслѣдствіе этого въ большемъ, чѣмъ прежде, числѣ образуются нынѣ братства въ селахъ. Такъ въ одномъ изъ селъ полтавской епархіи недавно открылось такъ называемое сестричное братство, которое вскорѣ же по своемъ открытіи оказало, по сообщенію мѣстныхъ енарх. вѣдомостей, весьма благотворное вліяніе на религіозную жизнь прихода. Въ другомъ селѣ той же епархіи въ прошломъ маѣ открыто братство, которое будетъ руководствоваться правилами, составленными совѣтомъ полтавскаго Свято-Макарьевскаго братства для церковно-приходскихъ братствъ епархіи. Затѣмъ при епархіальныхъ братствахъ образуются или проектируются и признаются необходимыми отдѣленія братствъ, по образцу и примѣру уже существующихъ отдѣленій. Такія отдѣленія, по сиравкѣ, сдѣланной въ «Вятск. Е. В.», существуютъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ—въ значительномъ количествѣ, именно: во владимірской 28 (6 въ городахъ и 22 въ селахъ), калужской—14, камчатской—4, кишиневской—1, нижегородской—20, олонецкой—6, оренбургской—5, подольской—1, полтавской—23, рижской—9, с.-петербургской—4, симбирской—1, тамбовской—12, тобольской—при каждой приходской церкви, томской—8, черниговской—4.

— Въ послѣдніе годы значительно усилилось и съ теченіемъ времени больше и больше усиливается стремленіе распространять въ сельскомъ и деревенскомъ населеніи правильныя религіозно-нравственныя понятія путемъ печати. Весьма усердно взялись за это дѣло нѣкоторыя наши братства, съ стоящими во главѣ ихъ епархіальными преосвященными. При этомъ имѣются въ виду и миссіонерскія цѣли. Такъ, по сообщенію «Тобол. Епарх. Вѣд.», преосвященный тобольскій Агаѳангелъ намѣренъ ходатайствовать

о дозволеніи типографіи тобольскаго енарх. братства печатать противораскольническіе листки славянскимъ шрифтомъ, для чего типографіей уже приобрѣтенъ четкій славянскій шрифтъ. Въ екатеринбургской енархіи совѣтъ церковнаго братства св. Симеона верхотурскаго чудотворца, съ согласія еп. власти, какъ сообщается въ енарх. журналѣ пригласилъ священниковъ енархіи оказать содѣйствіе дѣлу енархіальной миссіи составленіемъ (независимо отъ шести обязательныхъ) еще другихъ проповѣдей или брошюръ въ обличеніе ученія раскольниковъ и сектантовъ съ тѣмъ, чтобы эти проповѣди, по разсмотрѣніи совѣтомъ братства, въ случаѣ ихъ пригодности, были печатаемы на братскія средства и потомъ бесплатно раздавались народу. То же братство, имѣя въ виду организовать при церквахъ продажу книжекъ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія, для противодѣйствія распространенію въ народѣ книжекъ съ легкимъ или вреднымъ содержаніемъ, заявило на дняхъ, съ согласія енархіальнаго преосвященнаго, что религіозно-нравственныя брошюры и листки могутъ быть приобрѣтаемы отъ братства на церковныя средства съ обязательствомъ возвращенія этихъ денегъ, по мѣрѣ распродажи книгъ, къ своему источнику, или же, при неимѣніи церковныхъ средствъ, могутъ быть предоставляемы братствомъ на комиссію, подъ отвѣтственностью всѣхъ членовъ причта, впрочемъ на сумму лишь не свыше 20 руб. Причты всѣхъ церквей екатеринбургской енархіи не позже 1 января будущаго года обязаны заявить совѣту братства объ ихъ желаніи или нежеланіи принять на себя указанный трудъ.

— Рациональное хозяйство, въ частности садоводство, во многихъ приходахъ всегда было однимъ изъ средствъ улучшенія матеріальнаго быта духовенства. Развитие сельскаго хозяйства весьма желательно по многимъ причинамъ. Къ сожалѣнію, тормазомъ этого развитія всегда служило и служитъ то обстоятельство, что члену причта часто приходится не продолжать дѣло своего предшественника, а начинать его сначала, иногда послѣ многихъ годовъ послѣ поступленія его на мѣсто. Трудъ устраненія этого тормазы развитія сельскаго хозяйства взяло на себя, по словамъ «Тул. Еп. Вѣд.», Тульское енархіальное начальство. Оно, усматривая изъ производящихся въ консисторіи дѣлъ о раздѣлѣ мѣстныхъ средствъ содержанія причтовъ енархіи, что растущія на церковныхъ усадьбахъ деревья, въ томъ числѣ и фруктовыя, при перемѣнахъ въ составѣ причта, т. е. по случаю смерти или перехода въ другой приходъ того или другаго члена причта, вслѣдствіе не-

послѣдовавшаго добровольнаго соглашенія владѣльца съ преемникомъ относительно цѣны, а иногда даже по одному капризу владѣльца, нерѣдко подвергаются вырубкѣ въ ущербъ сельскому хозяйству, и находятъ подобныя дѣйствія со стороны членовъ причта нецѣлесообразными и неполезными для хозяйства, въ цѣляхъ пресѣченія на будущее время таковыхъ дѣйствій и улучшенія хозяйственнаго положенія духовенства, опредѣленіемъ отъ 17 сего іюня, постановило: вмѣнить (и вмѣняется) въ обязанность всѣмъ членамъ причтовъ епархіи, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ, при перемѣщеніи въ другіе приходы или какихъ либо другихъ перемѣнахъ въ составѣ причта, сами не рубили и не продавали стороннимъ лицамъ на срубъ растущихъ на состоявшихъ въ ихъ пользованіи церковныхъ усадьбахъ деревьевъ, а продавали таковыя только своимъ преемникамъ по цѣнѣ, установленной оцѣночною комиссіею, или же по добровольному соглашенію.

— «Волыц. Еп. Вѣд.» сообщаютъ, что 22-го іюня происходила закладка зданія семинаріи въ г. Житомирѣ, Волынской епархіи. На торжествѣ закладки мѣстнымъ преосвященнымъ была сказана рѣчь, въ которой онъ, между прочимъ, коснулся прошлаго семинаріи. „Много духовныхъ плодовъ, — сказалъ преосвященный, — принесла для Волыни Волынская православная духовная семинарія. Находясь на окраинѣ Волыни, она въ продолженіе ста лѣтъ дала краю много достойныхъ и образованныхъ пастырей, учителей и дѣятелей на пользу служенія св. церкви и отечеству. Ея историческія заслуги достойно оцѣнены и цѣнятся въ отечественной церкви. Самое предположенное перемѣщеніе ея въ губернскій городъ есть знакъ высокаго вниманія духовнаго начальства и общества къ ея заслугамъ“.

## О Б ъ Я В Л Е Н І Я

Открыта подписка на новый журналъ

### ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ „ЖИЗНЬ“.

Журналъ будетъ выходить съ 1 Января 1897 г. въ С.-Петербургѣ три раза въ мѣсяцъ (1, 11 и 21) книгами большого формата in 8<sup>o</sup> въ 10—12 печ. листовъ (160—200 стр.) каждая. Въ программу журнала войдутъ слѣдующіе отдѣлы: I. Романы, повѣсти, рассказы (преимущественно русскихъ авторовъ) стихотворенія и пр. II. Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія и искусства, въ популярномъ изложеніи. III. Статьи по общественнымъ вопросамъ. IV. Критика и библиографія. V. Русская жизнь. VI. Заграничная жизнь. VII. Театръ. Музыка. Живопись. VIII. Смѣсь. Подписная цѣна за годовое изданіе „ЖИЗНИ“, состоящее изъ тридцати шести книгъ СЕМЬ рублей съ доставкой и пересылкою. За границу 7 р. золотомъ. При обращеніи непосредственно въ контору „Жизни“ (С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30) допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р. къ 1 Апрѣля 2 р. и къ 1 Юля остальные. По особому соглашенію съ конторой допускается разсрочка на болѣе льготныхъ условіяхъ (отъ 1 р. ежемѣсячно) КОНТОРА РЕДАКЦИИ С.-Петербургъ. Ковенскій пер., д. № 30.

Редакторъ-Издатель С. В. Воейковъ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

# ПРАВОСЛАВНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО

Сочиненіе Д-ра Богословія, Епископа Далматинскаго

**НИКОДИМА**

ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕРБСКАГО ЯЗЫКА НА РУССКІЙ

**М. Т. Петровича.**

ИЗДАНИЕ В. В. КОМАРОВА.

*ЦѢна 3 рубля.*

Складъ изданія при типографіи В. В. Комарова. Спб., Невскій, 136. Продажа производится въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ газеты „Свѣтъ“ и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Этотъ ученый трудъ былъ изданъ въ 1890 году на сербскомъ языкѣ епископомъ Далматіи Никодимомъ, и въ его предисловіи указывается— какое значеніе имѣетъ это изданіе для науки „церковнаго права“. „До настоящаго времени еще ни на одномъ языкѣ не существуетъ книги, въ которой обстоятельно излагалось бы право, дѣйствующее нынѣ въ православной церкви, иначе сказать, въ которой были бы систематически изложены законы, какъ обязательные для православной церкви, такъ и дѣйствующіе въ частныхъ, нынѣ существующихъ церквахъ, имѣющихъ свое самостоятельное управленіе. Отсутствие такой книги замѣтно чувствуется повсюду и особенно ощутительно для лицъ, преподающихъ науки православнаго церковнаго права въ учебныхъ заведеніяхъ“... Эта первая попытка представить „православное церковное право“, какъ оно есть, была встрѣчена сочувственно такими представителями науки церковнаго права, какъ гг. Н. Суворовъ, Г. А. Воскресенскій, И. С. Пальмовъ и друг.

Книга профессора богословія Никодима отличается тѣмъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ, который дается только серьезно ученымъ людямъ, согрѣтымъ чувствомъ любви къ человѣчеству и воспитаннымъ на глубокой вѣрѣ христіанина. Надо имѣть обширный интересъ къ явленіямъ православно-церковной жизни во всѣхъ странахъ вселенной,—гдѣ только теплится эта жизнь, надо искренне и сильно быть преданнымъ православію, чтобы написать сочиненіе, подобное церковному праву преосвященнаго Никодима. Онъ первый изъ православныхъ канонистовъ сдѣлалъ попытку окинуть взоромъ всю православную церковь въ современномъ ея положеніи. Онъ первый предпринялъ трудъ въ сравнительно сжатомъ очеркѣ изложить источники права, устройство и дисциплину всѣхъ помѣстныхъ самоуправляющихся православныхъ церквей, а именно: Цареградской, Александрійской, Антиохійской, Іерусалимской, Русской, Кипрской, Карловацкой, Синайской, Черногорской, Новогреческой, Сабинской, Буковинно-Далматинской, Сербской, Румынской и Болгарской.

# ОРИГИНАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

на 2,200 ЛѢТЪ.

Только что вышло въ свѣтъ новое изобрѣтеніе Дч. М. Глубоковскаго: „Указатель дней недѣли“, замѣняющій собою календарь за время отъ Рожд. Христ. до 2,200 года, по обоимъ стилямъ.

Вотъ отзывъ органа Сиб. Духовной Академіи Церковнаго Вѣстника (1897 г., № 22, отъ 29 мая, стр. 704—705): Въ послѣднее время много и усиленно записываются вопросамъ о календарѣ; но свѣдѣнія по этому предмету, видимо не тверды настолько, что и свѣдущіе люди ошибаются... Поэтому, всегда и вслѣдствіи полезное, вышеназванное изданіе является особенно желаннымъ, тѣмъ болѣе, что оно отличается чрезвычайными достоинствами.

Авторъ имѣетъ въ виду облегчить хронологическія справки, сдѣлать ихъ быстрыми, легкими и безошибочными и достигаетъ всего этого съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Прежде всего, весь матеріалъ умѣщенъ на одномъ цвѣтномъ, прекрасно отпечатанномъ листѣ, наклеенномъ на плотный картонъ. На немъ ряды цифръ (для сотенъ и десятковъ годовъ, для чиселъ мѣсяцевъ и самые мѣсяцы) въ клеткахъ концовъ четвероконачнаго креста и въ среднѣй его вращающійся кружокъ (съ обозначеніемъ дней недѣли): стоитъ повернуть его дважды (по самому простому способу, растолкованному авторомъ), — и у васъ прямо получается опредѣленный отвѣтъ. Тутъ не требуется ни вычисленій, ни даже предварительныхъ знаній (кромѣ умѣнья разбирать печатныя цифры и буквы) и все совершается съ механическою моментальностью. Однако, справки всегда бываютъ безошибочно точны, ибо „Указатель“ построенъ по безспорной математически-хронологической системѣ. Что касается объема его дѣйствій, то онъ простирается и на старый и на новый стиль, и на простые, и на високосные годы, различіе коихъ отмѣчается съ тою же наглядностію. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ и приложеніяхъ можно производить прямыя дѣйствія (узнавая по числу мѣсяца въ году день недѣли) и обратныя (находя по дню мѣсяца въ году или по дню въ году нужныя числа), и совершать многія иныя хронологическія операціи и комбинаціи. Справки отличаются еще тѣмъ, что Указатель устроенъ чрезвычайно удобно, такъ что даже для вращенія кружка приспособлена шелковая лента, а весь онъ можетъ быть поставленъ на столъ или повѣшенъ на стѣнѣ и будетъ хорошимъ украшеніемъ для всякаго, — и дѣловаго, и изыскаго, кабинета... Польза и всеобщая пригодность этого Указателя совершенно очевидны, и мы напомнимъ только, что онъ избавляетъ духовенство отъ массы непродуцательнаго труда и даетъ ему въ руки вѣрное ручательство безошибочности всякихъ вычисленій съ выигрышемъ во времени... Равнымъ образомъ, онъ безусловно пригоденъ для школъ и т. д. Мы сами провѣряли абсолютную точность всѣхъ показаній разсматриваемаго календаря и можемъ рекомендовать его категорически. (Церк. Вѣстп. № 22).

Московскія Вѣдомости (№ 138, отъ 21 мая) въ заключеніе дѣстнаго отзыва объ Указателѣ дней недѣли, дающаго возможность простымъ поворотомъ круга безъ всякихъ вычисленій, узнавать въ точности, на какой день недѣли приходится какое либо число года, пишутъ: Чрезвычайная простота и практичность Указателя служатъ достаточнымъ ручательствомъ успѣха этого полезнаго въ домашнемъ обиходѣ изданія.

„Указатель дней недѣли“ стоятъ съ пересылкой и папкѣ одинъ рубль.

Адресовать требованія: Москва. Журналу „Дѣло“ (Самотецкая Садовая, домъ № 245).

Тамъ же можно получить и Стѣнной Указатель Погоды (высылается за три 7 коп. почт. марки).

Кто и съ какого времени завѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого поступило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступило въ возна-гражденіе учащимъ?	Число жителей въ приходѣ обоего пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвователей.		Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содержаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ въ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Священникъ Іоаннъ Бѣлоусовъ, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, со степенью студента, съ 1886 года, обучаетъ псаломщикъ Митрофанъ Феодоровъ, со 2 класса духовной семинаріи, съ 1894 года 20 декабря.						25			22 р. отъ Яремовскаго общества.	2610		
Завѣдуетъ со времени открытія протоіерей Іоаннъ Левандовскій, обучаютъ Закону Божію священникъ Николай Клаустинъ, студентъ семинаріи, прочимъ предметамъ псаломщикъ Василій Коробчанскій, съ 1 класса духовной семинаріи, и Михаилъ Волкинъ, со 2 класса духовной семинаріи; оба имѣють свидѣтельство на званіе учителей.						62 р. 72 к.		Израсходовано 18 р. осталось 44 р. 72 к.		6485		18
Завѣдуетъ и преподаетъ Закону Божію священникъ Феодоръ Приходьковъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, обучаетъ Петръ Коваленко, изъ народной школы.			25						Отъ церкви 25 рублей.	2874		7
Со времени открытія завѣдуетъ священникъ Александръ Станковъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; обучаетъ съ 1894 года, мѣстный діаконъ Тихонъ Платоновъ, окончившій курсъ духовнаго училища.			2					Израсходовано 2 руб. остатка нѣтъ.		3678		
Съ 1887 года завѣдуетъ и преподаетъ Законъ Божій священникъ Василій Жуковскій, окончившій курсъ духовной семинаріи; обучаетъ со времени открытія мѣстный діаконъ и псаломщикъ Василій Сѣицковъ, изъ средняго отдѣленія духовной семинаріи.						4 р. 71 к.	15					1722
Завѣдующій и законоучитель священникъ Арсеній Лонгиновъ, съ декабря 1895 года, изъ 3 клас. духовной семинаріи; обучаетъ кр. Іосифъ Литвиновъ, съ декабря 1895 года, окончившій курсъ народной школы.			30				11 р. 50 к.	Израсходовано 41 р. 50 к. безъ остатка.	Отъ церкви и отъ платы за ученіе 40 руб.	1934		

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.						Число оконченыхъ курсъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библиотеки.	Кто и съ какою преміи состоятъ попечителемъ или почительницею школы?			
			Въ томъ числѣ.		Мальчишковъ.	Дѣвочекъ.	Православнаго исповѣдан.	Католическаго.					Лютеранскаго.		
			Съ свид. на льготу.	Безъ свид. на льготу.											
263	Волосско-Балаклеяской, въ слоб. Волосской-Балаклеяской, съ 1 октября 1894 года	Въ наемной избѣ, неудобной для школьныхъ занятій	28	5	23	—	—	—	—	—	6	62	1	—	
264	Гусинская, въ слободѣ Гусинскѣ, съ 5 октября 1894 г.	Въ собственномъ зданіи, удобномъ.	20	4	16	—	—	—	—	—	—	60	3	—	
265	Двурѣчанская, въ слободѣ Двурѣчанской, съ 1 февр. 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной.	17	3	14	—	—	—	—	—	—	65	3	—	
266	Дружелюбовская, въ слоб. Дружелюбовскѣ, съ 1 октября 1894 года.	Въ церков. сторожкѣ, неудобной.	9	2	7	—	2	—	—	—	—	60	4	—	
267	Кабанская, въ слободѣ Кабанской, при Вознесенской церкви, съ 1 марта 1894 года.	Въ церковномъ домѣ, неудобномъ.	15	—	15	—	—	—	—	—	—	70	19	—	
268	Кабанская, въ слободѣ Кабанской, при Преображенской церкви, съ 18 сентября 1894 года.	Въ церковн. сторожкѣ, очень неудобной.	15	1	14	—	—	—	—	—	5	70	—	—	
269	Наменская, въ слободѣ Каменскѣ, съ 3 октября 1894 г.	Въ церковн. сторожкѣ, удобной.	15	6	9	—	—	—	—	—	2	2	112	6	Присяжн. повѣр. П. К. Балисковъ, съ 1895 г.

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цѣнзъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Цисло жите- лей въ при- ходѣ обоого пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвователей.		Плата за обученіе.	Православныхъ.	Раскольниковъ.	Иновѣрцевъ.
Завѣдуетъ со времени открытія протоіерей Северіанъ Сулима, а законоучитель съ 1895 года, священникъ Василій Мухинъ; оба окончили курсъ духовной семинар. обучаетъ со времени открытія діаконъ Іоаннъ Труфановъ, окончившій курсъ въ духовномъ учил.	—	—	38 р. 50 к.	—	—	—	—	Израско- довано 38 р. 50 к. безъ ос- татка.	—	4300	—	—
Завѣдующій и законоучитель священникъ Василій Соколовскій; окончившій курсъ духовной семинаріи, съ 5 октября 1894 года; учитель псаломщикъ Александръ Макухинъ, съ 15 сентября, 1895 года, изъ духовнаго учил., имѣеть свидѣтельство на званіе учителя.	—	—	15	700 р. на устр. экан.	—	—	—	715 руб. остатка нѣтъ.	—	3321	—	—
Завѣдуетъ школою со времени открытія священникъ Θεодоръ Лукашовъ, а законоучитель съ того же времени священникъ Митрофанъ Лазаревскій; оба окончив. курсъ духовной семинаріи, обучаетъ діаконъ Михаилъ Лукашовъ, съ 1894 года, оконч. кур. духов. училища.	—	—	25	—	—	—	—	25 руб. остатка нѣтъ.	—	5022	—	—
Завѣдующій и законоучитель со времени открытія священникъ Александръ Мирошинъ, окончив. курсъ духовной семинаріи; обучаетъ съ 1894 года, діаконъ Петръ Власовскій, изъ 3 класса духовной семинаріи.	—	—	17 р. 8 к.	—	—	—	—	Израско- довано 17 р. 8 к., остатка нѣтъ.	—	8115	—	3
Со времени открытія завѣдуетъ и законоучитель священникъ Никола Жуконъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; обучаетъ мѣстный діаконъ, со времени открытія, Михаилъ Ивановичъ, обучался въ классической гимназій, курса не окончилъ, имѣеть свидѣтельство.	—	—	42	—	—	—	—	Приходъ 42 р., ос- татка нѣтъ.	—	8386	—	—
Завѣдующ. и законоучит. свящ. Владиміръ Титовъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; обуч. съ 1895 года, діаконъ Іоаннъ Гальскій, изъ учительской семинаріи, имѣеть свидѣтельство на приходского учителя.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2610	—	—
Со врем. открыт. законоучит. и завѣд. школою священ. Іоаннъ Салухинъ, изъ сред. отдѣл. духов. семинар.; обуч. со врем. открытія мѣст. псаломш. Θεодоръ Степанко:	—	—	30	—	6	—	—	Израско- довано 36 р., ос- татка нѣтъ.	—	2818	—	—

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьных занятій.	Число учащихся въ школѣ.							Число окончившихъ курсъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какою времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?		
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ.			Съ свид. на льготу.	Безъ свид. на льготу.					Дѣвочекъ.	
					Православнаго исповѣдан.	Католическаго.	Лютеранскаго.								
270	Кармазиновская, единовѣрческая, въ слободѣ Кармазиновкѣ, 1 сентября 1880 г.	Помѣщается въ своемъ домѣ, удобно.	32	4	36	—	—	—	—	—	5	—	185	48	—
271	Колодежанская, въ слободѣ Колодезной, 15 ноября 1894 года.	Въ церкви. Сторожкѣ, неудобной.	22	—	22	—	—	—	—	—	12	—	160	3	—
272	Коломійчанская, въ слободѣ Коломійчехъ, 1 августа 1894 года.	Въ наемномъ зданіи, не вполне удобно.	25	—	25	—	—	4	—	—	1	—	240	1	—
273	Комаровская, въ слободѣ Комаровкѣ, Изюмскаго уѣзда, 9 января 1888 года.	Въ собственномъ домѣ, удобно.	35	—	35	—	—	2	—	—	7	—	88	10	Землѣвл. Г. О. Холодовъ со времени открытія.
274	Краснянская, въ слободѣ Краснянкѣ, при Архангело-Михайловской церкви, 15 апрѣля 1885 года.	Въ церковномъ домѣ очень удобно.	42	15	54	—	3	1	2	1	—	—	85	15	—
275	Кругляковская, въ слободѣ Кругляковкѣ, 8 декабря 1893 года.	Въ церкви. Сторожкѣ, удобной для 15 учениковъ.	17	—	17	—	—	3	1	—	10	—	102	62	—
276	Куземовская, въ слободѣ Куземовкѣ, 25 январ. 1888 г.	Въ церкви. Сторожкѣ, удобной на 15 учениковъ.	22	1	23	—	—	4	—	1	7	1	151	12	—

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоого пола.				
	Отъ Епарх. Училищнаго Совѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. почитателей.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.		Отъ частныхъ жертвовател.	Плата за обученіе.	Православныхъ.	Раскольниковъ.	Иноверцевъ.
Завѣдуетъ со времени открытія протоіерей Тимофей Раздобаровъ, законоучитель священникъ Антоній Васютинъ, оба домашняго образовавія; обучаетъ псаломщикъ Николай Юрковъ, окончилъ курсъ въ Московскомъ единовѣрческомъ училищѣ.			20					Израсх. 20 руб. остатка нѣтъ.	—	116	1	—
Со времени открытія завѣдуетъ и законоучитель священникъ Сергій Лавренкоуъ, окончилъ курсъ духовной семинаріи; обучаетъ діакоуъ Михаилъ Слюсаревъ, изъ 3 класса духовной семинаріи.			25 р. 53 к.					Израсх. 25 р. 53 к. остатка нѣтъ.	—	2500	—	—
Со времени открытія завѣдуетъ и законоучитель священникъ Яковъ Любарскій; окончилъ курсъ духов. семинаріи; обучаетъ псаломщикъ Алексій Мухомъ, окончилъ курсъ двухклассное училище; имѣетъ свидѣтельство.					10			На наемъ помѣщен. 10 руб. остатка нѣтъ.	—	1898	—	—
Завѣдуетъ законоучитель съ 1894 года, священникъ Александръ Ковалевъ; окончилъ курсъ духовной семинаріи; обучаетъ въ школѣ съ 1893 года, псаломщикъ Сергій Федоровъ, изъ 3 класса духовнаго училища.					12			Уплочено сторожу 12 руб., остатка нѣтъ.	—	1243	—	—
Завѣдуетъ и законоучитель со времени открытія священникъ Василій Рождественскій, окончилъ курсъ духовной семинаріи; обучаетъ дѣвица Варвара Курасовская, изъ женской прогимназіи, имѣетъ свидѣтельство, съ 27 сентября 1893 года.					25	80		Израсх. 55 руб. остатка нѣтъ.	Учительница по-лучаетъ 133 руб. 33 к. вычета изъ доходовъ мѣстнаго діакона.	3890	350	—
Со времени открытія завѣдуетъ школою священникъ Іосифъ Самойловъ, а законоучитель съ 1894 года, священникъ Платонъ Стаховскій; оба окончилъ курсъ духовной семинаріи; обучаетъ діакоуъ Вепедакъ Чиркинъ; окончилъ кур. учительской семинаріи.						8 р. 40 к.		Израсх. 8 р. 40 к. остатка нѣтъ.	—	5585	—	—
Завѣдуетъ и законоучитель со времени открытія священникъ Михаилъ Сѣкирскій; окончилъ курсъ духовной семинаріи; обучаетъ съ 1892 года, псаломщикъ Николай Колдобаринскій, изъ 2 класса ду-			5					Израсх. 5 руб. остатка нѣтъ.	—	3602	—	—



Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоюго пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечителя.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвовател.		Плата за обученіе.	Православныхъ.	Раскольниковъ.	Иновѣрцевъ.
Завѣдуетъ священникъ Іоаннъ Куницынъ, и законоучитель священникъ Іаковъ Филевскій; оба со времени открытія школы и оба окончили курсъ духовной семинар.; обучаетъ со времени открытія школы диаконъ Захарій Звѣревъ, изъ 3 класса духовнаго училища.			5					Израсх. 5 руб. остатка нѣтъ.	—	3837	2	—
Завѣдуетъ и законоучитель со времени открытія священ. Георгій Сулима, окончилъ курсъ духовной семинаріи; обучаетъ съ 1894 года, диаконъ Елисей Новомірскій, изъ 3 класса духовнаго училища.								—	—	3400		—
Завѣдуетъ и законоучитель со времени открытія священникъ Трифонъ Бугуцкій; окончилъ курсъ духовной семинар.; обучаетъ кр. Антоній Сергіенко, окончилъ кур. въ народной школѣ.			10	6			5	Израсх. 21 руб. остатка нѣтъ.	Изъ пожертво-ван. церковію и частными ли-цами 15 руб.	2051		—
Завѣдуетъ и законоучитель со времени открытія школы священникъ Павелъ Сашантовъ; окончилъ курсъ духовной семинаріи; обучаетъ диаконъ Василій Яеубовичъ, съ 1894 года, не окончилъ курса въ духовномъ училищѣ.			6					Израсх. 6 р. 50 к. остатка нѣтъ.	—	2851	41	—
Завѣдуетъ и законоучитель протоіерей Василій Поповъ; окончилъ курсъ духовной семинаріи; обучаетъ съ 1894 года, потомств. гражданинъ Григорій Любарскій; окончилъ курсъ въ уѣздномъ учил.			10				60	Израсх. 70 руб. остатка нѣтъ.	Отъ частнаго жертвователя 60 рублей.	3412	64	—
Завѣдуетъ со времени открытія протоіерей Евгеній Квитницкій, законоучитель съ 1 декабря 1891 года, священникъ Теодоръ Горбачевскій, оба изъ духовной семинаріи; обучаетъ съ 1885 года, диак. Андрей Панкратьевъ; окончилъ курсъ учительской семинаріи.			30					Израсх. 87 р. 50 к. остатка нѣтъ.	—	5300		—
Завѣдуетъ и законоучитель со времени открытія священникъ Григорій Кулячакскій; окончилъ кур. духовной семинаріи; обучаетъ диаконъ Іоаннъ Христіановскій, съ 1893 г., изъ пизш. отд. духов. сем.								—	—	3667		—
Со врем. открыт. свящ. Викторъ Флоринскій, оконч. кур. духовной семинаріи; обучаетъ псаломщ. Михаилъ Дзюбановъ, со врем. откр.								Израсх. 25 руб. остатка нѣтъ.	Изъ доходовъ діакона 50 руб.	1400		—

№№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.				Число окончившихъ курсъ.		Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какою времени составляетъ попечительство или попечительницу школы?
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.			
					Съ свѣд. на льготу.	Безъ свѣд. на льготу.					
285	Ново-Николаевская, въ слободѣ Ново-Николаевскѣ, 28 сентября 1894 года.	Въ церковн. сторожкѣ, очень удобной.	2	—	2	—	—	—	—	—	—
286	Ново-Никольская, въ слоб. Ново-Никольскѣ, 18 ноября 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, мало удоб.	—	18	18	—	—	—	7	170	6
287	Ново-Ольшанская, въ слоб. Ново-Ольшанской, 2 октяб. 1889 года.	Въ домѣ священника Іоанна Макаровскаго; безплатно; помѣщеніе удобное.	60	38	98	—	—	8	—	213	27
288	Ново-Осиновская, въ слоб. Ново-Осиновой, 1 декабря 1893 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной на 15 учениковъ.	14	—	14	—	—	—	—	137	15
289	Отрадовская, въ слободѣ Отрадномъ, 14 февраля 1894 года.	Въ церковномъ домѣ, удобномъ.	20	6	26	—	—	—	2	3	120
290	Петропавловская, въ слоб. Петропавловскѣ, 17 января 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобно на 25 учениковъ.	20	2	22	—	—	—	2	—	139
291	Песно-Радьновская, въ слободѣ Пески-Радьковскіе, 2 ноября 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной.	23	4	27	—	—	—	—	56	35

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о. Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струшниковъ.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича —„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ еднновѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ля intercom- munion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о вращеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Дяницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

# ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

---

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ ~~высылать~~ по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

**■** Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

---

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,  
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.